

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**CITIZEN
ELECTIONS
AUTHORITY**

НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
SCIENTIFIC AND ANALYTICAL JOURNAL

**№ 1(11)
2019**

ЯНВАРЬ–МАРТ
JANUARY–MARCH

МОСКВА
MOSCOW

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПАМФИЛОВА Элла Александровна,
Председатель Центральной избирательной
комиссии Российской Федерации
(председатель)

ВАСИЛЕВИЧ Григорий Алексеевич,
заведующий кафедрой конституционного права
Белорусского государственного университета,
член-корреспондент Национальной академии
Беларуси, доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Республики Беларусь
(Беларусь)

ГАБОВ Андрей Владимирович, заместитель
директора Института законодательства
и сравнительного правоведения при
Правительстве Российской Федерации, член-
корреспондент Российской академии наук,
доктор юридических наук, заслуженный юрист
Российской Федерации

ГРОМЫКО Алексей Анатольевич, директор
Института Европы РАН, член-корреспондент
Российской академии наук, доктор
политических наук, профессор РАН

ЕНИКЕЕВ Шамиль Мидхатович, доктор
политологии Оксфордского университета,
управляющий директор Оксфордского
международного центра (Великобритания)

ПРОРОК Владимир, проректор Института
международных и общественных отношений,
доктор философии (Чехия)

Главный редактор Гасанов И. Б.

Ответственный секретарь Ежов Д. А.

Журнал выходит 4 раза в год

Свидетельство: ПИ № ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Подписной индекс
в каталоге «Пресса России» 85482

Учредитель: Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации

Издатель: Российский центр обучения избирательным
технологиям при Центральной избирательной комиссии
Российской Федерации

Адрес редакции:

101000, г. Москва, ул. Мясницкая, д. 47
Тел.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Центральная избирательная комиссия
Российской Федерации, 2019

EDITORIAL BOARD

PAMFILOVA Ella Aleksandrovna,
Chairman of the Central Election Commission
of the Russian Federation
(Chairman)

VASILEVICH Grigorii Alekseevich,
Head of Department of the Constitutional Law,
Belarusian State University, Associate Member
of the National Academy of Belarus,
Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer
of Belarus Republic
(Republic of Belarus)

GABOV Andrei Vladimirovich, Deputy Director
of the Institute of Legislation and Comparative
Law under the Government of the Russian
Federation, Associate Member of RAS,
Doctor of Law, Honored Lawyer of the Russian
Federation

GROMYKO Aleksei Anatol'evich, Director
of the Institute of Europe of RAS, Associate
Member of RAS, Doctor of Political Sciences,
Professor of RAS

ENIKEEV Shamil' Midkhatovich, PhD (Pol.Sci.)
of the Oxford University, Managing Director
of the Oxford International Centre
(United Kingdom)

PROROK Vladimir, Vice-Rector of the College
of International and Public Relations
(Czech Republic)

Editor-In-Chief I. B. Gasanov

Executive Secretary D. A. Ezhov

Published 4 times per year

Certificate: ПИ No. ФС77-66246

ISSN 2587-6449

Subscription index
in the catalogue "Russian Press" 85482

Founder: Central Election Commission
of the Russian Federation

Publisher: Russian Centre for Training in Election
Technologies under Central Election Commission
of the Russian Federation

Editorial Office:

Myasnitskaya ulitsa, 47, 101000, Moscow
Tel.: (495) 606-84-16
e-mail: gvv@rcoit.ru
<http://www.rcoit.ru/lib/gvv/>

© Central Election Commission
of the Russian Federation, 2019

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ЭБЗЕЕВ Борис Сафарович, член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный деятель науки Российской Федерации (председатель)

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя)

БАКУШЕВ Валерий Владимирович, заведующий кафедрой парламентаризма и межпарламентского сотрудничества отделения «Высшая школа правопведения» факультета государственного и муниципального управления Института государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

БОРИСОВ Игорь Борисович, Председатель Совета Российского общественного института избирательного права, член Совета при Президенте Российской Федерации по развитию гражданского общества и правам человека, кандидат юридических наук

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, заведующий кафедрой социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), доктор политических наук, доцент

ВОЛКОВА Анна Владимировна, доцент кафедры политического управления Санкт-Петербургского государственного университета, Председатель научной комиссии в области политических наук Санкт-Петербургского государственного университета, доктор политических наук, доцент

ВОЛОДЕНКОВ Сергей Владимирович, профессор кафедры государственной политики факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, доктор политических наук, доцент

ВЫДРИН Игорь Вячеславович, заведующий кафедрой конституционного и международного права Уральского института управления — филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

ГАСАНОВ Исмаил Байрамович, главный редактор журнала «Гражданин. Выборы. Власть», кандидат политических наук

EDITORIAL BOARD

EBZEEV Boris Safarovich, member of the Central Election Commission of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation, Honored Worker of science of the Russian Federation (Chairman)

VEDENEEV Yuri Alekseevich, Professor of the Department of Theory of State and Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor, Honored Lawyer of the Russian Federation (Deputy Chairman)

BAKUSHEV Valery Vladimirovich, Head of Department of Parliamentarism and Inter-Parliamentary Collaboration, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Political Sciences, Professor

BORISOV Igor Borisovich, Chairman of Council of the Russian Public Institute of Electoral Law, member of the Presidential Council for Development of Civil Society and Human Rights, Candidate of Law

BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, Head of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU), Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLKOVA Anna Vladimirovna, Associate Professor of the Department of Political Governance, Chairman of Scientific Commission in the Field of Political Sciences, Saint Petersburg State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VOLODENKOV Sergey Vladimirovich, Associate Professor of the Department of State Policy of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University, Doctor of Political Sciences, Associate Professor

VYDRIN Igor Vyacheslavovich, Head of the Department of Constitutional and International Law, Ural Institute of Administration — Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), Doctor of Law, Professor

GASANOV Ismail Bairamovich, Editor-In-Chief of the Journal “Citizen. Elections. Authority”, Candidate of Political Sciences

ЕЖОВ Дмитрий Александрович, ответственный секретарь журнала «Гражданин. Выборы. Власть», доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, кандидат политических наук, доцент

КАБЫШЕВ Сергей Владимирович, профессор кафедры конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), заслуженный юрист Российской Федерации, кандидат юридических наук, доцент

КОМАРОВА Валентина Викторовна, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

МАКАРЦЕВ Андрей Алексеевич, декан факультета государственного сектора Новосибирского государственного университета экономики и управления, кандидат юридических наук, доцент

ОСАВЕЛЮК Алексей Михайлович, профессор Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА), доктор юридических наук, профессор

ПЕТРИЩЕВ Вячеслав Николаевич, ректор Международного независимого эколого-политологического университета (Академии МНЭПУ), кандидат политических наук

ПОСТНИКОВ Александр Евгеньевич, заведующий отделом конституционного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор

СЛАТИНОВ Владимир Борисович, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Курского государственного университета, доктор политических наук, доцент

СМИРНОВ Вильям Викторович, заведующий сектором теории права и государства Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Российской Федерации, доцент

УСМАНОВ Рафик Хамматович, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, директор департамента социально-политических и экономических исследований Евразии и Востока Астраханского государственного университета, доктор политических наук, профессор

ЧЕРНЫШОВ Алексей Геннадьевич, профессор кафедры «Государственное и муниципальное управление» Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доктор политических наук, профессор

EZHOV Dmitry Aleksandrovich, Executive Secretary of the Journal "Citizen. Elections. Authority", Associate Professor of the Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, Candidate of Political Sciences, Associate Professor

KABYSHEV Sergey Vladimirovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Honored Lawyer of the Russian Federation, Candidate of Law, Associate Professor

KOMAROVA Valentina Viktorovna, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

MAKARTSEV Andrey Alekseevich, Dean of the State Sector Faculty, Novosibirsk State University of Economics and Management, Candidate of Law, Associate Professor

OSAVELYUK Aleksei Mikhailovich, Professor of the Department of Constitutional and Municipal Law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Doctor of Law, Professor

PETRISHCHEV Vyacheslav Nikolayevich, Rector of the International Independent Ecological and Political University (Academy MNEPU), Candidate of Political Sciences

POSTNIKOV Aleksandr Evgen'evich, Head of the Department of Constitutional Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor

SLATINOV Vladimir Borisovich, Head of the Department of State and Municipal Administration, Kursk State University, Doctor of Law, Associate Professor

SMIRNOV William Viktorovich, Head of the Sector of Theory of Law and State, Institute of State and Law of RAS, Candidate of Law, Honored Lawyer of the Russian Federation, Associate Professor

USMANOV Rafik Khammatovich, Head of the Department of Political Science and International Relations, Director of the Department of Socio-Political and Economic Studies of Eurasia and East, Astrakhan State University, Doctor of Political Sciences, Professor

THERHYSHOV Aleksei Gennadievich, Professor of the Department "State and Municipal Law", Financial University under the Government of the Russian Federation, Doctor of Political Sciences, Professor

- Теория права**
- 7 **Ю.А. Веденеев**
Эпистемология права: между догматическим наследием и языком новой аналитики
- 42 **В.И. Карасев**
Право и политика в демократическом обществе: некоторые аспекты методологии и теории современного исследования
- Избирательное право**
- 66 **Э.И. Девицкий**
Дефекты как основание для совершенствования избирательного законодательства
- 79 **А.А. Рогова**
Административно-правовой анализ правонарушений избирательных прав граждан: проблемы и решения
- 87 **С.Т. Хапчаев**
Исламские правовые системы в электоральном контексте
- Избирательный процесс**
- 96 **И.Г. Чистобородов**
Государственное управление избирательным процессом: концептуальные и доктринальные основания
- Электоральные технологии**
- 123 **Е.В. Бродовская, А.Ю. Домбровская, А.А. Азаров, Д.Н. Карзубов**
Сетевые группы мобилизации протестных установок: структура и приемы формирования мнений (на примере онлайн-сообществ сети «ВКонтакте», обсуждающих проблемы развития Крыма в составе Российской Федерации)
- Политические процессы**
- 140 **С.О. Бышок**
Перспективы правых популистов в новом составе Европарламента (2019–2024)
- Пространство молодого ученого**
- 154 **А.А. Ищенко**
Законодательный процесс как формирование общей государственной воли
- 166 **В.И. Федоров**
О значении жеребьевки на выборах в России
- 175 **Н.П. Хорхордина**
Демократический контроль: теоретическое измерение проблемы
- Рецензии**
- 184 **С.В. Королев**
Избирательная система — фактор становления и развития российской демократии
- 189 **А.Г. Головин, А.А. Головина**
Теория права в поиске новой парадигмы развития
- События**
- 197 **Е.Н. Рыжков, Ю.В. Анисимова**
Международная научно-практическая конференция «Молодые избиратели и кандидаты: от права избирать к праву быть избранным»
- 203 Сведения об авторах

	Theory of Law
7	Y.A. Vedeneev Epistemology of Law: Between Dogmatic Heritage and Language of New Analytics
42	V.I. Karasev Law and Policy in a Democratic Society: Some Aspects of Methodology and Theory Modern Research
	Electoral Law
66	E.I. Devitskii Defects as a Foundation for Improving of Electoral Legislation
79	A.A. Rogova Administrative Legal Analysis of Offenses Attaching Election Rights of Citizens: Problems and Solutions
87	S.T. Khapchaev The Islamic Legal Systems in the Electoral Context
	Electoral Process
96	I.G. Chistoborodov State Management of the Electoral Process: Conceptual and Doctrinal Foundations
	Electoral Technologies
123	E.V. Brodovskaya, A.Y. Dombrovskaya, A.A. Azarov, D.N. Karzubov Network Groups Mobilize Protest Attitudes: Structure of Relationships and Methods of Opinion Formation (Case: Online Communities on The Problems of Crimea Development as a Russian Federation Part)
	Political Processes
140	S.O. Byshok Prospects of Right-Wing Populists in the European Parliament (2019–2024)
	Young Scientist’s Space
154	A.A. Ischenko The Legislative Process as a Formation of General Government Will
166	V.I. Fedorov About the Drawing of Lots' Importance in the Russian Elections
175	N.P. Khorhordina Democratic Control: the Theoretical Dimension of the Problem
	Reviews
184	S.V. Korolev The Electoral System as a Factor of Formation and Development of Russian Democracy
189	A.G. Golovin, A.A. Golovina Theory of Law in Searching for a New Paradigm of Development
	Events
197	E.N. Ryzhkov, Y.V. Anisimova Scientific and Practical Conference “Young Voters and Candidates: From the Right to Elect to the Right to Be Elected”
203	Our authors

ЭПИСТЕМОЛОГИЯ ПРАВА: МЕЖДУ ДОГМАТИЧЕСКИМ НАСЛЕДИЕМ И ЯЗЫКОМ НОВОЙ АНАЛИТИКИ

***Аннотация.** Статья посвящена концептуальным сдвигам в описании и объяснении феномена права. Предмет науки права — категория меняющихся ментальных, языковых и концептуальных форм его существования и выражения. Развитие науки права подчинено культурно-исторической логике эволюций, как явления права, так и языка рассуждения о праве. Эволюции явления права и эволюции науки права протекают в сложной и динамичной среде институциональных и концептуальных изменений и взаимовлияний. Правовая реальность как социальный факт и понятие о факте существует в культурно-исторических границах взаимодействия языка правовой практики и языка правовой теории. Понимание правовой реальности как языковой реальности (феномена) требует разработки ментальных моделей (эпистем), позволяющих выделять наиболее значимые аспекты проявления правовой реальности в разнообразных социокультурных контекстах ее языкового — институционального (практического) и концептуального (теоретического) выражения. В актуальной повестке дня — становление в общем корпусе правовой науки теории самой юриспруденции. Ее предметно-аналитическое основание составляет теоретическая история юридической науки, представленная в различных культурно-исторических формах существования и выражения юридического знания.*

***Ключевые слова:** правовые институты и концепты, феноменология и аксиология права, поэтика и семиотика юридического текста, образ права и понятие права, воображаемая правовая реальность, концептуальная карта мира, юридический язык и юридический дискурс, понятие «право» и понятие «юриспруденция».*

EPISTEMOLOGY OF LAW: BETWEEN DOGMATIC HERITAGE AND LANGUAGE OF NEW ANALYTICS

***Abstract.** The article is devoted to conceptual shifts in the description and explanation of the phenomenon of law. The subject of the science of law is a category of changing mental, linguistic and conceptual forms of its existence and expression. The development of the science of law is a subject to the cultural and historical logic of evolution, both of the phenomenon of law and the language of reasoning about law. The evolution of the phenomenon of law and the evolution of the science of law take place in a complex and*

dynamic environment of institutional and conceptual changes and mutual influences. Legal reality as a social fact and the concept of a fact exists in the cultural and historical boundaries of the interaction of the language of legal practice and the language of legal theory. Understanding of legal reality as a linguistic reality (phenomenon) requires the development of mental models (epistems), allowing to highlight the most significant aspects of the manifestation of legal reality in various sociocultural contexts of its linguistic and institutional (practical) and conceptual (theoretical) expression. In the current agenda is an emergence in the general corpus of legal science of the theory of jurisprudence. Its basis is the theoretical history of legal science, presented in various cultural and historical forms of existence and expression of legal knowledge.

Keywords: *legal institutions and concepts, phenomenology and axiology of law, poetics and semiotics of legal text, image of law and concept of law, imaginary legal reality, conceptual map of the world, legal language and legal discourse, concept of law and concept of jurisprudence.*

*...границы нашего мира
определяются границами используемых нами языков.*

Людвиг Витгенштейн

История вопроса: концептуальная эволюция дисциплины

1. Общая тема статьи — право и исторические системы знаний о праве¹. Правовая реальность — фрагмент социальной реальности. Юридическое знание — одна из форм репрезентаций или ментальное проявление

¹ Считаю необходимым предварить последующие рассуждения о развитии систем юридических знаний одним, дополняющим общую картину темы и процесса, замечанием. Историческое измерение развития права и науки права уже представлено в общей дисциплинарной структуре юридической науки такими областями юридического знания, как «история государства и права» и «история политических и правовых учений». История государственно-правовых институтов и история политико-правовых доктрин — часть общей и профессиональной подготовки юристов на уровне бакалавриата и магистратуры. Дополнительный исследовательский и образовательный импульс развития данного компонента юридической науки и образования связан также с появлением сегодня новой учебной дисциплины — «истории и методологии юридической науки».

Расширение предметно-методологической сферы изучения самой юриспруденции — само по себе и научный факт, и новый предмет юридических исследований. На наш взгляд, в общем корпусе исследовательских направлений юридической науки существенное место должна занимать комплексная проблема и тема культурно-исторических и эпистемологических оснований развития юриспруденции. Ее дисциплинарное самоопределение и выражение и составляет именно *теоретическая* история развития систем юридических знаний или концептуальная история юридической науки. Иначе говоря, новую предметную область образуют и история развития юридической науки, и история концепций, объясняющих ее проблемность в культурно-исторических и концептуальных контекстах их возникновения и существования. История и теория систем юридического знания — это своего рода юридическая археология в духе построений Мишеля Фуко. Она непрерывно пополняется и воспроизводится своими руинами и новым строительным материалом. Это история параллельно существующих и сосуществующих систем юридических знаний, зачастую несовместимых по своим онтологическим и эпистемологическим основаниям. Ее объяснительный потенциал заключен в категориях «*деконструкция*» и «*ризом*», введенных в научный оборот в свое время Жаком Деррида, Жилем Делёзом и Феликсом Гваттари. Ничего не умирает, все живет своей внутренней жизнью в другой жизни. Разрушители классических эпистем оказались, по существу, их охранителями. В этом смысле истории как таковой нет. История на самом деле — это ирония.

правовой реальности. Право как онтологически нормативная данность и явление права, пересекающиеся категории. Право как данность существует в форме правопорядка конкретной исторической эпохи. Явление права существует в форме коллективных представлений о должном порядке социальных отношений. Это — ментальные образы правопорядка, складывающиеся в определениях языка социокультуры своего времени. Социокультуры продуцируют различные нормативные образы правовой реальности. Ментальный образ архаического порядка заключен в юриспруденции мифа и ритуала, ментальный образ средневекового порядка — в юриспруденции греха и воздаяния, ментальный образ порядка эпохи модерна — в юриспруденции рационального выбора и действия. Любой правопорядок — это одновременно и историческая данность (право *per se*) и модусы юридических картин мира своей эпохи. Они различны по своим культурно-историческим и формальным основаниям [1].

Правовая реальность такова, каковы представления о правовой реальности. В этом аспекте своего существования и выражения правовая реальность — это, прежде всего воображаемая или символическая реальность. Эволюция права — одновременно и эволюция языков представлений о праве, выросших из процессов символических коммуникаций и заменивших нормативный язык природного, биологического общения нормативным языком социокультуры [2]. Правогенез — симбиоз социогенеза и культурогенеза или совместного развития систем нормативных практик и систем исторических языков представлений о должном или недолжном порядке социальных отношений. Право определяет себя не только тем, что является его предметом, но и в том, что и как оно воспринимает в качестве своего предмета. Право — это симбиоз норм и ценностей, правил и мировоззрений. Феноменология права включает в себе аксиологию права, аксиология права лежит в основании эпистемологии права.

Представления — не только и не столько элементы правосознания, это — нормативные факты-концепты, лежащие в основании процессов формальной институционализации. Институты меняются вместе с представлениями об институтах. Так, культурно-исторические практики становления и развития права в определениях юридического концепта действительности *Aequitas* и/или *Justitia* различны по своей внутренней юридической сути и обусловленному ими процессу правоформирования². Идея справедливости, выраженная на языке естественно-правовых представлений о должном (*гуманитарном смысле*), и она же, выраженная на языке позитивистских представлений о праве (*формальном смысле*), включает в себе не только

² Содержательное и терминологическое различие категории «справедливость» в ее нормативной двойственности и различных культурно-исторических контекстах высказано Б.С. Эбзеевым, общение с которым всегда служило направляющим импульсом размышлений о праве.

различные ментальные и когнитивные основания понимания права; ментальные образы и модели восприятия, переживания и отношения к праву выступают также активными элементами процесса правообразования и строительным материалом своих институтов и конкретно-исторических правовых систем в целом.

Современная юридическая наука полагает широкий контекст формирования и действия права, далеко выходящий за рамки формально-догматической версии понимания права и предмета позитивной теории, основанного на ее аксиоматических положениях. Юриспруденция не просто лежит в основании государственно-правовых институтов, сами институты являются олицетворением юриспруденции. Предмет юриспруденции — сама юриспруденция в ее знаниевых формах и обозначенных в них дискурсивных практиках и институтах. Одного только доктринально санкционированного определения понятия права как *«совокупности правил человеческого поведения, установленных ... в целях охраны, закрепления и развития общественных отношений и порядков, выгодных и угодных господствующему классу»* [3, с. 40–41; 4]³, вполне достаточно для понимания нормативной роли языка в конституировании отечественной институциональной реальности.

Быть, значит иметь свое собственное имя или наименование, свою языковую и дискурсивную форму выражения. Важно лишь не переопределять себя на нормативном языке, противоречащем юридическому смыслу социального общения, заключенному в предметной логике самого социального общения. Социальные институты потому и являются институтами, что заключают в себе свое собственное право и живут этим правом. Это —

³ Канонический образ права как инструмента государственной воли и политики победившего класса открывал неограниченные возможности социального мифотворчества, что исключало какую-либо рефлексию на предмет действительных границ в строительстве нового мира, поскольку никаких юридических ограничений в борьбе за светлое будущее по определению не могло быть. Право в этатистской логике понимания его природы и бюрократическом стиле выражения с его безапелляционностью и дотошной мелочностью инструкции и наставления не подлежало какой-либо критике со стороны своих доктринальных и концептуальных оснований. Власть дискурса и дискурс знания о власти поддерживали и воспроизводили друг друга. Задачи юридической науки фактически заключались в придании официально санкционированной версии определения права научной респектабельности.

Аналитика формально-догматической юриспруденции обнаруживала себя, главным образом, в юридико-технической разработке прикладных тем. Научные дискуссии теоретико-методологического характера при всей своей пафосности сводились к одному и тому же конечному результату — подтверждению безусловной истинности того, что и так не нуждалось в доказательствах. Либо, в лучшем варианте, в извлечении на свет божий того, что было давно представлено и освоено отечественной дореволюционной юриспруденцией, либо доверительному рассказу о том, как живительная влага заграничного знания попадает в научный оборот из реферативных ресурсов академического Института научной информации по общественным наукам.

Post scriptum. Источник заграничных знаний (ИНИОН РАН) сгорел в прямом смысле вместе с уникальным историческим архивом и библиотекой, видимо, в силу своей ненадобности в эпоху перемен и очередного скачка в очередное светлое будущее.

вопрос социокультуры, превращающей спонтанные социальные действия и ориентации в институты. Советская юриспруденция — классический образец того, как негативная политическая практика может прикрываться позитивной формально-догматической эпистемологией, претендующей на научность и объективность, исключающей критику собственных категориальных и институциональных оснований. Знать все закономерности, касающиеся других, и проспать 1991 год.

Юридическое знание существует не только в различных исторических формах своей репрезентации — мифологической, символической, рациональной, но также в различных языковых модальностях своего присутствия и участия в формировании правовой реальности. Движение от эмпирической формы знания к теоретической, от доктринальной формы к понятийной — эпохи концептуальной эволюции науки, в том числе и юриспруденции. Она — составная часть процесса правопонимания и правообразования (*производства права*), процесса реализации и применения права. Классическая римская юриспруденция вышла из юридической практики. Эпоху превращения эмпирических конструкций в понятия сменила эпоха трансформации модальных концепций в практические конструкции. Социокультурная и нормативная разработки языка описания и объяснения явления права (*концептуализации права*) в современных условиях — составная часть и процесса производства знаний о праве, и процесса производства права. В юридическом языке, на котором говорит право, заключено его прошлое, настоящее и будущее. Фундаментальная проблема современной юриспруденции заключена в разработке языка описания и объяснения новых явлений социальной, экономической и политической практики, требующих их адекватной юридической квалификации и применения. Существующий формат догматической юриспруденции ограничивает свое концептуальное развитие главным образом текущим переопределением наличных понятий в их общей формальной номенклатуре, а не расширением своего предметного поля и аналитического языка [5; 6; 7; 8]⁴.

⁴ В известном отношении логика формального переопределения языка догматической юриспруденции доминирует и в альтернативной версии понимания права — либертарно-юридической теории. Ключевые фигуры школы концентрируют свою аналитику не на разработке принципиального нового языка описания и объяснения явления права, что собственно и превращает ее в концептуальную альтернативу старой юриспруденции, а на привязывании ее базовых категорий и понятий к выстрадавшему основоположником школы В.С. Нерсесянцем ментальным образам правовой свободы и равенства. Справедливость почему-то не в почете у сторонников либертарной теории, хотя именно справедливость и резюмирует в себе смысл собственно юридического отношения к действительности.

Интерпретативный формат либертарной теории права фактически закрыл перспективу ее собственного аналитического развития, обрекая на дискуссию с вечным оппонентом, а в конечном итоге, с самой собой. *Mainstream* юриспруденции на закате собственного творения закончился тем, с чего и начался, то есть такой же догмой, но теперь собственного производства.

Дисциплинарное различие предметов практической и теоретической юриспруденции, характерное для отечественной юридической науки, методологически и предметно некорректно, поскольку институциональная и концептуальная логики развития права и науки права, существуя в общем ментальном и когнитивном пространстве, определяют и воспроизводят друг друга. Поэтому сама постановка вопроса о том, кто кого оплодотворяет ресурсами концептуального развития: теория права — отраслевые науки, или отраслевые науки — правовую теорию, напоминает главную дискуссию средних веков о существовании общих понятий в их сакральной роли устройства мира. Их бытие номинально или реально? Оно ни номинально, ни реально, оно объективно. Общие понятия — ни что иное, как образы мира, метафизические смыслы его фактического бытования: общее проявляется в конкретном; конкретное находит себя в общем. Различие в подходах к описанию и объяснению правовой реальности выражает всего лишь различные уровни ее действительного совместного существования. Отношения взаимности эмпирического и теоретического лежат в основании эпистемологии юриспруденции. Эмпирический материал насыщает новым содержанием аналитические категории, а аналитические категории открывают новые значения в эмпирическом материале: одно заключено в другом и наоборот.

Дисциплинарная структура юридической науки является отражением общих и конкретных концептуальных оснований развития системы юридических знаний в целом. Ее организация в культурно-исторической логике и динамике расширяющегося предмета исследования сама по себе является эпистемологической проблемой. Классический предмет юриспруденции — изучение социального поведения в различных исторических системах правовых правил, институтов и процедур. Рефлексия на предмет самое себя — новая фаза концептуальной эволюции юриспруденции. Формирование в общем корпусе юридической науки эпистем, развернутых в культурно-исторической логике эволюции систем юридических знаний или систем категорий и понятий, в рамочных определениях которых осмысляются государственно-правовые явления — актуальная тема юридической науки. Это и есть предмет нового формата юриспруденции, метатеории или теории ее теории, то есть эпистемология юриспруденции.

Проблема концептуализации самой юридической науки, ее предмета и языка заключена в логике реальных асимметричных отношений между новыми явлениями правовой действительности и старым языком юриспруденции. Если старая юриспруденция в своих определениях исходит из принципа нормативности полученных знаний, закрытых в широком диапазоне возможных интерпретаций своего предмета и языка, то новая юриспруденция в своих концептуальных построениях исходит из принци-

па междисциплинарной рефлексивности, открытой различным и конкурирующим дискурсивным практикам получения знаний. Концептуальный симбиоз воображаемого и реального, языка житейской прозы и высокой поэзии, философии отсутствующего и социологии недействующего права. По существу, речь может идти о двух типологически различных форматах юридической науки, а именно аналитики закрытого и открытого текста со своими правилами производства потребления юридического знания и культурно-историческими репрезентациями, которыми являются сакральная и профанная юриспруденция, юриспруденция священных текстов и юриспруденция повседневности.

По существу, речь может идти о двух типологически различных форматах юридической науки, а именно, аналитики закрытого и открытого текста со своими правилами производства и потребления юридического знания и культурно-историческими репрезентациями, которыми являются сакральная и профанная юриспруденция, юриспруденция священных текстов и юриспруденция повседневности.

Язык юриспруденции разных культур своего существования различным образом реагирует на изменения практик социального общения и появления новых сфер человеческой деятельности. В различной степени своего практического бытования он открыт или закрыт для усвоения всего языкового разнообразия других научных дисциплин естественного и социального профиля, меняющих границы предметного и концептуального формата самой юридической науки. Дисциплинарная матрица правовой науки, живя собственной эпистемологической инерцией, постепенно утрачивает способность видеть, различать и понимать явления, которые ментально и концептуально выходят за понятийные рамки ее кодифицированного языка, выработанного как наличной практикой, так и наличной теорией. В самом языке осмысления социальной реальности заключены нормативные границы не только ее юридического определения, но и существования. Сложные социальные коммуникации требуют открытого институциональным и концептуальным изменениям юридического языка.

2. Отечественная юридическая мысль достаточно условно, но, тем не менее, по не зависящим от логики собственного развития политическим обстоятельствам, распадается на три периода — досоветский, советский и постсоветский. Грани, разделяющие эти внешние по отношению к эволюции самой юридической науки фазы, также весьма размыты, поскольку сложно вычлениить парадигмальные сдвиги в предметных и методологических основаниях дисциплины, опираясь только на ее доктринальные представления о себе. Язык формально-догматической юриспруденции, который составляет одновременно и концептуальное и нормативное ядро всего корпуса юридических наук, и сегодня продолжает воспроизводить

себя безотносительно от регулярно повторяющихся попыток внести в него новые представления о правовой реальности и продолжает доминировать в самой науке права в ее подходах, определениях и конструкциях. За этим обстоятельством прячется одно значимое в понимании нормативной природы права явление. Классическая юриспруденция уловила архетипическую суть юридической организации социальных отношений, заключенную в нормативной природе самих социальных отношений, то есть ее догму, что, разумеется, не может исключать поиск и других, не менее значимых социокультурных оснований развития и концептуализации права. Для юридической науки важна и догма, и культурно-исторический контекст различных форм ее воспроизводства в социальной практике. Если право — это правила, ценности и концепты в их культурно-исторических отношениях, или языки, на которых говорит юридическая практика, то логично предположить, что юриспруденция — это наука о системах правил, ценностей и концептов в их культурно-исторических определениях; или комплексная научная дисциплина, включающая в себя и феноменологию, и аксиологию, и эпистемологию права, исходя из структуры их общего предмета.

Плюралистическая линия движения отечественной юриспруденции конца XIX — начала XX веков была прервана и забыта на долгие десятилетия именно в момент своего концептуального самоопределения. Индикатором изменений является не только расширение понятийного поля правовой науки, но и становление новых научных дисциплин в системе дисциплин, определяющих ее предметно-методологический профиль. Наряду с социологией и антропологией права постепенно формируется исследовательское направление, предмет которого составляет развитие самой юридической науки. Теоретическая история юриспруденции — новое концептуальное измерение эволюции культурно-исторических форм юридического знания. Изучение изменений в структуре и содержании категорий и понятий юриспруденции или языка юридической науки в различных социокультурных и концептуальных контекстах ее саморефлексии означает фундаментальный сдвиг ее собственной эпистемологии [9; 10; 11; 12]⁵. Лучше поздно, чем никогда, но факт остается фактом. Отечественная юриспруденция пока интересуется всем, чем угодно, кроме самой себя, как предметом исследования в логике концептуальных изменений,

⁵ Расширение границ эпистемологии права, действительный предмет которой составляет не только формальное определение понятия права, но также и образы, восприятие и переживание права в контексте социокультуры своей исторической эпохи, существенно меняет понимание его цивилизационной природы, многоуровневой структуры правовой реальности, взаимодействий и влияний ее ментальной, когнитивной и интеллектуальной составляющих. Отсюда собственно и проистекает концептуальная потребность качественного обновления категориально-понятийного аппарата научной дисциплины, способного обнаруживать, описывать и объяснять именно те аспекты правовой реальности, которые выпадают из рассмотрения в рамках позитивистской версии понимания права.

которые характеризуют развитие самой юридической науки⁶. Несмотря на появление в общем объеме научных публикаций отдельных критических материалов, общее состояние литературы вопроса не должно вводить в заблуждение. Объяснение лежит на поверхности. Образ мыслей и действий, как значительной части профессионального научного сообщества, так и практикующих юристов, сохраняет приверженность традиционным взглядам и подходам в описании и объяснении правовых явлений⁷.

⁶ Определенный вклад в понимание кризисной ситуации в теоретической юриспруденции содержат материалы «круглого стола», проведенного кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ и журнала «Государство и право» в ноябре 2015 г. См.: Государство и право. 2016. № 4. С. 5–31. См. также, Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала. М., 2015.

Совершенно иное положение вещей демонстрирует уже сложившаяся и активно позиционирующая себя в общем корпусе гуманитарного и социального сознания науковедческая и культуральная традиция зарубежных исследований. Ее концептуальное наследие, постоянно расширяющееся и обогащающееся в своих определениях, составляет весьма обширную и детально проработанную историографию вопроса. См.: Res Publica. История понятия. СПб., 2009; История понятий, история дискурса, история метафор. СПб., 2010; Кембриджская школа: теория и практика интеллектуальной истории. М., 2018. Она логично вписывается в сложившуюся традицию изучения категориально-понятийных систем и лежащих в их основании ментальных и дискурсивных практик, разрывов преемственности и пересечений языков описания и объяснения социальных явлений, представленную Райнхартом Козеллеком (Германия), Мишелем Фуко (Франция), Квентином Скиннером (Великобритания), Умберто Эко (Италия). Общий обзор эволюции дисциплинарной области исследований с достаточной полнотой представлен в работе Питера Бёрка «Что такое культуральная история?», опубликованной на русском языке в 2015 году. См. также, Эко У. Поиски совершенного языка в европейской культуре. СПб., 2007; Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. (I. Хозяйство, семья, общество; II. Власть, право, религия). М., 1970.

⁷ Основанием столь категоричного суждения являются материалы ряда резонансных дискуссий по вопросам базовой категории юриспруденции «система права», проводимых с известной регулярностью в конце тридцатых (1938), середине пятидесятых (1956–1958), начала восьмидесятых (1982) годов. Фактически речь шла о статусе юриспруденции в системе социально-политических наук.

Советская и постсоветская юридическая мысль вращалась и продолжает безостановочно вращаться вокруг собственных догматических конструкций и определений. Ее аналитика до настоящего времени не вышла за понятийные рамки, которые заключены в языке формальной юриспруденции, отгороженном почти религиозным восприятием и пониманием правовой реальности как государственно-правовой. Парадоксальность ситуации может быть выражена простой формулой христианского богослова Тертуллиана «*истинно только то, во что верую*». Возможность выскочить из замкнутого круга элементарных по своей сути и новизне этатистских построений и аргументации, практически закрыта вектором инерционного движения самой юридической науки. Многообещающие концептуальные сдвиги завершились фактически одним результатом — идеологема «советское или социалистическое право» была реформатирована в идеологему «российское право» без изучения изменений собственно среды своего обитания — ментального, терминологического, семантического и социокультурного контекста. См.: Азми Д.М. Теоретико-методологический анализ отечественного учения о системе права (1938–1946 гг.). М., 2009; Рейхель М.О. К дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1940. № 9; Дембо Л.И. О принципах построения системы права // Советское государство и право. 1956. № 8; Кнапп В. По поводу дискуссии о системе права // Советское государство и право. 1957. № 5; Система советского права и перспективы ее развития. «Круглый стол» журнала «Советское государство и право» // Советское государство и право, 1982, № 6, № 8; Мозолин В.П. Система российского права (доклад на Всероссийской конференции 14 ноября 2001 г.) // Государство и право, 2003, № 1; Петров Д.Е., Байтин М.И. Система права: к продолжению дискуссии // Государство и право, 2003, № 1. С. 25–34. Подробный анализ сложившегося положения дел представлен в коллективной монографии «Система права. История, современность, перспективы. М., 2018.

Как со времен динозавров мало изменились крокодилы, так же и догматическая юриспруденция сохраняет верность заключенной в ее основаниях эпистемологии. Право — только правила, устанавливаемые государством. Это — позитивное право во всех смыслах его понимания и существования.

Разумеется, известная инерция и приверженность к догматической традиции осмысления правовых явлений и процессов имеет под собой доктринальные и практические основания. Консерватизм науки права в ее базовых положениях — гарантия стабильности и формальной определенности самих социальных отношений, регулируемых правом. Теория юридического отражения действительности логично вписана в концептуальную матрицу позитивистских версий понимания права, полагающих первичность юридического бытия относительно сознания и языка его нормативных определений. За рамками остается другой аспект реальных пересечений и взаимовлияний права и науки права, основанный на понимании конститутивной роли языка описания и объяснения правовых явлений в формировании самих правовых явлений. Процессы воспроизводства права замкнуты на процессы воспроизводства знаниевых форм осмысления права. Действительные источники права заключены в понимании, что есть право и что не есть право каждой исторической эпохи его становления и развития. Наличное право, также, как и его аналитическое продолжение — юридическая наука, существуют в определениях языка социокультуры, ее собственной онтологии, феноменологии и аксиологии.

Не касаясь собственно вопроса концептуальной истории юридической науки, имеющей уже свою историографию [13, с. 48–72; 14]⁸, представляется возможным остановиться на отдельных узловых аспектах расшире-

Все иное в этой логике взаимной любви государства и его правил, видимо, негативно. Вопрос правомерности того, что государство считает правом, не существует ни в догматической постановке, ни в формальной аналитике.

⁸ Мы удивительны в своей эпистемологической первозданности. Судя по названиям, у нас, как в той Греции, все есть: и онтология, и феноменология, и аксиология, и гносеология права. Есть все и одновременно нет ничего. В лучшем случае, общие рассуждения на эту востребованную и благодатную тему, хотя, очевидно, что за всеми концептуальными перспективами в эволюции юридической науки должны уже давно прорасти собственные и конкурирующие между собой аналитика и понятийные формы-рамки выражения юридического знания. Судя по однообразному и унылому растительному ландшафту отечественной юриспруденции, она все еще пребывает в критической фазе определения своих теоретико-методологических привязанностей и никак не может изменить тому, что является одновременно и ее ахиллесовой пятой и спасением, то есть ортодоксальной политико-правовой догме 1938 года.

Понимание того, что государственное право или то, что обозначают как позитивное право, всего лишь фрагмент правовой реальности, заключающей в себе множество возможных или параллельно действующих вариантов юридической организации социальных отношений — вопрос открытия другого права и написания его будущей концептуальной истории. Правовая реальность — это своего рода пространство нормативных первоэлементов, нормативных модусов (модальностей) должного в социальном, исторические комбинации которых дают конкретно-исторический формат права своего времени. Как и вся литература заключена в комбинациях букв алфавита, так и право заключено в ментальных и когнитивных элементах актуального переживания и конкретного определения должного порядка своего исторического времени. Эволюция права в этом смысле и есть ничто иное, как изменение типов правосознания (форм осознания права и форм знания о праве), получающее предметное выражение в различных юридических техниках организации правопорядка и культурно-исторических типов правовых систем, резюмирующих совокупность изменений их онтологических, аксиологических и эпистемологических оснований, утраты старых или обретения новых уровней, модусов и модальностей существования и концептуализации языка права.

ния ее проблематики, предмета и методов, благодаря включению в более широкий междисциплинарный контекст, в значительной мере связанный с переводами трудов зарубежных правоведов. Сама по себе возможность контактов с коллегами по цеху даже в такой ограниченной форме представляла собой фундаментальный сдвиг в самоопределении отечественной юридической науки, особенно в той ее части, которая всегда была закрыта для переопределения своих исходных метаоснований — марксистско-ленинской теории государства и права.

Доктринальный статус дисциплины, скорее предписывающей, что понимать под правом и государством, чем аналитической — ориентирующей, что изучать в собственной логике развития исторических категорий и явлений, существенно ограничивал развитие самой теории, ее структуры, научного языка и исследовательского инструментария. Аналитический дискурс догматической юриспруденции или нормативные правила рассуждения о правилах заключен в системе ее аксиоматических суждений, приписывающих юридические характеристики или свойства изучаемым явлениям правовой реальности. Правовое явление существует постольку, поскольку оно может быть вписано в стереотипы сознания, артикулируемые в терминах, семантике и интонациях санкционированного языка. Язык, в нормативной (социокультурной) грамматике которого говорят и рассуждают о явлении, уже в самом себе заключает то, что и как мы мыслим. Иначе говоря, еще до того, как мы начали осмыслять явление, эпистемологические границы его определений уже заданы самим языком.

Догматическое юридическое знание не выводится из реальности, а формирует реальность, исходя из идеологически заданного представления о ее месте и роли в практиках юридической организации социальных отношений. Здесь представление не отражает действительную реальность в логике ее собственных отношений, а производит ее в логике желаемого порядка отношений. Логика реально-сущего находится в прямом подчинении у логики формально-должного. Реальностью распоряжаются как вещью, чья судьба полностью зависит от воли ее собственника. Фактический мир — мир юридических конструктов и симулякров, компенсирующих отсутствие собственной правовой реальности механическими заимствованиями юридического словаря другой реальности.

Не отрицая безусловного значения широких научных дискуссий о соотношении социального факта и догмы права, их итоговые результаты, отвечая известной потребности концептуализации нормативной теории государства и права, исключали методологически и предметно развернутую критику ее исходной аксиоматики и догматики. Концептуальная связь теории государства и теории права, заданная идеологическим контекстом ее понимания, была за рамками методологической рефлексии.

Стандартная, официально санкционированная формационная и этатистская аналитическая топика продолжает доминировать в исследовательских подходах. Определение понятия «право» в определениях понятия «государство» составляло незыблемый принцип познания правовых явлений. Право — это то, что говорит и делает государство. Репрезентативность говорения или делания тому, что есть или может быть, несущественна с точки зрения целевой функции установления правопорядка. Вопрос саморефлексии юриспруденции на предмет самое себя, то есть способности критически осмыслить свои базовые, идеологически мотивированные метаоснования, тем более не стоял и не мог быть поставлен в академическую повестку дня.

Невинное различие права и закона, предложенное В.С. Нерсесянцем и доведенное им до состояния собственной схоластики гипертрофированного формата либертарно-юридического правопонимания, изначально воспринималось как методологический гром с безоблачного неба ясной, как солнышко, советской юридической науки. Ментально с появлением новой версии понимания права ничего не изменилось. Ее последователи, разрабатывая собственную аналитику и концепцию права, также безапелляционно, что делали ранее их предшественники по юридическому цеху, расправлялись со своими почти классовыми противниками. Опомнившись от догматических потрясений, сторонники классического позитивизма вступили в концептуальное сражение с оппонентами, которое не прекращается вплоть до настоящего времени. Отсутствие культуры концептуальной толерантности — характерная черта научного сообщества, истоки формирования которого лежат в идеологии перманентной борьбы со всеми, кто стоит на пути к абсолютной истине. Поиск новой истины сопровождается процессом жертвоприношения инаковости и ее носителей. Это — своеобразный рефлекс религиозного отношения к догме права и ее текстам. Нормативный авторитет догмы охраняется, поскольку с ним связаны конкретные интересы земного авторитета. Аналитика догматической юриспруденции — своего рода юридическое богословие. Эпистемология и теология права в одном сосуде чистой веры и воспитанного ею охранительного разума.

Выяснение взаимных отношений сторонников консервативного и либерального направлений развития юридической науки, классического и неклассического правопонимания фактически составило осевую веху концептуальной эволюции дисциплины переходной эпохи. Ее главный результат состоит не только в разрушении монополии понимания сугубо инструментальной природы государства и права, а, прежде всего, в переориентации юриспруденции на поиск собственных концептуальных оснований и междисциплинарных связей, в предметной логике которых

складывается свой язык и своя методология изучения права, как явления и процесса социальных и культурных коммуникаций.

Динамика концептуальных изменений определяется степенью плотности, регулярности, устойчивости и открытости научных обменов и заимствований, протекающих в нормативных границах языка социокультуры определенной исторической эпохи. Иллюстрацией реального положения дел в отечественной правовой науке является история первого перевода ключевого для отечественной юриспруденции труда австрийского правоведа Ганса Кельзена «*Чистое учение о праве*» в первой (1934) и последней (1960) авторской редакции. Перевод подготовлен к XIII Конгрессу Международной ассоциации правовой и социальной философии в Токио (1987) и представлял фактически реферативное изложение отдельных частей базового текста и имел, разумеется, сугубо информативное значение. До недавнего времени этот материал был единственным источником цитирования отечественных правоведов. Фактически, длящаяся практика издания тематических рефератов по материалам опубликованных зарубежных исследований составляла типичный и санкционированный способ включения в научный оборот результатов в области социальных и гуманитарных наук, что, безусловно, свидетельствовало о минимальном уровне открытости политически ангажированной отечественной юридической науки.

Сложно представить сегодня, какими извилистыми путями пересекали идеологические границы отдельные, абсолютно нейтральные работы в области общественных наук? В частности, перевод работы французских авторов Р. Пэнто и М. Гравитца «*Методы социальных наук*», которая выступила образцом неявного ознакомления отечественных правоведов с результатами исследований в области политической этнографии и юридической антропологии. Книга включала концептуальное введение к изучению права и социальных наук, в котором отдельные суждения по вопросу генезиса права при всей их элементарности отличались от традиционного понимания темы, представленной в классической работе Ф. Энгельса «*Происхождение семьи, частной собственности и государства*». Только спрятавшись за нейтральным названием, предметная часть содержания работы, не вписывающаяся в формационную схему происхождения государства и права, смогла дойти до своего читателя.

Исключение из общего правила составила публикация известного труда французского компаративиста Рене Давида, весьма популярного и сегодня среди отечественных специалистов в области сравнительного права [15]⁹. Объяснение достаточное простое. Автор исследования пра-

⁹ Сравнительная юриспруденция Рене Давида до настоящего времени питает весь комплекс современной компаративистики, хотя сегодня более корректно иное именование классического текста, а именно «*Основные несовременные правовые системы*». Проблемные пласты правовой реальности эпохи системной глобализации носят трансграничный характер. Новые институты существуют за

вовых систем современности значительное внимание уделит становлению и развитию социалистической правовой системы, чем, несомненно, заслужил признательность и доверие со стороны советской научной общности. Последняя была приятно удивлена, узнав из уст французского коллеги, что советская правовая система выступает, с известными поправками, органичной частью европейского правового ландшафта. Подтверждением данного факта является значительное, если не избыточное, количество переводов старых и новых редакций данного труда, в том числе в соавторстве с коллегой по юридическому цеху, правда, в современной редакции; если и сохраняется часть, касающаяся социалистической правовой системы, то без дальнейшего содержательного развития темы, которая умерла не только в силу ухода с исторической сцены главного носителя ее противоположений и правоопределений, а скорее, по причине идеологической заданности и формальной искусственности самой конструкции. Внутренний концепт (*или аксиоматика*) социалистической правовой системы и ее внешний конструкт (*или догматика*) всегда были всего лишь гипертрофированным выражением классического позитивизма, с его официально санкционированным языком рассуждения и понимания права.

Новая постсоветская эпоха развития юриспруденции, сняв идеологические ограничения, как в предметном, так и методологическом отношениях, обнажила одно, но весьма тревожное обстоятельство, связанное с многолетним существованием дисциплины в условиях изоляции от ключевых тенденций, направлений и школ развития современной юридической науки, а именно, ее вторичный периферийный характер и провинциальность.

рамками старой конструкции методологии тождественного и контрастирующего сравнения, обеспечивающих их изучение и понимание. (См.: Марченко М.Н. Конвергенция романо-германского и англо-саксонского права. М., 2007). Решение проблемы заключено в совмещении концепта «*сравнительное право*» и концепта «*сравнительная юриспруденция*» в общий предметно-аналитический комплекс. Практический язык, на котором говорят институты, не существует вне социальной философии и аналитики языка их осмысления, описания и объяснения. (См.: Михайлов А.М. Сравнительное исследование философско-методологических оснований естественно-правовой и исторической школ правоведения. Монография. М., 2013; Михайлов А.М. Формирование и эволюция идей юридической догматики в романо-германской традиции (XII–XIX вв.). Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. кандидата юридических наук. М., 2012).

Обе составляющие общего процесса культурно-исторической эволюции права и науки права пока еще живут своей отдельной жизнью, хотя, очевидно, что сравнение правовых конструкций и понятий предполагает в своей онтологии и эпистемологии сравнение юридических картин мира, определяющих институциональный и концептуальный ландшафт отдельных правовых систем. Юридическая картина мира существует в рамочных определениях социокультуры, имеет временное и пространственное измерение и обнаруживает себя в границах определенного юридического языка и дискурса или форм и способов восприятия, переживания и осмысления правовой реальности. Она заключает в себе отдельные эпохи существования и понимания права, выражает себя в системе соотносимых категорий и понятий, таких как правовая география, правовая культура, правовая доктрина, правовая система. Наконец, юридическая картина мира — ментальная и языковая карта социального мира, его концептуальное и нормативное ядро. Эпистемологический поворот компаративистики еще ждет своего часа.

Не должны вводить в заблуждение переиздания работ дореволюционных правоведов и активная переводческая деятельность в различных областях юридического знания, в том числе, области теории права. Не должна вводить в заблуждение и основная масса публикуемых работ по теории права, за претенциозными и многообещающими названиями которых прячется, зачастую весьма тривиальное содержание и юридическая схоластика. Регулярно отмечаемые мемориальные даты в юридической жизни страны, круглые столы и конференции о вкладе в развитие юридической науки отечественных правоведов, все это, скорее, воспоминания о юридическом прошлом и несостоявшемся юридическом будущем¹⁰. Теория государства и права до сих пор не может выйти из концептуальной тени своего советского догматического бытия¹¹, что лишь подтверждает простой факт. Юридическая наука — явление языка социокультуры своего исторического места и времени, которое может течь, а может и замереть на время.

Правовая реальность как юридический текст

1. Правовая реальность — сложная многосоставная и многоуровневая культурно-историческая категория; это — не физическая, а социокультурная, ментальная и когнитивная реальность. Ее можно коснуться сознанием, через осмысление в мифе и логосе, образе и представлении, восприятии и переживании. Правовая реальность — это юридический текст, одновременно — нормативный акт и культурный концепт. На любой фазе своей

¹⁰ См.: Петербургская школа философии права. К 150-летию со дня рождения Льва Петражицкого. СПб., 2018; 150-летие со дня рождения П.И. Новгородцева (1866–1924): по материалам «Круглого стола». Вестник МГУ. 2016. № 3; Кроткова Н.В. 150-летие со дня рождения П.И. Новгородцева (1866–1924): «Круглый стол». Государство и право. 2016. № 9.

¹¹ Советская юридическая наука, начиная с приснопамятного совещания правоведов 1938 года и знаменитого учебника по теории государства и права 1940 года сказала о себе все, что могла сказать. Заключенная в них юридическая доктрина продолжает воспроизводить себя, свою догматику и аксиоматику, забыв, что главный предмет юриспруденции — критика концептуального языка самой юриспруденции в предметной логике его собственного развития.

Категориально-понятийное ядро дисциплинарного кластера современной правовой науки составляют правовая лингвистика, правовая поэтика и правовая семиотика, эпистемология юридического языка, текста и дискурса. Именно историческая и сравнительная правовая лингвистика и эпистемология права выражают новый концептуальный поворот современной юриспруденции, наряду с ее антропологическим и когнитивным поворотом. Ориентация на языковые феномены правовой реальности в контексте их социокультурной и исторической эволюции объясняется условиями, вытекающими из различия языков эпохи существования самого явления и языков их реконструкции в терминах и значениях другой исторической эпохи. Реальность языка исторического факта и реальность языка интерпретации факта — не тождественные реальности. Отсюда проблема транзита, инкорпорации, конвергенции и трансформации правовых идей и ценностей, правовых институтов и понятий в социокультурных контекстах переопределения базовых категорий права и науки права и в исторических практиках социального (нормативного) общения. Отсюда — проблема прочтения юридического текста, его интерпретации и переинтерпретации путем манипулирования значениями юридического языка, закрывающими возможность получения открытого и достоверного заключенного в нем содержания. Соотношение открытого и закрытого для интерпретации и понимания смысла юридического текста — актуальная тема реальной жизни языка правовых коммуникаций.

культурно-исторической эволюции она структурирована социальными отношениями (*логикой сущего*) и представлениями о должном порядке их нормативной организации (*логикой должного*). В их взаимных отношениях и пересечениях формируется юриспруденция или знание о юридических конструкциях и определениях систем социально-нормативного общения. Поиск практического языка права (*институтов*) и теоретического языка права (*понятий*) в рамочных построениях социокультуры определенной исторической эпохи — два плана концептуализации правовой реальности. Один лежит в плоскости феноменологии права, другой — в плоскости эпистемологии права. Актуальное состояние современной фазы концептуальной эволюции классической юридической науки, ее догматики и аксиоматики связано с расширением номенклатуры категорий и понятий дисциплины и введением в научный оборот новых базовых единиц анализа правовых явлений, существенным образом меняющих не только формат, границы и методы теоретизирования феномена права. Меняется видение самой реальности, открывающей новые слои своего действительного бытования, информационного (*текстового*) и знакового. Право, это одновременно и *формальные правила, и символическое послание*, адресованное *urbi et orbi*. И то и другое — тексты внутри общего юридического текста; но это различные по своему назначению и смыслу конструкции. Предмет первой — общественное отношение, предмет второй — общественное сознание. Функция регулирования конкретного поведения одних совмещена с функцией мобилизации установок на правильное поведение остальных.

Правовая реальность существует одновременно в объективном и субъективном смыслах, в форме сущего и должного, фактического и нормативного, материального и идеального, юридического концепта действительности и юридических институтов. Правовая реальность каждой исторической эпохи говорит на своем юридическом языке. То есть в границах социальных фактов и культурных ценностей или юридических картин мира определенных исторических эпох. Правовая реальность живет в языке рассуждения о правовой реальности. *Nomen est omen*. В этом аспекте своего аналитического выражения юридическая наука в целом и теория государства и права в частности — всего лишь концептуальные формы существования правовой реальности наряду с ее языковой и институциональной формой.

Эволюция права, его институтов, форм и методов юридической организации социальных отношений и эволюция науки права, ее языка, предмета и способов исследования составляют общий объект теоретико-методологических размышлений и определений. Очевидно, что языки институциональной теории права и языки концептуальной теории права характеризуют различные, хотя и взаимозависимые аспекты правовой реальности,

выраженные в ее прагматике и аксиоматике. Исторически сложившаяся и привычная конструкция юридической науки в ее формально-догматической версии выполнила свою эпистемологическую функцию в той части понятийного аппарата дисциплины, которая связана с классическими суждениями о праве и науке права. Позитивистский формат развития юридической науки постепенно уходит на периферию теоретико-методологической рефлексии. На современной фазе своего развития он является собой фактически завершенный проект концептуализации права. И только инерцией существующей научной традиции, ее консерватизмом и официальным статусом теории государства и права, как науки о всеобщих закономерностях политико-правового развития общества, можно объяснить сохранение ее методологического и образовательного значения.

Концептуальный и дисциплинарный кризис налицо, о чем свидетельствует перманентная дискуссия по вопросам определения предметно-методологического статуса теории права в общей системе отраслевых юридических наук. Очевидно, что теоретическая юриспруденция стоит на пороге парадигмальных изменений. Основные параметры нового языка описания и объяснения феномена права — его предмета, содержания и концептуальных границ, то есть, его феноменологии, аксиологии и эпистемологии — актуальная тема и проблема современной юридической теории в формате постклассической юриспруденции. В складывающейся конфигурации междисциплинарных связей юридической науки в общей системе социально-гуманитарных наук особое место начинает занимать, наряду с историей политико-правовых институтов и доктрин, история и методология юридической науки, как особого феномена социокультурной эволюции языка права, его когнитивной и концептуальной составляющих.

История развития систем юридического знания, так же, как и история развития политико-правовых институтов, связаны и определяются общим фундаментальным основанием концептуальных и институциональных изменений права и науки права — юридической картины мира, ее структуры, содержания, логики развития и смены культурно-исторических форм (*эпистем*) осмысления правовой реальности и исторических типов правосознания и правопонимания. Если для современной юридической практики фундаментальное значение приобретает описание и объяснение трансграничных институциональных обменов и пересечений, что предполагает формирование юридически открытых правовых институтов и систем, то для науки права в целом и юридической теории ключевое значение приобретает описание и объяснение междисциплинарных концептуальных преобразований и обменов в системах ее юридического языка. А это предполагает разработку общих междисциплинарных оснований развития юридической науки в ее современной редакции интегральной или культур-

но-исторической институциональной и концептуальной юриспруденции, поскольку язык институтов и язык юриспруденции — взаимозависимые категории и явления общего культурно-исторического процесса развития права и науки права.

2. Феномен права существует в определениях языка своей социокультуры, ее юридического словаря, логики и грамматики, в том числе, языка ожиданий и настроений, переживаний и представлений, оценок и отношения к праву в контексте смены концептуальных парадигм [16]. Это — одновременно ценностно-нормативная и формально-нормативная, языковая и концептуальная реальность. Юридический язык не только отражает явление права в его определениях и понятиях, он формирует право в его категориях и конструкциях. Правовая реальность — одновременно язык понимания и рассуждения о праве. Это язык социокультуры. В нем заключен предмет и метод юриспруденции, означаемое и означающее, план выражения и план содержания явления права.

Язык права лежит в основании юридического текста — универсальной формы существования и выражения правовой реальности, объединяющей в себе язык понятий и концептов, норм и ценностей, символов и ориентаций, статусов и ролей. Юридический текст — по определению культурно-исторический феномен. Как система концептуальных определений и правил нормирования социальных отношений юридический текст — предмет культурно-исторической юриспруденции. То есть комплекса дисциплин, исследующих становление и развитие правовых систем, изменения содержания и форм права, юридических конструкций и понятий, норм и ценностей в исторических логиках своего времени и места — феноменологии, аксиологии и эпистемологии права.

Юридический текст — первичная реальность, интегральная категория юриспруденции и составная часть ее комплексного предмета, наряду с юридическим языком и юридическим дискурсом или системой аргументаций и суждений о праве, включающая нормативную поэтику и грамматику языка отдельных исторических эпох существования и развития феномена права. В этом смысле юридический текст — одновременно и языковая (*знаковая*) реальность и концептуальная (*когнитивная*) реальность или система нормативных представлений о должном порядке социальных отношений. Включение в предмет юридического анализа концептуальной составляющей права и знаковых практик манифестации нормативных границ юридической организации социальных отношений открывает новые перспективы развития науки права. В ситуации фундаментальных институциональных трансформаций национальных и наднациональных правопорядков смена концептуальных моделей описания и объяснения процессов перехода к новым юридическим формам социального, эконо-

мического и политического общения выходит за рамки собственно эпистемологии и аксиологии права, и лежит, скорее, в плоскости адекватной правовой политики, в том числе, научной политики. В то же время, сегодня мировоззренческие изменения — такой же элемент ее превращения в действительность, как и конструирование новых институтов трансграничных обменов и взаимодействий, отвечающих на цивилизационные вызовы постсовременного мира.

Интегральное понимание совокупной социокультурной, когнитивной и языковой природы права позволяет ставить и решать новые проблемы в комплексе их взаимных отношений и определений. В таком предметном и концептуальном контексте вполне корректно рассматривать такие дисциплинарные конструкции, как *Поэтика* и *Семиотика* юридического текста в качестве одновременно самостоятельной и общей части дисциплинарной структуры юриспруденции. Поэтика и семиотика юридического текста являются выражением внутренней языковой (жанрово-стилевой) и внешней (знаковой) репрезентации права в различных соционормативных форматах и практиках регулирования и регламентации социального общения.

Социальное общение изначально заключает в себе *сообщение*, то есть систему знаков и значений, в которых существует и определяет себя и нормативное и символическое измерение многоуровневой культурно-исторической правовой реальности. Семиотика фиксирует структурную связь внешних и внутренних аспектов существования правовой реальности, ее институциональной и концептуальной составляющей, языка юридических конструкций и языка юридических понятий, практического и теоретического языка права и науки права. Поэтика отражает различные ментальные и когнитивные проявления форм мышления о праве, восприятия и понимания права, представленных в разнообразных жанровых и формальных построениях юридического текста, его стилового и риторического оформления. В этом смысле поэтика и семиотика юридического текста раскрывают все богатство и разнообразие культурно-исторических манифестаций и репрезентаций феномена права в практиках социального общения в их прошлом, настоящем и неопределенном будущем.

Юридический текст не существует сам по себе вне социокультурного контекста его производства и потребления. Его собственная жизнь — вопрос нормативных ожиданий, настроений и переживаний наличия или отсутствия надлежащего права, то есть фундаментальной потребности в праве. Дискурсивные практики, основанные на принципе авторитета, существенным образом отличны от дискурсивных практик, основанных на принципе консенсуса. Хотя формальным получателем юридического текста являются все, кому он адресован в силу тех или иных служебных и

житейских обстоятельств, действительным его пользователем являются только те субъекты правового общения, кем он может быть прочитан в предметной логике языка, на котором текст написан и говорит с его потребителями.

Юридический текст как проявление культуры человеческого общения имеет гуманитарное измерение, определяемое культурой форм подачи материала и организации его нормативного содержания. То есть, включает в себе и аксиологию, и эпистемологию права, его ценностно-нормативную и концептуальную структуру. Юридический текст имеет и концептуальное значение, и языковую форму его манифестации. Понимание юридического текста, как знака в системе его нормативных значений и определений и знака как текста в системе его символических представлений и концептов, позволяет рассматривать юридический текст в качестве одновременно предмета исторической поэтики и семиотики права породившей их общей социокультуры.

Правовая реальность в своей внутренней, ментальной сути — это воображаемая реальность. Желаемый правопорядок и наличный правопорядок — несовпадающие категории. Переход должного в сущее варьируется в широком диапазоне возможных флуктуаций, задаваемых юридическими картинками мира каждой исторической эпохи. Поэтико-семиотическое видение правовой реальности в границах собственных исследовательских подходов в изучении феномена права позволяет обнаружить, описать и объяснить именно те аспекты его предмета, которые лежат за рамками формальных определений классической юриспруденции.

Поэтика и семиотика права расширяют уровни понимания и существования права, выделяя и различая видимое и невидимое в праве, его метафизические смыслы и аксиоматические значения, знаки присутствия или отсутствия юридического начала в практиках социального общения (*семиотика*), формы культурных репрезентаций права в процессах социальных коммуникаций (*поэтика*). Семиотика *фиксирует* то, что есть, то есть структуру правовой реальности. Предмет семиотики — базовые архетипы должного, формирующие правовую реальность. Поэтика *выражает* то, что есть, то есть процесс восприятия и переживания правовой реальности. Предмет поэтики — культурные образы должного, оформляющие правовую реальность.

Оба подхода осмысления правовой реальности, как онтологической данности и политико-правового конструкта, объединяет представление о праве в качестве языковой, а значит, и текстовой и знаковой реальности. Включение поэтики и семиотики юридического текста в дисциплинарный кластер юридической науки, наряду с антропологией и социологией права позволяет совместить в общем комплексе представлений о правовой

реальности структурные (*инвариантные*) и культурно-исторические (*вариативные*) основания и аспекты юридической организации и развития социальных систем в рамочных и пересекающихся определениях интегративной юриспруденции.

Поэтика и семиотика юридического текста включают в предмет своего изучения одновременно и изучение юридического языка, на котором говорит право конкретной исторической эпохи, и юридического дискурса, на котором размышляли и размышляют о праве в его прошлом, настоящем и будущем времени. Юридический язык и юридический дискурс, рассматриваемые в предметной логике поэтики и семиотики юридического текста, позволяют увидеть, описать и объяснить те аспекты существования правовой реальности как в плане ее исторического содержания, так и в плане ее исторического выражения, которые характеризуют историческую семантику и грамматику конкретного правопорядка. То есть, тех параметров и координат нормативных коммуникаций, которые составляют фундамент разнообразных культурно-исторических форм социального общения. Несмотря на то, что право занимало в практиках социального общения различное место в отдельные эпохи архаики и исторического существования людей, его постоянное присутствие в повседневной жизни человеческих сообществ позволяет предположить, что язык юридического общения в самом себе, в своей онтологии и аксиологии заключает собственные основания и условия развития и воспроизводства. Это не только и не столько *Основная норма* Г. Кельзена, *правотворческий Дух* немецкого народа Ф.К. фон Савиньи, императивно-атрибутивное *Переживание права* (точнее, его отсутствия) Л. Петражицкого. Это и то, и другое, и третье, и еще много чего, еще не вошедшего в привычный словарь теоретического правоведения.

При всем разнообразии концептуальных подходов и предлагаемых ментальных конструкций в понимании онтологических оснований права, видимо, есть еще и нечто иное, еще неявленное, но вполне реальное, что делает науку права одним из самых увлекательных интеллектуальных путешествий в области гуманитарного знания. Поэтика и семиотика юридического текста заключены в самом факте его существования. Поэтому, возможно, в этом аспекте своего самовыражения и манифестации, можно, используя дополнительный исследовательский инструментарий, разработанный в смежных областях знания, обнаружить в праве еще неизвестные грани заключенного в нем культурно-исторического содержания. Открыть новые горизонты понимания природы права в его имманентной сущности и культурно-исторических формах, юридических определениях, понятиях и конструкциях — актуальная тема и проблема постюриспруденции или интегральной юриспруденции, совмещающей в себе феноменологию, ак-

сиологию и эпистемологию юридического текста — интегральной категории права и предмета науки права.

Поэтика и семиотика юридического текста, и с точки зрения своего предмета (*внутритекстовые и внетекстовые отношения*), и с точки зрения своего аналитического инструментария (язык, на котором текст написан, и язык, на котором текст прочитан), имеют дело с различными и взаимозависимыми аспектами существования права. Различие в языках — это различие в значениях, которые составляют внутреннее и внешнее содержание юридического текста. Это различие — одновременно формальное и предметное. Его снятие и преодоление составляет фундаментальную задачу юридической практики и проблему юридической науки.

Поэтику юридического текста интересует, прежде всего внутренняя форма самого текста как такового или структура, в которой заключено определенное содержание явления, обозначенного термином «право». Базовая функция права — внесение формальной определенности в социальные отношения, составляющие предмет правового регулирования. Очевидно, что реализация данной функции предполагает одновременно определенность в организации самого права, как юридического института и процесса. Исторически и типологически различные правовые системы используют различный институциональный и концептуальный инструментарий для решения этой универсальной задачи. Поэтика юридического текста различных исторических эпох и социокультур находить себя в различных версиях понимания права, выраженных в логике и определениях языка классической и неклассической юриспруденции. Ее собственный предмет — право, существующее за рамками кодифицированного языка формальной юриспруденции.

Семиотику юридического текста интересуют внешние отношения, в структуре которых происходит взаимодействие явления права с адресатами его содержания. Взаимодействие протекает в системе социокультурных координат или определенного контекста, нагруженного определенными ожиданиями и собственными представлениями адресата о должном или недолжном порядке социальных отношений. Юридический текст — в терминах семиотики — означаемое и означающее, превращается в собственный предмет его адресата только в рамочных определениях интерпретации его содержания. Юридический текст, пропущенный через различные формы истолкования его исходного содержания, становится (в терминах семиотики) означаемым, представленным открытым перечнем возможных значений.

Предмет поэтики юридического текста — статика существования юридического текста в системе его собственных значений — означающих. Предмет семиотики юридического текста — динамика существования

юридического текста в системе его подвижных значений — означаемых. Общий предмет поэтики и семиотики юридического текста представляет граница пересечения и совмещения плана содержания и плана выражения основного или первичного юридического текста и плана содержания и плана выражения производного или вторичного юридического текста. То есть до и после его включения в систему социальных коммуникаций. Ключевая тема и логика совмещения двух аналитик состоит в описании и объяснении ментальных и когнитивных разрывов социального общения, границ совместимости или несовместимости языков социального общения. Правовая реальность открывает себя и как юридическая структура (*рамки*), и как юридический процесс (*действия*) в системе знаковых отношений языков социального общения. Язык юридического текста, его терминология, стилистика и нормативная метафорика являются носителями глубинных смыслов юридического концепта действительности, его культурными и нормативными маркерами.

Поэтика и семиотика юридического текста

1. Поэтика и семиотика юридического текста заключают в себе, наряду с аналитикой, не менее значимый пласт правового понимания действительности, представленный в ее диагностировании на предмет выявления скрытых, неартикулируемых решений, спрятанных за фасадом языка формального правопорядка¹². Предмет поэтики юридического текста опреде-

¹² Все, что служит социальному общению и его пониманию, является языком. Жест, звук, интонация, церемониальный акт, любой предмет, заключающий в себе послание другим, в том числе, и слово, устное и письменное. Язык — универсальное средство социальной коммуникации в любой знаковой форме его выражения. В конкретном модусе своего проявления этот аспект и момент социального взаимодействия, применительно лишь к одной из исторических форм своей репрезентации, выразил Клод Леви-Стросс, «В каждом обществе приготовление пищи служит языком, на котором общество бессознательно раскрывает свою структуру. Пища, которую съедает человек, становится им самим. Мы — то, что мы едим, поэтому набор продуктов питания и способы его обработки тесно связаны с представлением личности о себе и своем месте во вселенной и обществе». («Происхождение застольных манер»). В выборе продуктов питания и в самом процессе поедания в его индивидуальной и коллективной формах уже заключена нормативная составляющая социоприродных коммуникаций.

Юридическое начало социальной действительности живет в самой социальной действительности. Все, с чем мы сталкиваемся, и все, к чему мы прикасаемся, имеет юридический смысл и значение. Симптоматично, что уже в раннегреческой традиции осмысления социального порядка движение от Хаоса к Космосу составляло базовый принцип ее нормативной космологии. Для объяснения отклонений от предустановленного порядка социальных отношений в культурный оборот был введен *концепт судьбы*.

Юриспруденция повседневности бесконечна в своих проявлениях. Подтверждением данного факта являются семиотические теории и конструкции социокультурного, а значит, нормативного значения *языка и символики моды* (см.: Барт Ролан. Система моды. Статьи по семиотике культуры. М., 2018), *языка и символики цвета* (см., например, цикл исследований феномена цвета в культурно-исторических практиках социального общения Пастуро Мишеля: Синий. История цвета. М., 2015; Черный. История цвета. М., 2017; Зеленый. История цвета. М., 2018; Красный. История цвета. М., 2019). Одежда, цвет, позы, генеалогии — это социальные институты-классификации, знаки наследуемого или приобретенного статуса, места, занимаемого в социальной иерархии отдельных сообществ. Все, что существует и социально себя проявляет, есть юридический текст, выражение юридической картины

лен в жанровых формах выражения права, стилей аргументации, терминологии или языков, на которых говорят и рассуждают о праве. Отсюда проистекают собственные культурно-исторические форматы поэтики юридического текста: поэтика юридической классики — этатизма и легизма; поэтика юридического реализма и нормативизма; поэтика постюриспруденции. Юридический текст на своем историческом пути в целом и отдельных исторических фазах складывания своей онтологии и аксиологии встречался с различными основаниями своего генезиса и развития, а именно, природой, обществом, религией и государством. Каждая встреча формировала свой культурно-исторический облик юридического текста, свою систему выражения и реализации заключенного в нем нормативного содержания, свою культурно-историческую логику воспроизводства права. Через отношения с данными универсальными феноменами человеческого бытия проявляла себя каждая функция, каждый элемент институциональной, доктринальной, концептуальной и юридико-технической составляющих конкретно-исторической правовой системы.

Само право как таковое обнаруживает свое действительное существование только через связи с данными феноменами общей человеческой реальности, в совокупной структуре которых различают собственно нормативное ядро и периферию в зависимости от места и роли отдельных правообразующих элементов в общеисторическом процессе генезиса и развития права. Право в своей онтологии, аксиологии и эпистемологии — одновременно и институт, и концепт, и эпистема. Процесс правообразования той или иной исторической эпохи, представленный через различение в нем первичных и вторичных, доминирующих и факультативных факторов, условий и оснований становления и развития правовых институтов, включает в себе как культурно-исторические стандарты нормирования социальных отношений, так и культурно-исторические схемы организации знания о движущих силах данного процесса. Современная правовая наука в рамочных построениях своей дисциплинарной структуры в этом аспекте своего понимания — лишь исторический эпизод в общей эволюции юридических картин мира.

Поэтика юридического текста включает в предмет своего рассмотрения не только феноменальные основания процесса правоформирования. Рабочей частью его совокупной структуры являются также системы юридических знаний, в которых не только и не столько отражается правовая реальность в ее представлениях и определениях, но одновременно протекает концептуально-моделируемый процесс производства и воспроизводства правовой системы в целом. Накопленное юридическое знание о

устройства мира, его изначальной структурированности, то есть нормативности. А значит, входит в предмет исторической поэтики и семиотики.

явлении права — своего рода медиум или посредник в процессах превращения представлений о должном порядке социальных отношений в систему юридических институтов, поддерживающих и обеспечивающих правовой порядок, как выражение должного в сущем.

Юридический текст в форме институтов (правил и ритуальных практик) и юридический текст в форме представлений об институтах (ментальных моделей и познавательных практик) выражает две универсальные формы существования и определения процесса юридической организации (институциональной и концептуальной) социальных отношений. В этом плане общий объект поэтики юридического текста — юридический язык, на котором говорят правовые институты, и юридический язык, на котором их описывают и понимают. В итоге, это — юридические картины мира, которые являются общим социокультурным основанием и источником права и знаний о праве каждой исторической эпохи. Их язык, категории и понятия — знаки цивилизационной принадлежности систем социального общения. Это — ментальные образы должного в сущем, его метаюридических оснований и проявлений в практиках социального общения.

Именно изменения практического и концептуального языка права содержательно и формально являются собственным предметом поэтики юридического текста. Поскольку временной фактор культурно-исторической эволюции языка права составляет фундаментальное измерение и институциональных и концептуальных преобразований правовой реальности в целом, представляется возможным рассуждать о явлении права в логике определений, прежде всего, исторической поэтики юридического текста. В исторических практиках взаимоналожения, сочетания и пересечения социальных отношений и природы, социальных институтов и религии, социальных трансформаций и государства заключены различные правовые порядки, определяемые нормативной природой юридических языков, в которых они нашли свое историческое содержание и формы выражения. Правовые системы первоначальных сообществ, религиозно-правовые системы, государственно-правовые системы — все это, в конечном счете, проявление базовой нормативности дискурсивных практик самих социокультурных коммуникаций, в рамочных построениях и определениях которых обнаруживает себя, формирует и функционирует историческое право.

Отсюда собственно и проистекают различия в предметной и формальной структуре исторической поэтики юридического текста, языка и дискурса, определяемые различной скоростью процессов преобразования права и науки права. Это — проблема медленного времени или проблема структурных, фазовых переходов правовых систем в различных исторических контекстах их существования и взаимодействия и проблема быстрого времени или проблема текущих процессов накопления или разру-

шения внутренних и внешних, институциональных и концептуальных ресурсов собственного развития. Значение исторической поэтики в изучении действительных превращений в системах юридической организации социальных отношений и системах их концептуального описания и объяснения определяется пограничным статусом ее собственного предмета в исследовании правовой реальности. Ее методология заключена в ориентации именно на точки бифуркации переходных состояний и процессов правовых изменений, в которых представлен веер возможных траекторий будущего развития самих правовых систем, стиля и жанровых форм правового осмысления, восприятия и переживания правовой действительности, как явления социокультуры своего места и времени. Поэтико-логическое направление в изучении универсальной категории юриспруденции «*юридический текст*» может, в первую очередь, опираться на отечественную традицию изучения литературных текстов, накопленную и представленную трудами А. Веселовского, А. Белого, Ю. Тынянова, Ю. Лотмана, Е. Мелетинского и других исследователей¹³.

Собственный предмет поэтики юридического текста — превращение воображаемого порядка социальных отношений, то есть юридического концепта действительности, в терминах Г. Гаджиева, в культурный артефакт, — объект эстетического переживания правовой реальности. Правопорядок как нормативное измерение и выражение социокультуры является одновременно и категорией эстетического отношения к действительности, поскольку эстетическое чувство — одна из исторических форм проявления внутренней нормативности социального порядка, как завершенного

¹³ Классическое и непревзойденное в своей аналитике описание эволюции культурно-исторических эпох и форм языка литературного текста дано в докторской диссертации О. Фрейденберг в 1935 году (см.: Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М., 1997). Расширение предметных границ приложения языка поэтики представлено в работах Ю.М. Лотмана. См., например, Поэтика бытового поведения в русской культуре XVIII века // Избранные статьи в 3-х томах. Таллин. 1992. Т. 1. Мифоритуальные основания концептуализации мира, понимаемого как текст — структуры социальных отношений и культурных практик, описаны в работах Е.М. Мелетинского (см., например, Мелетинский Е.М. Поэтика мифа. М., 1975). Понимание нормативного значения *поэтики стиля*, как выражения *стиля мышления*, раскрыто в работах П.А. Гринцера (см., например, Гринцер П.А. Стиль как критерий ценности // Сравнительное литературоведение и санскритская поэтика. Избранные произведения. Т. 2. М., 2013).

Фактически и по существу, лингвистика, филология и литературоведение заключают в себе неисслымый по своему объему и культурно-историческому значению материал, который может быть положен в основание *лингвистического поворота* в юриспруденции. Поэтикологический подход к анализу юридического текста в широком смысле понимания содержания и форм выражения данной категории и понятия открывает не только качественно новые аналитические перспективы в изучении права, но также и, прежде всего, в концептуализации предмета и языка самой юридической науки — теоретического правоведения. Язык права — язык социокультуры. Язык юриспруденции — язык осмысления права. По существу предмета, речь должна идти о концептуальной альтернативе юриди-ко-технического понимания роли языка в описании и объяснении феномена права (см.: Черданцев А.Ф. Логико-языковые феномены в юриспруденции. М., 2012; Власенко Н.А. Язык права. Иркутск, 1997). Язык формально-догматической юриспруденции, сохраняя свое инструментальное значение в конструировании юридического текста, являет собой лишь часть более широкой эпистемы понимания взаимных отношений текста и культуры.

в себе, в своей внутренней гармонии, уравновешенности и стабильности. Поэтика организует и выражает эти качества права в различных аспектах его эстетической репрезентации. Юридическая поэтика классического римского права и религиозно-юридических практик средневековья, эпохи барокко и романтизма, юридическая поэтика революционных эпох правообразования — все это ни что иное, как исторические эпохи движения различных языковых, дискурсивных, жанровых и стилистических форм выражения и манифестации права.

Правовые институты и формы их концептуализации могут быть представлены в качестве юридических текстов, завершенных и незавершенных, являющихся выражением коллективной психологии определенной исторической эпохи, своего рода эпифеномены сознательного и бессознательного, желаемого и фактического, должного и сущего правопорядка. Классическая формула поэтики юридического текста представлена римской юриспруденцией в определении Цельса, приведенное Ульпианом в Дигестах «*Ius est ars boni et aequi*» (Право есть искусство добра и справедливости). Ключевой термин формулы «*ars*» — искусство, ремесло, дело. Искусство деяния, делания и украшения подлинной жизни человеческих сообществ. Юридический текст — это феномен эстетического отношения к действительности, движения от низкого и рутинного к высокому и возвышенному. Эстетическое отношение превращает невидимое юридическое отношение в видимое, вербальное и визуальное.

Юридический текст — также феномен религиозного переживания, что в полной мере продемонстрировали практики средневекового правопонимания. В основании правовых представлений эпохи лежал опыт социального общения как религиозного. Вера в своей онтологии — выражение юридического, то есть предписанного и гарантированного порядка социальных отношений. В вере изначально заключено то, что в формальном праве разведено: легитимность и легальность порядка. В этом смысле религиозное есть первичное основание социального общения. Юридические тексты в своих жанровых построениях (суммы и комментарии) и казуистической аргументации наполнены отсылками к священным книгам, аллюзиями сакрального и профанного порядка отношений, риторическими формулами, в полной мере выражающими особенности юридической поэтики своего исторического времени. Юридический язык вполне вписывался в ее топики священного и мирского, невидимого и видимого в их взаимных отношениях и определениях. Средневековая юриспруденция, ищущая себя в логике догматического толкования базовых текстов классического римского наследия и религиозной юридической картины мира, есть грандиозная попытка совместить несовместимые онтологические основания наличного правопорядка — авторитет божественного в практиках

социального общения и юриспруденции повседневного существования человека.

Юридический текст, по своей сути, искусственный продукт социокультуры, форма самовыражения и репрезентации базовых оснований человеческого существования. Это — концепт и конструкт, юридическая вселенная в миниатюре, заключающая в себе все возможные проявления юридического начала действительности, ее аксиологию, эпистемологию и праксеологию. Правовая реальность во всех своих ментальных и фактических проявлениях есть текст, явление юридического бытия и сознания. То есть организация юридических смыслов и значений в материальной и идеальной форме, форме слов и церемоний, торжественных клятв и одеяний, мифологии и ритуалов, эмблем и знаков принадлежности к определенному социальному классу. Это — архитектура конституций, деклараций, кодексов с их наименованиями, разделами и главами, статьями и примечаниями, сносками и приложениями. Это — архитектура присутственных мест, как материализация образа юстиции. Поэтому юридический текст, в своих определениях и своей композиции — это и категория эстетики. Все разнообразие форм демонстрации присутствия юридического начала в практиках социального общения находит и выражает себя в поэтике юридического текста, универсальной категории права и предмета правовой науки. Поэтика юридического текста находит себя не только в отправлениях текущей законодательной и правоприменительной практики, но также и в собственной исторической памяти, накопленном опыте юридической жизни прошлого, ее юридическом наследии, как позитивном, так и негативном. Юридическое прошлое никуда не уходит, оно существует в своих завершенных или незавершенных формах и постоянно возвращается как бумеранг, особенно в кризисные ситуации, требующие признания или непризнания юридического значения тех или иных фактов и решений, казалось бы, далекого прошлого. Правовой мысли известен феномен *спящих институтов*, которые когда-нибудь в обязательном порядке просыпаются и начинают действовать помимо нашей воли и желания, пробуждая, как правило, грустные воспоминания о несостоявшемся или незавершенном юридическом событии. Оно живет своей теневой отраженной жизнью и тихо ждет своего исторического часа, правовые последствия наступления которого возвращают нас в прошлое и закрывают траектории движения в будущее [17]. *Подлинная правовая история — это история в сослагательном наклонении.*

2. Предмет юридической науки определяется широким дисциплинарным контекстом изучения права как комплексной, многосоставной и многоаспектной категории, института и процесса. Современное состояние исследования права в рамках отдельных направлений разработки его пред-

мета сталкивается с проблемой совмещения различных аналитических подходов — антропологии и социологии права, сравнительного правоведения, юридической лингвистики, культурно-исторической юриспруденции, в общем объеме теоретических и методологических представлений о праве. В аналитической повестке дня тема интегративной юриспруденции сегодня занимает ведущее место и требует своего концептуального решения. Семиотическое видение — описание и объяснение права — представляет значительный интерес в этом аспекте его теоретико-методологической разработки. Семиотика предоставляет в рамках своего собственного инструментария возможность подвести под отдельные, относительно автономные предметные и формальные характеристики феномена права общие концептуальные основания. Если основная тема и проблема поэтики юридического текста заключается в выявлении границ его открытости или закрытости для публичного потребления обществом, то семиотика юридического текста касается столь же актуальной проблемы и темы концептуальной способности юриспруденции быть инструментом изучения права и науки права, как знаковых систем социального и научного общения.

Собственный предмет семиотики юридического текста заключен в его языке, как системе знаков, и языковой деятельности, связанной с переводом их значений в практическую и научную плоскость. Семиотика юридического текста открывает в границах наличной традиции понимания права и конкретных способов и процедур его интерпретации как исторически меняющиеся значения, так и сохраняющиеся смыслы права. Ее рабочий инструментарий — юридический язык и дискурс — выступают одновременно и объектом изучения, и аналитическим средством категоризации и концептуализации правовых явлений. Обе составляющие заданы рамками определенной культуры восприятия и переживания права или юридической картины мира, затрагивающей глубинные (*ментальные*) основания формирования собственно юридического отношения и осмысления действительности. Семиотика права — органичная часть науки права. Предмет семиотики и предмет науки права пересекаются в своей онтологии и эпистемологии, поскольку в их базовых основаниях лежит категория «отношение». Семиотика — дисциплина, в своих определениях и языке связанная с исследованием отношений знака и его значений в различных социокультурах. Юриспруденция — дисциплина, концептуальное ядро которой составляет язык описания и объяснения превращения социального порядка в правопорядок, то есть социального отношения в правоотношение.

Семиотическое прочтение юридического текста, его семантики (содержания) и синтаксиса (правил организации содержания) позволяет при всем разнообразии культурно-исторических форм социального общения, выявить и описать их универсальные смыслы и значения в терминах прак-

тического и теоретического языка, выработанного в рамках своей социокультуры. Юридический текст как со своей внутренней формы (*предмет поэтики*), так и со стороны своей внешней формы (*предмет семиотики*) порождает порядок, повторяемость, регулярность, стабильность и устойчивость которого образуется совместным действием инвариантных структур социального общения и вариативных условий их включения в меняющиеся исторические контексты повседневного существования.

Обе составляющие различных культурных эпох социального общения объединяет свой язык социальной коммуникации, без которого она по определению не могла состояться. Язык производства права и язык его потребления должны быть совместимы, открыты и понимаемы сторонами социального общения, как общая нормативная и когнитивная форма и предпосылка превращения социальной коммуникации в правовую. Проблема в том, что юридический текст создается не только в рамках правотворческого процесса, но также и в процессе его прочтения адресатом правил. Это — связанные общей задачей нормативные практики, которые в одинаковой степени работают на общий результат достижения единой цели — обеспечения правопорядка нормальными условиями его воспроизводства в процессах социального общения. Изменения первоначальных или заданных нормативных значений при их переводе на язык используемых или применяемых значений — вопрос политики и культуры того общества, которое собственно является одновременно и агентом, и актором или участником социокультурного цикла юридической деятельности в целом.

Структура отношений между этими элементами общей коммуникации может быть различной — симметричной и асимметричной, закрытой и открытой, односторонней или двусторонней, вертикальной или горизонтальной, выстроенной в логике патрон-клиентских отношений или гражданских форм социального общения. Все это разнообразие возможных социальных конфигураций порождает разнообразие форм юридического общения и их отображения в семантике и синтаксисе юридического текста. В этом аспекте понимания своего предмета семиотика юридического текста представляет собой инструмент описания и объяснения структур обмена юридическими значениями на различных фазах процесса правовых коммуникаций безотносительно их практических приложений в различных сферах социальной жизни.

Ее концептуальная ценность заключена в универсальности языка ее аналитики. Юридические правила — производные социального общения, изменяющиеся, в зависимости от ее структуры, свои нормативные значения. Семиотика и поэтика юридического текста, образ и понятие, социальная структура и культурный процесс, раскрывают и план содержания, и план

выражения всего действительного разнообразия правил и практик социально-правового общения. Семиотика и поэтика права обеспечивают интегративный статус науки права, как своим собственным инструментарием осмысления правовой реальности, так и своим предметом в его институциональном и концептуальном аспектах выражения и развития. Комплексный предмет интегративной юриспруденции охватывает юридический текст, язык и дискурс в их взаимных отношениях. Комплексный инструментарий дисциплины представлен концептуальным зонтиком — феноменологией, аксиологией и эпистемологией права в их взаимных определениях. Именно совмещение обеих составляющих совокупной структуры права (*предмета*) и науки права (*метода*) образует общий предметно-методологический профиль юриспруденции¹⁴.

Категория «юридический текст» охватывает собой все разнообразие возможных форм существования и выражения правовой реальности — правовые идеи и ценности, нормы и институты, понятия и определения. Правовая реальность — это одновременно и институциональная, и языковая, и концептуальная реальность. Разнообразие форм существования правовой реальности лежит в основании разнообразия форм семиотики юридического текста или форм семиотического прочтения юридических текстов. Право, как юридический текст, и наука права, как аналитическое преобразование и отображение юридического текста в предметной и когнитивной логике его репрезентации, существуют в рамочных определениях социокультуры своей эпохи. Семиотика юридических текстов, представленная системой открытых и закрытых (*кодифицированных*) языков их описания и объяснения и дискурсивных практик, обеспечивающих их

¹⁴ Отечественная юриспруденция, устав от неопределенности собственного концептуального статуса в условиях смены своих доктринальных оснований, активно ищет себя в определениях интегративной (интегральной) юриспруденции. Поиски затянулись, что породило дискуссию о сложности как самого юридического знания, так и отраженного в нем юридического бытия, что само по себе имело фундаментальное значение, прежде всего для самой юридической науки, понимания ею своего предмета и расширения номенклатуры своего словаря. См., например, Графский В.Г. О непреодолимых трудностях в создании интегральной юриспруденции // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 19–24.

Очевидно, что научную мечту «соединить *все в одном*» должна была предварять развитая исследовательская традиция изучения различных исторических эпох, школ и форм выражения юридического знания, а также соблюдение ряда аналитических условий. Во-первых, в самой правовой реальности необходимо обнаружить *нечто*, что само по себе является категориальным (онтологическим) основанием совмещения отдельных аспектов ее культурно-исторического существования в интегральную целостность. Во-вторых, сама система различных по своей культурно-исторической природе представлений о праве должна в самой себе заключать эпистемологические основания интегрального подхода в понимании и определении того, что есть это *нечто*. Иначе говоря, юридическая наука должна наконец-то заняться, прежде всего, собой в качестве одной из исторических форм манифестации юридического концепта действительности. И не только в рамках философского, метаюридического осмысления права, а непрерывно вырабатывать, обновлять и анализировать конкретно-исторический язык рассуждения о праве и только потом фантазировать на тему, чем научная дисциплина может быть и почему до сих пор ею не стала.

применение, также существует в системе культурно-исторических координат и также является предметом собственной рефлексии.

Отсюда действительная проблема и тема исторической эволюции юридического текста и корреспондирующих ему исторических форм семиотического осмысления правовой реальности. В этом аспекте своего понимания семиотика — органичная часть культурно-исторической юриспруденции, ее теории и методологии. Одной из конкретно-исторических форм семиотического подхода в исследовании права является, в частности, аналитическая юриспруденция, язык определений которой заключен рамками нормативных актов, составляющих основной объект и предмет концептуализации права. В этот кластер теоретико-методологической рефлексии попадает также и догматическая юриспруденция, знаниевая форма определения права в которой аккумулируется в нормах-дефинициях или системы законодательно санкционированных понятий описания и объяснения права. Оба классических формата семиотического подхода в правовой науке, скорее, предписывают нормативные значения тем или иным явлениям мира социальных отношений, чем выявляют их собственную юридическую природу во всем разнообразии возможных культурно-исторических смыслов и значений.

По существу, речь может идти о становлении и развитии внутри самой правовой науки, как исторической формы юридического знания разнотипных эпистем, предметы которых меняются в зависимости от социокультурного контекста и техник социального общения. Разнообразие форм правовой реальности выражается в одномоментном сосуществовании закрытых или открытых юридических текстов; текстов, полагающих для своего изучения открытую или закрытую аналитику; текстов, связанных языком формального толкования, или текстов, требующих для своего понимания инструментария правовой герменевтики. Поэтика и семиотика мифа и юридической традиции, поэтика и семиотика религиозного текста и ритуала, поэтика и семиотика устного и письменного права заключают в себе собственную историческую семантику, синтаксис и грамматику, что составляет предмет и метод самой юриспруденции [18; 19].

Устное и письменное право — это не просто исторически сменяемые формы (*тексты*) фиксации накопленного опыта институционализации социальных отношений и превращения социального порядка в правопорядок, это — также момент и итог знаковой и культурной эволюции в системах социально-правовых коммуникаций. То есть изменений в формах производства и *воспроизводства* правовых систем, связанных с переходом от традиционных способов трансляции опыта правового общения через механизмы передачи исторической памяти к более гибким, мобильным и открытым нововведениям практикам производства и трансляции опыта правового общения. Ее закономерный итог — появление такой принци-

ально новой знаковой формы артикуляции юридического текста и правовой коммуникации, как язык электронного права.

Поэтика и семиотика языка архаического права выражены в генеалогии и культе предков. Поэтика и семиотика языка *средневекового права* определены застывшим языком религиозных текстов и мемориальных календарей. Поэтика и семиотика языка права *эпохи модерна* выстроены сухой логикой рациональных конструкций. *Новая историческая эпоха* форм социального общения — эпоха сетевых сообществ и коммуникаций. Это также эпоха открытых структур юридического текста, подвижного языка сетевого права (языка *трансграничных институтов*) и конвенционального языка его юриспруденции (*юриспруденции сетевых коммуникаций*).

Юридическое начало социального общения, заключенное в процессы внесения формальной определенности в их существование и развитие, начинает постепенно вытесняться культурой постмодерна в сторону размытых форм юридической организации социальных отношений. Практика буквального прочтения и толкования юридического текста медленно смещается в своих определениях и конструкциях к широким для интерпретации его нормативного содержания границам конкурирующих смыслов и значений. Языки живой метафоры и риторических формул органично входят в научный и практический оборот, порождая свою юридическую технику организации правопорядка существующего за рамками догматики и аксиоматики старой юриспруденции [20; 21; 22]. В эпоху стабильности социальных практик на юридической авансцене царит *догматика права*. В эпоху перемен на передний план выходит *метафизика права*, глубинные убеждения и мотивации, образующие или удерживающие от распада социальные общности. Нормативное ядро и периферия меняются местами. Пора остановиться писать одно и то же об одном и том же. Все только начинается, чтобы снова повториться¹⁵.

* * *

Поэтико-семиотическое прочтение юридического текста фундаментально. За логическими конструкциями и определениями оно видит живое право, данное в его переживаниях, ожиданиях и оценках. То есть в таких

¹⁵ См.: Ассман А. Распалась связь времен? Взлет и падение темпорального режима Модерна. М., 2017; Бауман З. Текущая современность. М., СПб., 2008; Кастельс М. Власть коммуникации. М., 2017. Проблема в том, что социальные категории — отношения и представления, считавшиеся жесткими и фиксированными, сегодня становятся гибкими и текучими по факту их собственного внутреннего развития еще до того, как мы осознали, а тем более осмыслили логику и динамику их возможных структурных состояний. Социальные институты сами себя нормируют безотносительно от намерений вписать их движение в наличный правопорядок. Фактическое и воображаемое, желаемое и действительное пересекаются, взаимоопределяя и конструируя друг друга. Мир, как воля и представление, нашел себя в другом. Порядок формальных решений и порядок реальных действий начинают жить своей параллельной жизнью, что радикально ограничивает и меняет роль государства (универсального бюрократа) в практиках их правовой организации. «Мавр уже сделал свое историческое дело», но при этом не хочет это понимать, а тем более уходит или отказывается от монополии быть единственным действующим лицом на юридической сцене.

формах осмысления правовой реальности, в которых заключено и пульсирует внутреннее человеческое начало социального общения. Поэтика и семиотика, как системы социокультурных инструментов (*символических правил, процедур, практик*) реконструкции означаемых и означающих, свободны от доктринальных, предваряющих анализ догматических суждений, задающих не только эпистемологические рамки описания и объяснения явлений, но прежде всего, закрывающих возможность действительно-го понимания их скрытого значения и смысла. С методологической точки зрения, поэтика и семиотика юридического текста, это — язык и процесс (*дискурс-анализ*), очищающий юридические события, факты, состояния от ложных интерпретаций и искажений [23; 24; 25].

Каждая эпоха в развитии юридической науки имеет свою концептуальную карту мира и оставляет свое аналитическое наследие, выраженное в новых языках, предметах и моделях описания и объяснения права. Поэтика и семиотика позволяют открыть внутри юридического текста в любой форме его референции (*вербальной и визуальной*) то, что, как правило, в нем спрятано и живет своей собственной жизнью. А именно, юридический концепт самой социальной действительности, выраженный в различных символических (*знаковых*) репрезентациях наличного права. В этом плане, поэтика и семиотика — универсальные аналитики всего исторического разнообразия юридического мира социального общения прошлого, настоящего и будущего, представленного юриспруденцией ритуального жеста и танца [26; 27; 28], юриспруденцией домашнего очага и публичного форума [29; 30], юриспруденцией устного и письменного слова [18; 31; 32], юриспруденцией трансграничных коммуникаций и институтов [33].

Список литературы

1. Лафитский В.И. Великие конституции. М., 2017.
2. Герберт Б. Символический интеракционизм. М., 2017.
3. Вышинский А.Я. Вопросы теории государства и права. М., 1949.
4. Олаф Б. Диктатура пролетариата. М., 2018.
5. Осаке К. Размышления над Гражданским кодексом российской Федерации: перспективы сравнительной цивилистики // Ежегодник сравнительного правоведения. 2002. М., 2003.
6. Варламова Н.В. Непозитивистская концепция правовой догматики // Российское правосудие. 2007. № 10(18).
7. Синюков В.Н. Общая теория права и развитие отраслевых юридических наук // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 9. С. 19–29.
8. Девятко И.Ф. Понятие нормы в социологической теории. От классических оснований к новым интерпретациям природы норм и множественности нормативных систем // Нормы и мораль в социологической теории: от классических концепций к новым идеям. М., 2017. С. 10–42.

9. История юридических наук в России: сборник статей / под ред. О.Е. Кутафина. М., 2009.
10. Тисье М. Высокостатусная дисциплина, неясная наука: теория и практика российского правоведения в конце XIX — начале XX в. // Наука о человеке. История дисциплин. М., 2015. С. 207–238.
11. Лазарев В.В., Липень С.В. История и методология юридической науки. М., 2019.
12. Мартышин О.В. К истории формирования понятия «государство» // Вестник университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2018. № 4. С. 37–48.
13. Баранов В.М. Энциклопедия юриспруденции — интегративное развитие общей теории права и государства // Теория государства и права в науке, образовании и практике: монография. М., 2016. С. 48–72.
14. Веденеев Ю.А. Юридическая наука: введение в историю дисциплины // Государство и право. 2018. № 2. С. 5–18.
15. Давид Р. Основные правовые системы современности. М., 1967.
16. Корнев В.Н. Право как языковой феномен // Государство и право. 2018. № 6. С. 5–12.
17. Лафитский В.И. О правовом наследии России и его возрождении в борьбе за право. Монография. М., 2018.
18. Темнов В.И. Звучащая юриспруденция. М., 2010.
19. Дорофеев Д.Ю. Личность и коммуникации. Антропология устного и письменного слова в античной культуре. СПб., 2015.
20. Грязин И. Текст права: опыт методологического анализа конкурирующих теорий. Таллинн, 1983.
21. Законотворческая, интерпретативная, правоприменительная техника в контексте культур и межкультурной коммуникации // Юридическая техника. Ежегодник. Нижний Новгород, 2010. № 10.
22. Анкерсмит Ф.Р. История и тропология: взлет и падение метафоры. М., 1997.
23. Агацци Э. Научная объективность и ее контексты. М., 2017.
24. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть. Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М., 2018.
25. Леонтович О.А. Методы коммуникативных исследований. М., 2011.
26. Мейн Г. Древний закон и обычай. Исследования по истории древнего права. М., 2010.
27. Мальцев Г.В. Культурные традиции права. М., 2013.
28. Шевцов С. Метаморфозы права: Право и правовая традиция. М., 2014.
29. Фюстель де Куланж Н.Д. Древняя гражданская община. Исследование о культе, праве, учреждениях Греции и Рима. М., 2011.
30. Гофман Э. Символы классового статуса // Логос. 2003. № 4–5 (39). С. 42–53.
31. Бочаров В.В. Неписанный закон. Антропология права. СПб., 2012.
32. Ассман Я. Культурная память. Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004.
33. Мажорина М.В. Международное частное право в условиях глобализации: от разгосударствления к фрагментации // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2018. № 1. С. 193–218.

ПРАВО И ПОЛИТИКА В ДЕМОКРАТИЧЕСКОМ ОБЩЕСТВЕ: НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ МЕТОДОЛОГИИ И ТЕОРИИ СОВРЕМЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье анализируются позиции категории правовой политики в современном дискурсе, прослеживается диалектика отношений права, политики и морали, вводится категория социального права. Самым актуальным аспектом работы выступает содержание категориального аппарата правовых исследований в политическом поле, соответствие декларируемых позиций действию основных закономерностей общественного развития. Прослеживается преемственность современной политико-правовой мысли и исторического наследия в исследуемой сфере.*
Ключевые слова: социальная трансформация, право, политика, идеология, капитализация, коррупция, девиантность.

LAW AND POLICY IN A DEMOCRATIC SOCIETY: SOME ASPECTS OF METHODOLOGY AND THEORY MODERN RESEARCH

***Abstract.** The article analyzes the position of the category of legal policy in the modern discourse, traces the dialectics of relations between law, politics and morality, introduces the category of social law. The most relevant aspect of the work is the content of the categorical apparatus of legal research in the political field, the compliance of the declared positions to the action of the basic laws of social development. The continuity of modern political and legal thought and historical heritage in the field under study is traced.*
Keywords: social transformation, law, politics, ideology, capitalization, corruption, deviance.

В отечественной и зарубежной юридической литературе право нередко определяется как совокупность правовых норм, соблюдение которых обеспечивается принуждением со стороны государства. Определяя таким образом право, мы смешиваем его с формой государства, типом политического режима. В силу этого правом может считаться законодательство государства, политика которого не предусматривает охрану природы, снятие социальной напряженности, отмену иррациональных правовых институтов. Иначе говоря,

КАРАСЕВ Валентин Иванович — доктор философских наук, член-корреспондент АПСН, директор Департамента по вопросам защиты социально-экономических интересов трудящихся Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП), г. Москва

нормативистская трактовка права может в равной мере обуславливать как развитие общества, так и его отклонения от социальной нормы.

Иная картина открывается перед нами, когда определение права отражает объективные потребности общественного развития, интересы нации и всего человечества. В этом случае право — не формально абстрактная совокупность законов, а их система, способствующая самосохранению общества [1, с. 5].

Пожалуй, точным, с теоретической точки зрения, определением права применительно к индивиду будет: право быть, владеть и расширять возможности собственного бытия и владения.

Вместе с тем наиболее строгим понятием такого естественного права является не социальная дефиниция, а биологический термин «инстинкт». В собственном смысле естественным выступает не сам инстинкт, а то естественное поле его существования, в котором его право будет наиболее адекватным системному развитию совокупности той реальности, которая является действительным условием (причиной) его индивидуального функционирования и развития. В этом смысле естественное поле существования индивида, являясь потенциальной возможностью полной реализации естественного права, в действительности выступает как его первый и абсолютный ограничитель. Естественное, с нашей позиции, право индивида (инстинкт) оказывается правом физического бытия, ограниченным его универсальными законами.

Ограниченным, но не отчужденным. Только с появлением социальной формы общежития, основанной на разделении труда и дифференцированного отношения к его результату — собственности, индивид, уже в качестве личности, посредством влияния на него механизмов действия социальных законов, оказывается отчужденным как от самой деятельности, так и от ее результата. Таким образом, в социальной реальности происходит не только еще большее сужение естественного права как права бытия, но и его отчуждение от конкретного носителя — личности.

Более того, если социальная реальность, взятая как совокупность наличных общественных возможностей полной реализации естественного социального права личности как права социального бытия, то механизмы отчуждения «снимают» естественность данного права для конкретной личности, диффундируя его посредством распределения в качестве абстрактных «прав личности» между абстрактными личностями, как правило, гражданами конкретного государства. Причем механизмом трансформации естественного социального права в абстрактное «право личности» выступает кодифицированная система позитивного, функционирующего в границах юрисдикции конкретного социума, права.

Парадоксом как истиной, являющейся в непривычном проявлении, здесь выступает результат кумулятивного взаимодействия законов природной и социальной эволюции. Отмена естественного в человеке неподвластна действию общественных законов, которые оказываются способными только

на то, чтобы сделать естественное социальное право личности адекватным необходимости и возможности выживания в условиях социума, давая при этом возможность развиваться, но не всей совокупности человеческих возможностей, как эмерджентной индивидуальной сложноорганизованной системе, а отдельным, рациональным и целесообразным в системе общественных отношений, качествам. Парадокс здесь в том, что за десятки тысячелетий, в границах истории которых существует современный социально ориентированный человек, он практически не изменился как биологическое существо, то есть не эволюционировал. И это несмотря на все те успехи науки, техники, коммуникации и информации, которые имеют место в современности, прежде всего в развитых цивилизованных государствах. Развиваются средства существования человека, но не сам человек.

Методологически важен момент познания сущности отмеченного парадокса, так как выводы, которые из него следуют, имеют прямое отношение к суммарному результату того универсального процесса социальной трансформации, проникновение которого в реальность озаменовано процессом глобализации. Речь идет о том, что развиваются не только отдельные качества личности и средства ее жизнедеятельности — трансформируются, изменяются и эволюционируют сами формы деятельности (функции) системы общественного труда и их наиболее масштабные результаты — структурно организованные формы человеческих сообществ: формации, государства, цивилизации и культуры. Фактически мы вновь прибегнем к выводу о том, что если смотреть на происходящие в человечестве процессы с универсальной исследовательской позиции природных законов, то можно отметить, как факт наличия не одного, а, по крайней мере, двух эволюционных потоков: растянутого в тысячелетиях исторического времени процесса индивидуальной эволюции человека и спрессованного в историческом мгновении современности эволюционирования организационных форм человеческого коллективного существования. Вопрос о том, какой из них является универсальным для природы, лидирующим и исторически более перспективным, наверное, все-таки не корректен, так как они суть стороны дуального, но единого потока социальных изменений. Но тот факт, что оба они существуют в параметрах социальной реальности, имеет прямое отношение ко всей системе общественного знания, в том числе и правопедения.

Дело в том, что одним из ансамбля возможных социально значимых для человечества социальных следствий, представляющим интерес и актуальность для теории государства и права является возможность (а с нашей точки зрения, безотлагательная необходимость) введения в научный оборот юриспруденции понятия «социального права», как права коллективного субъекта общественной эволюции — конкретно-исторической формы организации социума.

В социальном поле инстинкт «быть и владеть» становится естественным правом личности, ограниченным в своем своеправии системой позитив-

ного законодательства, но им же, позитивным законом и защищенным от произвола иных личностей или со стороны государства. Государство как механизм регулирования социальных отношений, в том числе посредством права, также этим правом как законом, защищается, тогда как общество — условие существования как своеправия личности, так и государственного своеправного суверенитета, законодательной защиты, равно и ограничения в современных правовых системах не имеет. И это при том, что коллизия «личность — государство» является иллюзией, когда как действительное противостояние в единстве оснований существования заключено в отношении «личность — общество».

Поскольку право личности располагается в диапазоне свободной воли, ограниченной пределами иной свободной воли, то необходимо допустить, что свободная совокупная воля общества, выступающая основным ограничителем своеправия действия воли индивидуальной, является тем самым социальным правом общества на возможность «быть, владеть и расширять границы своего бытия и владения». Следовательно, правомерно говорить о том, что в современных условиях, особенно рельефно под воздействием глобализации, вырисовывается факт становления такого субъекта права, как общество в его конкретно-исторической форме. Значительно актуальным данный вывод представляется в свете необходимости в праве на защиту национального суверенитета, культурной и конфессиональной самоидентификации обществ, попадающих под волну воздействия глобализации в качестве цивилизационной периферии и, напротив, эффективную правовую базу для обеспечения интересов коллективной воли мирового сообщества и его частей от посягательств организованных глобальных форм отклоняющегося асоциального поведения в целом и отклоняющегося, в частности.

Последнее утверждение свидетельствует еще об одном качественном изменении в современном мире. Он становится управляемым. Важно отметить, что управляемой становится сама социальная история человечества¹.

В человеческом познании есть еще один аспект, который по определению не может быть выявлен технологически. Это отношение самого субъекта к окружающему его миру: ко всей совокупности материального мира, к иным субъектам и к самому себе. Материален мир или субъективен, познаваем или нет, антропоцентричен или космичен (холизм), детерминирован или вероятностен, — в любом из этих аспектов человеку необходимо сформировать некую систему ценностей, которая позволяла бы ему ориентироваться во всей сложности и многоуровневости системы мироздания и развиваться в качестве человека разумного.

¹ Сознательное, в данном случае, целенаправленное формирование представления о содержании исторического процесса понимается двояко. С одной стороны, как факт регулирования социальных отношений современности и отражение его в головах масс участников; с другой стороны — как изменение представления об уже имевших место исторических событиях, явлениях и процессах. Ярким примером могут служить произведения А.Т. Фоменко по новой хронологии.

Как материя обнаруживается для человека в ощущениях под воздействием реального предмета или процесса, т.е. в результате взаимодействия, точно также правовая реальность не существует отдельно от человека, от того, как он ощущает воздействие правовых явлений.

Фактически можно говорить о том, что правовые отношения предшествуют в любом случае идее права или праву как таковому. В процессе освоения и присвоения природы, а затем по мере общественного разделения труда, — социальной природы, — происходит двуединый процесс. Вначале появляются объекты присвоения — предмет труда, его орудия, которые в процессе общения по поводу производства становятся средствами производства и в качестве таковых начинают существовать в представлении человека отдельно от производителя. Тем самым, во-первых, выделяется субъект деятельностных причастностей и, во-вторых, объект отчуждается от субъекта системой специфических соприкосновений.

В нашем исследовании речь может идти об отчуждении объекта и субъекта правовых отношений. То есть с появлением объекта правовой реальности, она, правовая реальность, начинает существовать в качестве объективной по отношению к субъекту формы существования. Право, как объективное отношение по поводу предмета определенной деятельности, разделения и обмена деятельностями, результатам деятельности (собственности) предшествует праву как осознанию действительного бытия этих отношений.

Более того, только отчуждаясь в процессе осознания человеком своего места в системе общественного разделения труда, как внешняя среда, право получает имманентную форму собственного существования — правовую реальность. Таким образом, складываясь частично объективно, частично субъективно в процессе субъективной, но определяемой законами природы и общественного развития, деятельности человека, правовая реальность существует для него в качестве объективной, данной в ощущениях природой и системой общественных отношений. Именно в этом качестве она может быть определена как природа правовых отношений, как естественное право.

Являясь в каждый конкретно-исторический период объективной данностью, правовая реальность выступает как источник правовых отношений, возникающих по поводу этой данности. Вместе с тем, по мере разделения труда и роста отчуждаемых от природного человека отношений, формированием интереса деятельного, преследующего свои интересы субъекта, происходит становление права как идеи, субъективной правовой реальности, в которой доминирующую роль играет не только осознание человеком и обществом естественных границ правовой реальности, но и производство правовых знаний и правовой практики, производство позитивного права.

Таким образом, право становится как особый род социальной деятельности. В этом качестве оно и есть искомое звено триады определения категории права. Право, как объективная правовая реальность, право, как идея, как субъективная правовая реальность, и право, как процесс, как деятельность,

интегрирующая всеобщее-конкретное, как идею, и конкретно-всеобщее, как природу.

Предметная деятельность человека в процессе общественного разделения труда отчуждает право в его специфическом, но тем самым именно в этом разделенном существовании формирует действительную его сущность — объективное бытие правовой реальности в ее социальной форме. В свою очередь, правовая деятельность в форме позитивного права с появлением должного возвращает, как свою противоположность, естественную форму правовых отношений как их природу, как естественное право.

Поскольку исторически можно считать доказанным, что отношения господства-подчинения появляются раньше других, в том числе раньше первых крупных разделений общественного труда, то можно сказать, что собственно власть занимает базисное положение на фоне таких категорий, как собственность и право.

Это особенно важно при анализе таких переходных состояний общественных организаций, как состояния государств, включенных объективным ходом истории или, чаще по внешнему принуждению, в современные процессы модернизации. Это влияние настолько велико, что позволяет говорить о совершенно новом феномене социального процесса — так называемой «революции управляющих» [2, с. 234].

Суть процесса возрастания роли управляющих-менеджеров состоит в современном производстве в широком смысле: от производства материальных благ и услуг до производства функций и структуры власти в разворачивании общего тренда современности в сфере отделения собственности от управления. Более широко — в устойчивом нарастании доминирования в дихотомии труда и капитала именно процесса усиления роли труда.

Пожалуй, в этом кроется ключ к пониманию складывания оснований новой формы организации социальных общностей, называемых сегодня информационным обществом или постиндустриальной цивилизацией.

Являясь объективной тенденцией общественного развития, данное явление представляется внутренне противоречивым, как и все предшествующие стадии разворачивания доминант собственности, права, товарно-денежных отношений и капитала.

Одним из подобных проявлений такой противоречивости выступает основная роль социальных групп управляющих. Она может быть определена следующими основаниями:

- 1) Наличие доступа к технологии осуществления той власти, которая в обществе осуществляется сувереном (или высшим должностным лицом), а в производственных процессах — собственником средств производства или продукта труда. Наличие подобной возможности становится главным предлогом интриг, в результате которых ее второстепенный характер блокируется властными полномочиями де-факто, а соперники просто устраняются.

2) Возможность манипулировать правом распоряжения распорядительными правами, как главная особенность, выдвигает управляющих в первые ряды действительных носителей власти.

3) Право распоряжения распорядительными правами становится стимулом процесса перевода интереса управляющих к усилению статуса: в политике — из статуса последователя в статус формального лидера; в экономике — из статуса власти, как конвертации интереса распоряжения собственностью от имени владельца, — в статус формального владения этой собственностью.

Следовательно, налицо факт: изменение качественных параметров социальной организации общества неизбежно влечет за собой изменение качества властных ресурсов: в экономике, политике, идеологии.

Тогда степень возможности влияния на процессы формирования стратегии и цели общественного движения напрямую зависят от того, в чьих руках находятся распределительные механизмы и, в особенности, контроль над самим процессом распределения распределительных прав.

В силу сложившихся традиций отмеченного отсутствия эффективных источников первоначального накопления капитала и особенностей современного состояния России, на роль таких управляющих в нашем обществе реально претендует только один «фигурант» — государственный чиновник.

В этой связи наиболее очевидным фактом является то, что раньше тщательно скрывалось — обладание властью позволяет избежать уголовной ответственности (категория ответственности моральной многим современникам может показаться просто наивной) и даже исключить ее.

Этот факт позволяет под новым углом зрения посмотреть на отношение между понятиями права и идеологии, общества, как публично-правового союза, и государства, как его политической формы (политическое общество) [3].

Общество, в том числе и гражданское, понимаемое как совокупность различных групп составляющего его населения, генерирует многообразие культурных, моральных и научных идей, составляющих в своей совокупности общественное сознание. Применительно к гражданскому обществу, стержнем стратификации которого является экономический признак, то оно может быть как правовым, так и не-правовым, так как именно право выступает в качестве интегрированного и защищенного интереса каждой страты.

И здесь в свои права вступает государство, понимаемое как политическое общество. Если оно поставлено на службу одной из страт, то, являясь по отношению к обществу гражданскому его функцией, государство становится идеологическим, то есть оно подчинено политической идеологии данной страты. Место права как интегрированного интереса всего гражданского общества занимает закон как концентрированная политическая воля определенной страты (класса). В этом случае размываются как понятия общества и государства, так и собственно понятия права и идеологии.

Если общество в качестве публично-правового союза формирует функцию государства, как функцию своего интегрированного интереса, то его единственной идеологией выступает право, как доминирующая в этой сфере часть общественного сознания.

И, как сторона общественного сознания, право не может быть выше экономического строя и уровня культуры данного общества. Следовательно, попытки законодательной власти сделать «правовую прививку» обществу, забегая далеко вперед складывающихся реальных отношений действительной жизни, также пагубно и опасно, как и торможение старых структур в отношении «нового права», уже подготовленного ходом истории.

При этом для нашего анализа важным представляется учесть два следующих замечания.

Во-первых, не следует смешивать право, как производственное отношение, как отчужденную форму общения собственников, с правовой надстройкой. Аналогично, закон (отношение регламентации) нужно отличать от института законодательства как специфической формы деятельности, в которой впоследствии фиксируется это отношение.

Во-вторых, и это представляется крайне актуальной проблемой, необходимо различать границы действия закона и права в своих полных объемах относительно таких субъектов (и объектов) общественной структуры, как общество и государство. А в реальной жизни они осуществляются через вещную, практическую деятельность граждан или бюрократии.

И так же, как государство в любом случае представляет собой более поздний слой отчуждения, чем социум, в силу инерции, если для членов общества (граждан) в действительности действует сила права как система ограничений, так и для представителей государства (бюрократии) определяющим выступает сам закон, как свод предписаний и регламентаций. Древние говорили: «Что дозволено Юпитеру, то не дозволено быку».

Сегодня, по нашему мнению, для граждан демократического государства (общества) это значит, что для них, как для источника права, так же, как и для Юпитера, позволено все, что не запрещено законом. Но, для государства (бюрократии) разрешено только то, что допускается законом! Более того, то, что прописано в должностном регламенте.

И все же главной для выживания и развития общества представляется стратегия, стремящаяся и исходящая из изменений отношений действительности. Таким алгоритмом, задающим систему отсчета и ее размерности, выступает определение функции государства, как политического общества.

* * *

В цивилизованном государстве возрастает степень научной обоснованности правового законодательства, поэтому его важнейшими особенностями являются: 1) повышение роли правовых норм во всех сферах государственной и частной жизни; 2) возрастание в механизме правового регулирования

ния морально психологических факторов, добровольного, сознательного соблюдения закона; 3) усиление эффективности правового воздействия на формирование и развитие правосознания субъектов права [4, с. 231].

Общество является сложной высокоорганизованной системой, возникшей в результате длительного эволюционного развития. Уровни иерархии структуры отражают его этапы. Следовательно, каждый такой уровень организован по принципам, отражающим действие собственных «законов сборки». Он имеет свои уникальные законы функционирования и механизмы реализации фундаментальных законов. С другими «этажами» общества каждый из уровней связан посредством сопряжения. То есть, он или содержит в себе структурные механизмы последующего уровня организации, или сам входит в конструкцию матричной системы. Таким образом, любой уровень структурной организации данного социума подчинен не только собственным законам, но и более универсальным законам породившего его предыдущего уровня. В переходных состояниях данное положение усиливается кумулятивным эффектом, то есть умножением противоречий внутри всей последовательной цепи проявления законов общественного развития.

Инновационные изменения, происходящие в границах такого субъекта глобализации, как западная цивилизация, имеют два уровня проявления. Первый, который резко бросается в глаза — это развитие транспортных коммуникаций и информационных технологий. Однако следствием их развертывания является только создание условий для реализации главного качества социальных отношений современной постиндустриальной цивилизации, то есть складывание ее инфраструктуры. Главным и определяющим выступает громадный рост производительности труда, основанный на предельно возможной капитализации всей сети производственных отношений западного мира. Он перерос границы не только любой мыслимой производственной корпорации, но и национально-государственные рамки современных цивилизованных государств. Это — первое приближение раскрытия сущности основного противоречия постиндустриализма, рождающего процесс глобализации. Во втором приближении можно зафиксировать перерастание производительными силами самой капиталистической формы присвоения прибавочного продукта, как в приватной, так и в государственно-монополистической формах². И, наконец, в третьем приближении можно говорить о дисфункции современного механизма капитализации, как самодостаточного процесса воспроизводства совокупной стоимости вложенного капитала.

Речь идет о том, что процесс общественного воспроизводства един по форме реализации: производство — обмен — распределение — потребление — производство. Вместе с тем по ряду существенных оснований он дискретен.

² Именно непонимание этого процесса в значительной мере привело организационно-технически развитую форму советского государственного монополизма не к ее преодолению и снятию в качестве существенного общественного противоречия, а к развертыванию вектора капитализации по нисходящей эволюционной ветви — в сторону приватной формы капиталистических социальных отношений.

Эти основания — природные условия, в которых развивается производство, и прежде всего — ресурсная база, система разделения общественного труда, ведущим основанием для общественного воспроизводства которой выступает способность человека к трудовой деятельности — рабочая сила, и характер потребления произведенного продукта в его количественном и качественном выражениях, где ведущим фактором выступает такая сторона общественного разделения труда, как отношение к его результату, то есть конкретно-историческая форма собственности на средства производства и предметы трудовой деятельности.

Исчерпанность ресурсной базы современной мир-системы (капитализма) доказали Ф. Бродель [5] и И. Валлерстайн [6]. Завершенность капитала как главного системообразующего фактора объективации общественных отношений — феномена отчуждения — глубоко и всесторонне проанализировал С. Платонов [7]. Невозможность для подавляющего большинства населения мира легально воспользоваться священным правом на частную собственность, вопреки цели своего исследования, как границу социальной реализации возможности современного постиндустриализма, продемонстрировал на примере стран третьего мира и бывших социалистических государств Эрнандо де Сото [8].

Методологически важным именно для современного прочтения целого ряда внешне разнопорядковых негативных явлений и процессов как внутри западной системы хозяйствования, так и в ответ на ее силовое распространение представляются выводы исследования австрийского ученого К. Поланьи о фиктивной основе функционирования капитализма как экономической системы [9].

Изложенное подтверждается практически всеми современными исследователями, а совокупность приведенных положений свидетельствует не только об отмирании ряда важнейших системообразующих механизмов капитализации, но и о том, что их адаптивное распространение на сферы, расположенные вне действия имманентных оснований, порождает всю гамму реакции опоры — практически все негативные явления и процессы современности, умноженные на коэффициент глобализации [10].

Политика в любом случае отражает не всю совокупность социальных отношений господства и подчинения, а только их сущностную часть — отношений по поводу власти. Таким образом, правовая политика в целом — деятельность по завоеванию и удержанию власти специфическими юридическими способами. То есть, по отношению к политике право выступает как специальный властный инструмент. Как направление, предметной сферой которого является регулирование нормального и девиантного поведения граждан и институтов в интересах групп и корпораций гражданского общества, доминирующих в институтах государственной власти. Вне этого порогового значения правовой политики в поле научных определений существовать не может.

С точки зрения математического моделирования, конструкция деятельности, в результате которой возрастает хаотичность системы, неэффективна. Однако в поле социальных отношений эффективность политики, как отношений по поводу власти, определяется не оптимальностью процессов общественной жизнедеятельности, а коренными и даже сиюминутными интересами групп, реализующих собственные властные полномочия. Общество и граждане интересуют их постольку, поскольку служат либо источником благ, либо угрозой власти.

Правовая политика является социальным феноменом в силу того, что никакая форма политической власти не может существовать вне своего нормативно-правового обеспечения. Мы уже отметили, что обеспечивается, в том числе юридическим инструментарием, претензия на власть господствующими стратами или корпорациями и ее эффективная защита в случае обладания таковой политической властью. Следовательно, если учесть определение политики, то возможно существование правовой политики в строгом предметном поле. О прочих аспектах содержания юридических дисциплин применительно к политическому полю необходимо говорить лишь как о направлениях государственной, в том числе правовой, политики в определенной сфере. То есть, если существует проблема, наличие которой улучшает или усугубляет правовой ресурс действующей власти, она посредством принятия политических решений и их реализации снимает проблему, мешающую потенциалу правового ресурса.

Вместе с тем, по нашему мнению, существует методологическая основа иного взгляда на соотношения политики и права. Так, если следовать фундаментальным конституционным позициям, субъектом властных политических отношений в обществе является народ, делегирующий свои полномочия демократическим институтам политической власти. Такая постановка проблемы делает возможным выделение в качестве сущностных не только отношения социальных групп по поводу власти, но отношение народа к любой форме политической власти, как к комплексному ресурсу жизнеобеспечения всего общества.

На уровне такого рассмотрения политика будет выступать уже как деятельность представительной функции государства по обеспечению сохранения и развития социальных отношений. В этом случае появляется возможность строгого определения правовых аспектов политики государства.

Представляется, что логическая стройность данного умозаключения в условиях существующих параметров социума, не оспариваемая по существу, все-таки является идеально-типической конструкцией, как практически все теоретические описания М. Вебера, К. Маркса, А. Тойнби или О. Шпенглера. Мы в состоянии принять ее в качестве наиболее широкого поля исследования, которое уже выходит из предметности данного исследования, но отдаем отчет в том, что политическая и правовая реальность российского общества не совпадает с аналогичными логически верными конструкциями.

Таким образом, правовая наука вправе претендовать на обоснование собственного ресурса в политическом процессе, но конкретные формы юридической практики имеют качества объектов, а не субъектов государственно-политической деятельности и, следовательно, выступать источниками политики, например, уголовно-исправительной, не могут по определению. Иное прочтение — путь построения утопической, пусть даже «одетой» в самые новомодные математические и кибернетические методологии, модели.

В принципе, посредством права государство выполняет в отношении общественной безопасности строго очерченные функции. К ним можно отнести государственную политику по поддержанию и развитию уровня социально-экономической обеспеченности всех слоев населения в границах социально значимой нормы; деятельность по обеспечению обратной связи в вопросах, требующих государственного решения с целью минимизировать социально негативные протестные и реактивные формы общественного поведения; правовую работу по оптимизации юридических, то есть нормативных границ дозволенного и недозволенного в параметрах минимизации возможностей не просто девиантного, а прямо преступного поведения отдельных категорий социума и индивидов. Формы деятельности по обеспечению внешнеполитической и военной безопасности имеют собственную специфику и не входят в предмет данного исследования.

Основные параметры любого современного национального государства, с одной стороны, располагаются в границах становления глобальных планетарных промышленных, финансовых и информационных сетей, способных обеспечить достойный уровень гражданам цивилизованных демократических социально ориентированных государств. С другой стороны, они определяются организационными принципами и закономерностями архитектуры собственного внутреннего строения. Поэтому определение политического курса государства зависит не только от действия объективных законов и нашего осознанного и интуитивного стремления к гармонии и благополучию. Многие зависят от других, подчас неуловимых факторов, таких, как культурный потенциал, исторический традиционализм, экономическое состояние, ресурсная база и отражающее их общественное мировоззрение.

Вместе с тем необходимо отдавать себе ясный отчет в том, что современный мир живет не только экономическими основаниями. По крайней мере, лидирующая в мире европейская цивилизация, создав со времен просвещения мощный инструмент — современную систему научного знания, все в большей степени попадает под его обратное влияние. Это выражается, прежде всего в том, что любое действие в социальном поле выстраивается под доминирующим влиянием процесса аналитического моделирования ситуативных и долгосрочных возможностей. Имея форму прогноза практически на самом деле, данная деятельность носит, по нашему мнению, характер управляемого извне событийного ряда. Извне потому, что сама аналитическая деятельность выступает отраженной и отчужденной формой

причинно-следственной и телеологической связи между основаниями и проявлениями их следствий в процессе принятия решений.

Данное определение свидетельствует о двух важных тенденциях современности. Во-первых, о, несомненно, всемерно возрастающей роли субъективного в объективном развитии самой социальной реальности, ее, в ряде случаях, опережающем характере. Во-вторых, о том, что сам потенциал такого анализа в качестве интеллекта, становится предметом идеализации по форме, а его результат отчужденным и объективированным по существу.

В таком случае правомерно говорить не только о том, что социальные изменения, как и сама социальная реальность, имеют возможность к сознательному управлению, но и о том, что такое сознательное управление имеет тенденцию превращения в отчужденную от своего носителя форму социально значимой деятельности. То есть, если допустить, что при капитализации интеллектуальной сферы не только результаты научных исследований, но и способность к творчеству становится товаром, то понятие интеллектуальной собственности не открывает широкую дорогу к прогрессивному развитию науки и техники, а создает предпосылки практического использования интеллекта на службе того же частного или корпоративного интереса, и уже под видом полностью осознанного положения в качестве социального и правового закона.

Поэтому необходимо как социальный и исторический факт констатировать, что практически все действия по управлению теми или иными секторами социальной реальности, как в границах национальных государств, так и в поле международных отношений, сознательны и осознанны. Важным является даже не сама степень этого осознания, сколько понимание того, что, прежде всего они осознаны с позиции господствующего корпоративного или частного интереса.

Ядром системы социального управления выступает государство, если допустить, что осознание принимаемых политических решений, как бы оно ни выглядело или ни было представлено для объекта управления — самого общества, — в действительности, подчинено аналогичной закономерности. То есть наглядно очерчивается контур вывода о высокой степени определения политических решений как объективным процессом капитализации всей системы отношений, так и субъективно осознаваемым и принимаемым механизмом их коррупциогенности. Кстати, в первом приближении, но с другими целями, именно этот факт четко фиксируется во всех социологических исследованиях, посвященных коррупции.

С правовой точки зрения необходимо учитывать, что в основе любой системы норм или правил поведения лежат как объективные, так и субъективные факторы. В числе объективных факторов выделяются однотипные экономические, политические, социальные, идеологические и иные условия, способствующие созданию и функционированию системы правовых норм в социуме. Как отдельные нормы, так и их система в целом не создаются

стихийно и произвольно. Они отражают объективные потребности индивида, государства и общества и проецируются на реально существующие экономические, политические и иные отношения. В этом плане, несомненно, прав был К. Маркс, когда писал, подчеркивая объективно обусловленный процесс нормотворчества, что «законодательная власть не создает закона, — она лишь открывает и формулирует его» [11, с. 285].

Разумеется, процесс создания и функционирования системы норм не только не отрицает, но, напротив, предполагает существование субъективных факторов. Речь при этом идет о разработке и осуществлении научно обоснованной правовой политики, активного участия специалистов-правоведов в процессе правотворчества, правоприменения и правоохранительной деятельности государственных органов.

Говоря о системе норм, нормативности права как одной из его важнейших особенностей и черт, следует отметить, что нормативность вовсе не означает ограниченности или замкнутости права одними только нормами (правилами поведения) [12, р.110, 182]. Помимо норм и наряду с ними право должно включать в себя другие структурные элементы в виде правоотношений, правовых взглядов и идей, правосознания, субъективных прав граждан.

Вместе с тем, законом современного правового становления является тот факт, что в системе сложившихся общественных отношений и, особенно, в переходные периоды, появляется возможность идеологически, то есть, с позиций осознанных перспектив развития, обеспечить социально-экономические, политические и духовные аспекты развития членов общества. Отражая коренные интересы социальной стратегии, в которой интегрированно выражаются интересы социальных слоев, страт, групп и индивидов, ориентируясь при этом на системные цели социума, идеология как политическая наука, через функции идеологической деятельности и идеологического обеспечения получает возможность определять основное направление социального прогресса.

В то же время, как сфера общественного сознания, идеология, отражая степень реального развития общественных отношений, следует за политикой, воплощаясь в качестве идеологического обеспечения основных направлений политической стратегии.

Именно такая функция идеологии, как идеологическое обеспечение, представляет собой связующее звено между научной теорией и конкретной преобразующей практикой конкретных деятельных людей.

Однако функции правового и идеологического обеспечения законных свобод и прав граждан, общества и государства, как это видно, в том числе из приведенного логического обобщения, не вырастают в пространстве существующего социального «вакуума». Они закономерно отражают параметры имеющей место социальной субстанции, каковой могут быть интегрированные в качестве системного целого реально существующие

общественные отношения, отраженные на уровнях социальной психологии и социальной идеологии.

Эффективность социальной жизнедеятельности определяется механизмом взаимодействия капитала и власти. Капитал, выступая в форме общественного разделения труда в качестве основания простого и расширенного воспроизводства, формирует рыночные отношения; при переходе границы меры качественной определенности он превращается в средство для воспроизводства не своей сущности — товарной массы, а формы — финансовых потоков макроэкономики. В первом случае он выступает генератором социального разнообразия и формирует определенную модель гражданского общества; во втором, монополизирова сфeры общественного производства, ограничивает рынок и приводит общество к редукции социальной стратификации.

Государственная власть, как строй политического общения, в отличие от гражданского общества, как строя частного общения, интегрируя политические притязания всей гаммы его участников, выступает как гарант и формообразующий фактор их реализации через систему существующего законодательства, тем самым оформляя правовую и организационную структуру социума. В случае превращения политической, особенно государственной, власти в товар, она становится наемным «совокупным работником» на службе у отдельного корпоративного или даже частного интереса. В данной ситуации государство как строй политического общения перестает существовать, перемещаясь в сферу частного или монополизированного корпоративного общения.

Источником социальных противоречий являются коренные интересы капитализации внутренних и транснациональных корпораций и обслуживающих их социальных групп, как легальных, так и криминальных; полем конфликта внешнего и внутреннего, нормального и девиантного выступает политическая власть государства; центральным звеном — ее государственные служащие; детерминирующим всю гамму негативных процессов в интерактивном социальном пространстве механизмом — коррупция.

Ключевой структурой в этих условиях выступает государственная бюрократия. От того, насколько совпадают или расходятся в конкретно-исторических условиях три главных составляющих ее функционирования: служение обществу, обеспечение корпоративного интереса или обслуживание самой себя как самодостаточной кастовой структуры, — во многом зависит, если не содержание процесса перемен, объективно детерминированное социально-экономическим уровнем и историческим развитием социальной системы, но механизм его реализации и темпы осуществления.

Можно определять современное общество как демократическое или авторитарное, олигархическое, корпоративное или элитаристское, либеральное или этатистское, — в каждом определении будет, как в зеркале, отражаться не ослабление или усиление государства, как института, а усиление того

аспекта, который соответствует функциональному обеспечению господства социальной силы, которая располагается в основании соответствующего определения. Поэтому либеральные утверждения о необходимости ослабления экономической роли и ухода государства из производственной сферы — не более чем миф, рассчитанный на императивное усиление правотворческой роли государства в интересах обеспечения господства монополий в социально-экономическом пространстве путем создания соответствующего правового поля.

При этом важным представляется следующее обстоятельство. Неизбежным следствием замены естественного на искусственное в системе социальных оснований выступает с силой закона аналогичная замена в их проявлениях, прежде всего в определении источника социального движения и его структурирования в иерархии общественного строения — внутренней социальной архитектоники.

И. Кант отмечал, что его поражают два обстоятельства, это — звездное небо над головой и нравственный мир внутри человека. Речь идет о том, что рассуждения по поводу власти или собственности как онтологических объектов в социальном поле в границах подсистем социальной или политической системы самого общества допускают, по крайней мере, два толкования.

Первое имеет практически форму аксиоматической парадигмы. В ее границах собственность и власть имеют предметную сущность, обладание которой со стороны личности дает возможность использовать как силу, так и право владения, пользования и распоряжения ресурсами отмеченных объектов. В силу такого понимания стремление к власти или собственности рассматриваются в качестве некоторой естественной потребности даже не личности, а человека, как природного существа. Тогда естественной становится и вся шкала социальной стратификации, основанная на обладании собственностью или властью или отсутствии такого обладания. Собственники и наемные работники, власть имущие и рядовые обыватели, — все эти понятия выстраиваются в ряд естественного порядка вещей, который может менять формы своего проявления, но принцип которого представляется незыблемым и вечным.

Второе прочтение практически не востребовано ни системой научного знания, ни потребностями экономической, социальной и политической практики. Речь идет о том, что власть и собственность — суть отношения между людьми в процессе их взаимной общественной жизни и деятельности. Причем, как деятельности по воспроизводству системы лежащих в основании социальной структуры производственных отношений, фундаментом которых в современных социальных системах в действительности является капитал, а механизмом расширенного воспроизводства — их капитализация, так и воспроизводства всей совокупности отношений человеческой жизни, воспроизводства в человеке его человеческого качества, — процесс,

к капитализации и вещиности наличного материального бытия имеющий малое касательство.

Если представить себе, что все ускорение прогрессивного развития и исторического времени как раз и является индикатором перехода от возможностей первой интерпретации к онтологизированию и реализации духовного потенциала второй, то окажется, что вся совокупность определений экономического, социального или политического лежит не в плоскости приоритета дихотомий, будь-то «государство — личность» или даже «общество — личность», а в поле полного объема категории личности, как становящегося в своем имманентном главном качестве человека.

В принципе, данное положение всегда было мощным волнорезом между философией Запада и любомудрием России. Вещность индивидуализма исходит из естественного отбора животного мира и возвращает современному, вооруженного достижениями научно-технической революции человека обратно в его границы. Всеединство российского мировидения строится на понимании универсальности и мироподобности соборного человека, как личности, соборному всеединому миру-вселенной. Вещность социальности — только необходимое, но недостаточное условие становления человека, как подлинно духовного существа.

Данный экскурс не является предметом исследования, но позволяет сформулировать действительную с нашей позиции, а не иллюзорную дихотомию, как возможную основу глобальной тенденции социального движения современности: что сформирует информационное поле развития — виртуальный гностицизм, основанный на переносе принципов капитализации на всю систему социальных и духовных отношений, или этический императив, распространяющий законы духовности на отношения материального производства и воспроизводство самого человека.

Практически на сегодняшний день можно сказать, что рационализм капитализации, перенесенный на все остальные подсистемы общества, начинает наносить невосполнимый ущерб уже не природным ресурсам, а ресурсу человеческого существования. Причем и именно через запуск коррупционного механизма. Речь идет о том, что источником капиталобразования служит только живой человеческий труд, а точнее, разница между вложенным трудом и способностью к трудовой деятельности. На этом основано здание современного индустриализма.

Похоже, что основанием возводимой по западному образцу конструкции постиндустриального общества становится сама человеческая жизнь, то есть разница между реальным воспроизводством системной социальной жизнедеятельности и минимальной способностью населения к самовывживанию.

Фактически этот тезис — продолжение темы верности определений древних в отношении круговорота форм политической власти. Только приведенный контекст убеждает и в верности возможной цикличности способов производства и основанных на ней цивилизационных, то есть

технически современно вооруженных образований. Наличие виртуального киберпространства, электронных маркеров и чипов наряду с потенциалом техногенного манипулирования сознанием формируют реальные предпосылки складывания «нормального» интеллектуально-информационного рабовладения. Причем, только в его границах может стать реальностью ни разу в человеческой истории не состоявшаяся система тоталитаризма в полном объеме понимания данной категории. Грядущая эра нанотехнологий только усиливает эту опасность.

В этих системных границах интересно проследить формирование современного содержания таких понятий, как монополия, олигархия и плутократия. Монополия является исключительным правом владения в сфере конкретной отрасли деятельности. Плутократия — это государственная власть, принадлежащая страте финансовой элиты, а олигархия — политический режим, в котором власть принадлежит узкой группе лиц.

Сегодня практически можно определить, что наполнение содержания данных категорий социального знания определяется действием единственного экономического механизма — процесса капитализации. Капитализация отдельных отраслей рыночного сектора экономики порождает феномен монополии, владеющей исключительным правом на перераспределение прибыли в их границах. Капитализация системы социальных отношений при выходе права собственности монополий за границы рыночного сектора, порождает плутократию, — слой действительных граждан, владеющих экономическим ресурсом — собственностью. Капитализация, вышедшая за границы экономической подсистемы социума, посредством сращивания прав на собственность и исключительного права на власть формирует единую сеть олигархии — узкого слоя сособственников экономического и государственного ресурсов, господство которой стремится к абсолютной власти.

Можно предположить, что, если процесс экономического отчуждения связан с процессом становления капитала, то его аналог в социальном поле опирается на становление, в том числе правовым образом закрепленное, конкретной формы государственной власти.

И, что характерно, данный подход существует со времен глубокой древности. Эллыны не жили в эпоху господства капитала, но прекрасно понимали сущность процесса круговорота форм государственного правления. Цикл «царская власть — аристократия — демократия» в качестве зеркального отображения фиксировал последовательность: тирания — олигархия (плутократия или тимократия) — охлократия.

В политической науке, как правило, в большей мере акцент делается на организационной стороне, так, данная циклоида характеризуется по тому, является ли власть одного, группы или всех и гораздо менее — по параметрам лежащего в основе градации ресурса: силы, избранности (по происхождению, влиянию или богатству), права (как природы или как закона, но равного и справедливого для всех, кто входит в категорию действительных граждан).

Еще интересней сущностная интерпретация несправедливых или неправильных форм правления. Ресурс, лежащий в их основании, аналогичен правильным формам, но связан с отклоняющимся поведением, тем самым преобразуясь в свою антагонистическую по социальным следствиям противоположность. Так, сила, ставшая насилием, превращает царскую власть в тиранию; избранность, противопоставляя себя всему обществу, становится отверженностью, превращая аристократию в олигархию; а право всех как целого, дробясь на абстрактные права каждого как единичного, превращает демократию в охлократию, власть в анархию, готова почва для новой тирании.

Практически все современные исследования в данной сфере демонстрируют отсутствие интереса к подобной постановке проблемы, тем самым показывая, что она не является актуальной в силу могущества знания и цивилизованности, как современного организационного строения западного социума, в том числе по отношению к власти вообще и демократии — «священной коровы» цивилизации — в частности. Непонятно, откуда взялась такая абсолютно аксиоматическая уверенность в том, что открытая в древности циклоида не продолжает действовать, причем с силой исторической и социальной закономерности.

Представляется, что никакой уверенности нет, а напротив, присутствует интуитивное ощущение того, что именно так все и происходит, но даже прикосновение к таким образом сформулированной теме может разбудить интеллект в направлении понимания характера, содержания, вектора и цели современной трансформации человеческого общества, тем более в условиях интегративного процесса глобализации, когда вопрос о социально-экономических и политических основаниях нового структурного и организационного строения неизбежно поставит проблему в актуальную плоскость во всем ее объеме, какие политические формы предусмотрены в качестве базовых, фундаментальных оснований становящегося международного сообщества — это, во-первых. Во-вторых, не скрываются ли за фасадом формальных определений либерализма и демократии их отчужденные, неправильные формы. Вопрос тем более важен, что в силу современного уровня развития и влияния глобализации, ответ на его первую и вторую части не так прост, как может показаться в ближайшем, сравнимым с историческими аналогами, приближении.

Более того, данная проблематика не входит в круг научных интересов именно потому, что не финансируется (а это сегодня основной стимул) теми, кто прекрасно отдает себе отчет в действительной значимости снятия флера сакральности с политической власти в ее единстве с трансформационными изменениями формообразования и функционирования капитала в условиях глобализации.

Вместе с тем, сама пребывающая в безмятежной и бесспорной уверенности система свидетельствует о собственном бессилии в определении характера и

направления своего дальнейшего развития. Именно то, что представляется вечным и неизблемым: господство капитала в экономике, демократии и либерализма в структурно-функциональном строении общества и абсолютное непререкаемое лидерство одной великой державы, как лакмусовая бумажка, служит четким индикатором того, что уверенность в данном положении вещей и есть системное знание, расположенное, выражаясь языком теории сложных саморазвивающихся систем, в зоне, далекой от равновесия: равновесия сил в реальности и равновесия в степени отражения истинного положения дел в системе позитивного, в том числе правового, знания.

Ergo, власть меняется по содержанию и по форме, отражая характер перераспределения ресурсов и выражающих интересы их хозяев — социально влиятельных групп. Власть меняется также в поле национально-государственной изменяющейся структуры в условиях действия законов социальной трансформации и, как следствие, меняется влияние формальной государственной и реальной надгосударственной становящейся власти в параметрах глоболизирующей международной реальности.

Характерными процессами, в пределах которых реализуются системные и транссистемные изменения власти, выступают в современных условиях: действие закономерностей мирового процесса капитализации; следствия «революции управляющих» и коррупция как социальный феномен и механизм эмерджентного вырождения государственной власти, как общезначимого социального механизма.

Отмеченные процессы реализуют себя в поле действия универсальных законов переходных процессов: тенденции к внеэкономическому принуждению; потенциалу перехода к новой социальной утопии и господству абсолютизируемого в адекватных достигнутому уровню развития формах государству [13, 14, 15]. При этом наличие влияния сторон противоречия первого и третьего законов инвариантно, а ненаблюдаемость, как в условиях современности, признаков информационной матрицы будущих допустимых параметров развития, свидетельствует о двоякой вероятности: а) она еще не созрела до уровня социально значимой необходимости, и в этом случае еще возможен вектор развития; б) процесс обратим, то есть социум расположен в плоскости течения, обратной прогрессивному направлению социального движения, следовательно, современное общество по доминанте не развивается, а деградирует. Но и в данном варианте роль государства увеличивается до степени внеэкономического формообразующего диктата; вопрос только в тех границах, в ареале которых происходит основное русло трансформационного глобального процесса социальных изменений.

Усиление роли государства — это всегда расширение его бюрократии и то, какими принципами в своей деятельности идеократическое (в любой из возможных форм) государство будет руководствоваться, станет индикатором его способности выступить в качестве центрального формообразующего фактора становления нового структурного уровня человеческого сообщества.

При этом исследовательский дискурс выстраивается, по крайней мере в первом приближении, также дуально. Речь может идти о познании закономерностей переходного процесса в параметрах национального государства, пусть даже в поле действия универсальных закономерностей социальной трансформации, однако, возможно исследование всего поля современной социальности в его системном изменении в условиях глобализации, как единой полной и эмерджентной социальной системы. Второй случай требует определения параметров будущего, или, строже, становящегося состояния социальной реальности, что по отношению к власти означает определение типа ее строения — консолидированного или имперского.

В полной мере значение сущности второго варианта открывает возможности более полного описания трансформационных процессов в функционировании властных институтов в границах современных национальных государств как в ядре формирующейся постиндустриальной цивилизации, так и на ее периферии.

Таким образом, дуальность социальной жизнедеятельности определяется механизмом взаимодействия капитала и власти. Капитал, выступая в форме общественного разделения труда в качестве основания простого и расширенного воспроизводства, формирует рыночные отношения; при переходе границы меры качественной определенности он превращается в средство для воспроизводства не своей сущности — товарной массы, а формы — финансовых потоков макроэкономики. В первом случае он выступает генератором социального разнообразия и формирует определенную модель гражданского общества; во втором, монополизируя сферы общественного производства, ограничивает рынок и приводит общество к редукции социальной стратификации.

Государственная власть, как строй политического общения, в отличие от гражданского общества, как строя частного общения, интегрируя политические притязания всей гаммы его участников, выступает как гарант и формообразующий фактор их реализации через систему существующего законодательства, тем самым оформляя правовую и организационную структуру социума. В случае превращения политической, особенно государственной, власти в товар, она становится наемным «совокупным работником» на службе у отдельного корпоративного или даже частного интереса. В данной ситуации государство как строй политического общения перестает существовать, перемещаясь в сферу частного или монополизированного корпоративного общения.

Отмеченное, как в зеркале, фиксируется в логической цепочке развертывания качества такого феномена, как общественное сознание: религиозное мировоззрение — политические идеологии — рационализм; или: психология — идеология — право — мораль, где последовательность раскрывает содержание отраженного в сознании социума по доминанте индивидуального (единичного), группового (особого) и общественного (всеобщего)

социально значимого интереса в той форме и на том уровне, в параметрах которого данная социальная система в современных условиях функционирует. В границах первого приближения это становление сознательного обеспечения возможности капитализации, в полной мере реализованной после включения механизма протестантской этики труда. Вторая посылка определяет — от второй до третьей позиции — существо политической власти, тогда как первая — четвертая — суть интерактивное пространство социальной жизнедеятельности самого данного общества. Третья цепочка является формализованной структурой выбора в параметрах двух первых, тем самым определяя правильность или отклоняющуюся форму общественного сознания и социально значимого поведения членов общества, как индивидов, личностей и граждан государства.

Капитал, как предельно отчужденная форма производственных отношений, лежащих в основании социальной жизнедеятельности, рационален по определению. Но если он не ограничен в своем самовоспроизводстве границами политической идеологии или религиозной традицией, то из законопослушного он неизбежно превратится в теневой, нелегальный или полностью криминализованный.

Политическая власть, агрегирующая спектр политических предпочтений и не руководствующаяся при этом в собственном правовом поле принципами морально-нравственного ограничения, вырождается в ту форму предельного бюрократизирования, о которой писал К. Маркс в «Критике гегелевской философии права», «Немецкой идеологии» и подготовительных материалах к «Святому семейству». И если при этом решения политической власти не переходят со временем на уровень социально-психологического закрепления в формах ментальности, традиции или обычного права, то, по существу, государство не выполняет своего политического предназначения, политическое общество и гражданское общество существуют в разных социо-пространственных измерениях и данная социальная система чревата потенциалом острого общественно-политического конфликта.

В поле реализации основных закономерностей жизни общества естественно, что они проявляются не автоматически, а через деятельность преследующих свои цели людей. При этом, объективность действия соответствующих социальных закономерностей индифферентна к субъективной интенции, тому, как деятельные индивидуумы относятся к факту их наличия. Осознанность или бездумность не отменяют их общеобязательного характера, но, и значительно, могут затруднить сам процесс реализации. Тем более, отмеченное относится к планируемым артефактам, девиантности или осознанному противодействию вектору действия законов сборки и функционирования данной социальной системы.

Следовательно, «человеческий капитал» с полным основанием можно отнести к решающей цепи природной и общественной детерминации действия механизмов соответствия или несоответствия содержания, характера

и направления социальной деятельности объективным границам применимости общественных законов, впрочем, и опосредованных культурной средой законов естественных, природных.

Человек, как личность, складывает историческую форму конкретного общества; человек, как производитель материальных благ, формирует его экономическую систему, образуя систему гражданского общества; человек, как гражданин, структурирует строй политического общения — государство.

Ранее мы постулировали закон становления определенного типа общественно-исторической формации, описав его в следующих границах действия, как закон соотношения разделения общественного труда и его кооперации: в процессе становления социально-экономического строя доминирующим основанием выступает разделение общественного труда и пик его расцвета совпадает с процессом максимального диффундирования господствующей формы собственности в обществе. Спаду общественных отношений предшествует усиление кооперации производственной экономической деятельности, совпадая с процессом монополизации господствующей формы собственности в предельно для данного социума допустимых границах.

В своей работе, опираясь на наследие материалистической диалектики, мы определили в качестве одной из значимых социальных закономерностей разделение труда в отдельном производственном процессе и в параметрах социальных отношений, сформулировав ее действие следующим образом: власть в экономической сфере обратно пропорциональна власти в обществе, так, процесс демократизации может эффективно реализовать свои цели только в условиях ужесточения и централизации в процессе материального производства, и, напротив, расширение демократических оснований экономических отношений (либерализация) может происходить только в условиях всемерного укрепления государственной власти.

Таким образом, в процессе социальной трансформации в любом из возможных случаев решающим условием выступает именно усиление государственного воздействия на общество. Государство, как социальный институт и механизм, обеспечивающий взаимодействие всех иных институтов и граждан, никогда не уходит с политического поля, лишь меняя содержание отраженного в его доминирующих функциях социального интереса. Иными словами, усиливая именно те стороны своей силы, которые способны максимально обеспечить интересы той группы, которая овладевает его политическим ресурсом.

Подчеркнем: всегда, при изменении вектора социального развития роль государства не ослабляется, а усиливается. В случае качественной перестройки параметров социума этот процесс приобретает характер действия одной из ведущих закономерностей переходного периода.

Следовательно, то, что сегодня происходит в политической сфере, только кажется борьбой за государство или против него, на уровне сущности проблема формулируется иначе: борьба за использование всего, включая

потенциал легитимного насилия, властного государственного ресурса, но не в интересах всего общества и его граждан, а в узко групповых корпоративных интересах.

Список литературы

1. Черненко А.К. Философия права. Новосибирск, 1997.
2. Дзарасов С.С. Российский путь: либерализм или социал-демократизм. М., 1994.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология. // Соч., 2-е изд., т. 3.
4. Чурсин В.Д. Цикличность в праве (вопросы методологии). Ставрополь: Изд-во Ставропольского ун-та, 1998.
5. Бродель Ф. Динамика капитализма. Смоленск. 1992.
6. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. М., 2011.
7. Платонов С. После коммунизма: Книга, не предназначенная для печати. М., ГПЗ, 1990.
8. Эрнандо де Сото. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире. М., 2001.
9. Поланьи К. Саморегулирующийся рынок и фиктивные товары: труд, земля и деньги // THESIS, весна 1993, т. 1, вып. 2.
10. Kelsen Y. General Theory of Law and State. Cambridge, 1949.
11. Маркс К., Энгельс Ф. К критике гегелевской философии права // Соч., 2-е изд., т. 1.
12. Weizsaecker, von E., Wijkman, A. Come On! Capitalism, Short-termism, Population and the Destruction of the Planet. Springer, 2018.
13. Карасев В.И. Социальная трансформация как предмет социально-философского анализа: Автореф. дисс. на соиск. учен. степ. доктора философ. наук. М., 2000.
14. Карасев В.И. Феномен политического лидерства. М., 1999.
15. Карасев В.И., Васьков А.Т. Феномен глобализации в социальном контексте современности. М., 2002.

Э.И. ДЕВИЦКИЙ

ДЕФЕКТЫ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ИЗБИРАТЕЛЬНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

***Аннотация.** Обосновывается необходимость существенного изменения избирательного законодательства только в целях устранения имеющихся дефектов. Продемонстрирована невозможность однозначного выявления дефектов избирательного законодательства с помощью разработанных в теории права правил юридической техники. Сформулирован вывод о базовом дефекте законов о выборах в виде отсутствия нормативно закрепленных подходов к определению баланса публичных и частных интересов в избирательных правоотношениях.*

***Ключевые слова:** выборы, избирательное законодательство, дефекты нормативных правовых актов, качество закона, юридическая техника.*

DEFECTS AS A FOUNDATION FOR IMPROVING OF ELECTORAL LEGISLATION

***Abstract.** The article substantiates the need for a significant update of the electoral legislation only in order to eliminate the existing defects. The impossibility of unambiguous detection of defects of the electoral legislation with the help of the rules of legal technique developed in the theory of law is demonstrated. The conclusion about the basic defect of the election laws in the form of the absence of regulatory approaches to the determination of the balance of public and private interests in electoral legal relations is formulated.*

***Keywords:** elections, electoral legislation, defects of normative legal acts, legal quality, legal technique.*

О необходимости реформирования избирательного законодательства ученые и практики спорят давно, указывая на его пробельность, дефектность, противоречивость, коррупциогенность и так далее. Кроме того, мы наблюдаем значительное увеличение объема нормативного регулирования в Федеральном законе от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях)¹ — более чем в два раза по сравнению с первоначальной редакцией. Следует отметить, что многие изменения закона касаются правовых норм, регламен-

ДЕВИЦКИЙ Эдуард Иванович — кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), г. Иркутск

¹ Собрание законодательства РФ. 2002. № 24. Ст. 2253.

тирующих вопросы выдвижения и регистрации кандидатов, организации голосования и подведения его итогов. Между тем, немало положений данного закона, регулирующих проблемные вопросы системы и статуса избирательных комиссий, информационного обеспечения и финансирования выборов, сохранились практически в неизменном виде.

Однако является ли изложенное безусловным основанием для кардинального реформирования избирательного законодательства?

Правоприменители, а это, прежде всего, представители системы избирательных комиссий, скорее всего, ответят отрицательно. Во-первых, избирательные комиссии чаще всего сталкиваются с попытками заведомо неправильного толкования, извращения содержания, игнорирования различных правовых предписаний, использования их в качестве инструмента достижения гарантированного результата на выборах. Поэтому давно укоренилось мнение о том, что даже всесторонне обсужденные и продуманные поправки, сформулированные при строгом соблюдении правил юридической техники, могут не обеспечить устранения существующих проблем правоприменительной практики.

Во-вторых, серьезное реформирование избирательного законодательства из-за высокой конкурентности в регулируемых отношениях, неизбежно повлечет за собой еще большее количество проблем его реализации, что в конечном счете может нивелировать весь положительный эффект нововведений.

В-третьих, именно избирательные комиссии более всех осведомлены обо всех аспектах реальных, а не надуманных (политизированных) проблем избирательного законодательства, и, следовательно, могут предложить достаточно эффективные способы устранения большинства из них в рамках уже существующих законодательных решений.

Между тем, это мнение практиков, к которому законодатель последние годы прислушивается весьма неохотно. К тому же значение избирательного законодательства выходит далеко за пределы деятельности избирательных комиссий по организации и проведению выборов, а значит нельзя руководствоваться только мнением практиков при решении вопроса о его изменении.

Как представляется, чтобы определить, действительно ли необходимо кардинальное реформирование избирательного законодательства или можно ограничиться внесением изменений, пусть и существенных, нужно оценить качество действующих законов о выборах.

Вопросы качества закона, обеспечения его эффективности, выявления и устранения дефектов в праве исследовались как теоретиками права, так и представителями отраслевых юридических наук. В то же время, какой-либо бесспорной, целостной теории и основанной на ней эффективной системы обеспечения качества нормативных правовых актов пока не существует.

Современные подходы к определению качества нормативных правовых актов в основном связаны с выяснением их соответствия требованиям юридической техники. Для выявления конкретных признаков некачественности нормативного акта используется понятие «дефект» [1, с. 3–5].

В целом обозначение дефекта нормативного правового акта, как конкретного проявления его низкого качества, с практической точки зрения представляется наиболее оправданным и удобным.

Автор одного из последних научных исследований в этой области М.А. Соколова предложила следующее определение дефекта — несовершенство, состоящее в несоответствии нормативного правового акта одному или нескольким требованиям юридической техники, влекущее снижение пригодности нормативного правового акта или его непригодность [2, с. 57]. Несмотря на некоторые недостатки данного определения, попробуем его интерпретировать применительно к законам о выборах.

* * *

Можно сформулировать следующее понятие дефекта — несовершенство законов о выборах или отдельных норм, состоящее в их несоответствии требованиям юридической техники, влекущее существенное снижение пригодности или непригодность данных норм или нормативных актов в целом в качестве регулятора общественных отношений, возникающих в ходе организации и проведения выборов.

Другое дело, что закрепленных на уровне федерального закона, даже основных юридико-технических правил при осуществлении правотворческой деятельности в Российской Федерации не существует. Представляется, что, несмотря на довольно серьезные наработки ряда российских ученых в этой области, «Закон о законах» в нашей стране так и не будет принят — федеральный законодатель просто не хочет связывать себя какими-либо рамками.

По этой причине любые утверждения о некачественности, несовершенстве избирательных законов не имеют под собой какой-либо формальной основы и являются лишь частным мнением ученых или практиков. Однако изложенное совершенно не отрицает необходимости тщательного исследования недостатков действующего избирательного законодательства, причин их возникновения. Только такой формальный подход, лишенный какой-либо политической окраски, позволит ответить на вопрос о необходимости внесения изменений в действующие нормативные акты, регулирующие избирательные правоотношения, либо о разработке новых.

Наиболее подробную классификацию требований юридической техники предлагает Т.В. Кашанина, которая выделяет содержательные правила (правила социальной адекватности), правила логики, языковые правила, структурные правила, формальные (реквизитные) требования и процедурные правила [3, с. 112–114].

Представляется, что для однозначной квалификации тех или иных недостатков законов о выборах в качестве дефектов и принятия необходимых и достаточных мер по их устранению, необходимо прежде всего определить их соответствие содержательным требованиям юридической техники. К ним Т.В. Кашанина относит требования законности, соответствия нормам морали, целесообразности, обоснованности, эффективности, своевременности, стабильности, экономичности, реальности и оптимальности [3, с. 169–177].

Однако за исключением законности и соблюдения норм морали, определение соответствия, например, Закона об основных гарантиях другим содержательным требованиям юридической техники вызывает серьезные затруднения.

Так, Закон об основных гарантиях может отвечать требованию *целесообразности*, если он в наибольшей степени отражает соответствующие интересы (общества, государства, граждан) в реальных условиях. Основная проблема заключается в том, что при общей направленности на удовлетворение государственных и общественных потребностей, данный закон регулирует отношения, в которых интересы общества, государства и отдельных граждан постоянно сталкиваются и противопоставляются друг другу. Одним из примеров такого противопоставления является ситуация с применением досрочного голосования на выборах.

* * *

Институт досрочного голосования за четверть века прошел путь от полной свободы в его реализации до существенного ограничения применительно ко всем видам выборов (за исключением случаев, при которых досрочное голосование являлось единственным возможным способом обеспечения избирательных прав граждан), а затем снова был восстановлен в полном объеме.

Статья 65 Закона об основных гарантиях, посвященная досрочному голосованию, меняла свою редакцию несколько раз. В первоначальной редакции традиционное досрочное голосование было сохранено только на муниципальных выборах и местных референдумах. Затем, Федеральным законом от 21 июля 2005 года № 93-ФЗ «О внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации о выборах и референдумах и иные законодательные акты Российской Федерации»², с учетом практики применения досрочного голосования, возможности для досрочного голосования были ограничены. Избирательные комиссии получили право проверить указанную в заявлении избирателя, участника референдума причину досрочного голосования, и в случае ее не подтверждения отказать в выдаче бюллетеня для досрочного голосования. Однако предоставление комиссиям такого

² Собрание законодательства РФ. 2005. № 30 (ч. 1). Ст. 3104.

права принципиально не повлияло на ситуацию — практика проведения досрочного голосования на муниципальных выборах показала неуклонный рост числа избирателей, проголосовавших досрочно, что, по мнению многих участников избирательного процесса, серьезно искажало результаты волеизъявления избирателей.

В целях защиты государственных и общественных интересов Федеральным законом от 31 мая 2010 года № 112-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» в связи с изменением порядка досрочного голосования на выборах в органы местного самоуправления» статья 65 была изложена в новой редакции, согласно которой на выборах досрочное голосование может проводиться только на избирательных участках, образованных в труднодоступных или отдаленных местностях, на судах, находящихся в день голосования в плавании, на полярных станциях³.

Однако Конституционный суд Российской Федерации посчитал такие ограничения чрезмерными. В своем постановлении от 15 апреля 2014 года № 11-П он признал пункт 1 статьи 65 Закона об основных гарантиях не соответствующим Конституции Российской Федерации в той мере, в какой содержащиеся в нем положения исключают для гражданина Российской Федерации, который в день голосования будет отсутствовать по месту своего жительства и не сможет прибыть в помещение для голосования на избирательном участке, на котором он включен в список избирателей, по уважительной причине возможность проголосовать досрочно на выборах в органы государственной власти, органы местного самоуправления⁴.

По мнению Суда, федеральный законодатель обязан исходить из того, что вводимые им процедуры призваны, не нарушая сам принцип свободных выборов, обеспечить избирателям, насколько это возможно, беспрепятственное участие в голосовании. Действуя в рамках своих конституционных полномочий по регулированию и защите прав и свобод человека, он не вправе создавать необоснованные препятствия для реализации права граждан избирать и быть избранными, допускать искажение конституционных принципов избирательного права, отмену или умаление самих принадлежащих гражданам Российской Федерации избирательных прав с тем, чтобы они не утрачивали свое реальное содержание.

Внесение в правовое регулирование изменений, направленных на исключение или ограничение ранее установленных дополнительных гарантий реализации гражданами своих избирательных прав, возможно, только если новое законодательное решение преследует конституционно значимые цели, обеспечивает соразмерность вводимых ограничений этим

³ Собрание законодательства РФ. 2010. № 23. Ст. 2794.

⁴ Собрание законодательства РФ. 2014. № 16. Ст. 1922.

целям, а также учитывает состояние системы общественных отношений, которыми определяется содержание как прежнего (предоставлявшего соответствующую возможность), так и вновь вводимого (исключающего ее) регулирования.

Во всяком случае, одни лишь формальные критерии, такие, как рационализация деятельности органов публичной власти, в том числе избирательных комиссий, не могут служить основанием для законодательного ограничения использования института досрочного голосования. Что касается аргументов относительно того, что досрочное голосование открывает возможности для различного рода нарушений, то федеральный законодатель не отказался от этого института и, следовательно, не считает возможные нарушения предопределенными самой его природой — при условии надлежащей организации, обеспечивающей надежность, эффективность и прозрачность соответствующих процедур.

На основании указанного постановления, Федеральным законом от 5 мая 2014 года № 95-ФЗ досрочное голосование было возвращено на муниципальные выборы и предусмотрена возможность его введения на региональных выборах⁵.

Новая редакция пункта 2 статьи 65 Закона об основных гарантиях, сформулированная в соответствии с резолютивной частью указанного постановления Конституционного Суда Российской Федерации, и закрепляющая приоритет интересов избирателей, имеющих право проголосовать досрочно по любой уважительной причине, предоставила им возможность неограниченного злоупотребления своим правом.

Практика проведения муниципальных выборов показала, что в подавляющем большинстве случаев в качестве причины досрочного голосования избиратели указывают выезд за пределы территории избирательного участка в день голосования. Фактически в качестве неуважительной причины избирательная комиссия может признать только нежелание избирателя проголосовать в день голосования.

Такой ситуацией незамедлительно воспользовались недобросовестные кандидаты. Невысокая активность избирателей в сочетании с жесткой конкуренцией на муниципальных выборах стали причиной массового привлечения кандидатами граждан к участию в досрочном голосовании. В досрочных выборах мэра Иркутского района Иркутской области, состоявшихся 6 декабря 2015 года, приняли участие более 40 процентов избирателей (26 443). Несмотря на серьезные организационные меры, предпринятые избирательными комиссиями и сотрудниками органов внутренних дел для предотвращения злоупотреблений, правом на досрочное голосование воспользовались более 22 процентов принявших участие в голосовании

⁵ Федеральный закон от 5 мая 2014 г. № 95-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 19. Ст. 2300.

избирателей (5991). По итогам голосования избранный кандидат опередил своего ближайшего конкурента на 5893 голоса.

Можно ли на основании изложенного заключить, что нормы статьи 65 Закона об основных гарантиях являются дефектными из-за несоответствия требованию целесообразности? Однозначно ответить на данный вопрос затруднительно, поскольку позиция Конституционного суда Российской Федерации, выраженная в вышеуказанном постановлении, основана на необходимости защиты прав и интересов избирателя и юридически безупречна.

* * *

Довольно сложно оценить качество избирательного законодательства и с точки зрения требований *обоснованности* и *реальности*. Первое предполагает принятие нормативного правового акта с учетом объективных и субъективных факторов в соответствии с закономерностями и тенденциями развития общества. Второе же означает выполнимость нормативного акта, осуществимость его предписаний.

Можно сказать, что в целом не только Закон об основных гарантиях, но и другие нормативные правовые акты, образующие избирательное законодательство, соответствуют требованиям обоснованности и реальности. Однако попробуем применить данные требования к отдельным спорным положениям данного закона. Так, Федеральным законом от 5 мая 2012 года № 40-ФЗ⁶ были возвращены прямые выборы высших должностных лиц субъектов Российской Федерации. Статья 37 Закона об основных гарантиях была дополнена пунктами 17–20, предусматривающими обязанность кандидатов на выборах высшего должностного лица представить в поддержку своего выдвижения подписи депутатов представительных органов муниципальных образований и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных образований соответствующего субъекта Российской Федерации. Предполагалось, что кандидаты на столь высокую выборную должность должны пользоваться реальной поддержкой в соответствующем регионе.

Однако практика применения указанных положений, реализованных в соответствующих законах субъектов Российской Федерации, показала затруднительность их выполнения для большинства кандидатов. Дело в том, что этим же федеральным законом были внесены изменения в пункт 3 статьи 9 Федерального закона «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Согласно этому пункту в числе лиц, поддержавших кандидата на выборах высшего должностного лица,

⁶ Федеральный закон от 5 мая 2012 года № 40-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» и Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 19. Ст. 2274.

должны быть от 5 до 10 процентов депутатов представительных органов муниципальных районов и городских округов и (или) избранных на муниципальных выборах глав муниципальных районов и городских округов. При этом кандидат должен быть поддержан указанными лицами не менее чем в трех четвертях муниципальных районов и городских округов.

В большинстве субъектов Российской Федерации депутаты и главы муниципальных районов и городских округов являются представителями одной политической партии. У других же партий просто нет необходимого количества депутатов и глав муниципальных образований. Кроме того, поскольку единый день голосования проводится в сентябре, то период сбора подписей приходится на вторую половину июня — июль, что делает крайне затруднительным сбор подписей у 5–10 процентов (как правило, это несколько сотен) депутатов и глав городских и сельских поселений.

Не меньшие затруднения испытывают и самовыдвиженцы на выборах всех уровней, желающие зарегистрироваться в качестве кандидатов на основании собранных в их поддержку подписей обычных избирателей. Казалось бы, что сложного в том, чтобы в течение почти сорока дней собрать, например, около ста подписей на выборах депутатов городской думы в среднем российском городе? Кандидат может это сделать даже самостоятельно. Главное, убедиться, что гражданин, ставший подписью в поддержку кандидата, зарегистрирован по месту жительства на территории определенного избирательного округа и точно отразить данные его паспорта в подписном листе.

Однако, Федеральным законом от 23 июля 2011 года № 259-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»⁷ статья 38 Закона об основных гарантиях была дополнена новыми подпунктами 6.1–6.6, регламентирующими основания и порядок признания подписей избирателей недостоверными и (или) недействительными. Указанные изменения обосновывались, в том числе наличием многочисленных злоупотреблений и необходимостью устранения пробелов в правовом регулировании института сбора подписей избирателей.

Пункт 6.4 статьи 38 предусматривает более трех десятков оснований для признания подписей недействительными, большинство из которых связано с нарушением правил их оформления. Особого внимания заслуживает пункт 6.6 статьи 38, согласно которому специально оговоренные при составлении подписного листа исправления и поправки не могут служить основанием для признания подписи избирателя, участника референдума недействительной. На первый взгляд, данное правило выглядит вполне обоснованным и реальным. Однако на практике действие данной нормы зачастую приводит к тому, что любая специально не оговоренная в заполняемом *рукописным способом* подписном листе поправка может послужить

⁷ Собрание законодательства РФ. 2011. № 30 (ч. 1). Ст. 4607.

основанием для признания соответствующей подписи, а то и всех подписей избирателей в подписном листе недействительными.

Естественным результатом установления таких правил стало резкое сокращение количества «самовыдвиженцев» на выборах всех уровней, даже на выборах в сельских поселениях, где по закону необходимо собрать всего 10 подписей.

Тем не менее, однозначно считать приведенные нормы избирательного законодательства дефектными с точки зрения их обоснованности и реальности не представляется возможным, поскольку немалое количество кандидатов все же справляется с предъявляемыми законом требованиями.

* * *

Бесспорно дефектными выглядят избирательные законы в целом с точки зрения их стабильности. Однако и здесь есть свои особенности. В теории права стабильность содержания нормативного правового акта связывается с необходимостью регулирования общественных отношений с учетом возможных направлений их развития.

На стабильность правового регулирования избирательных правоотношений одновременно оказывают влияние несколько факторов. Прежде всего, избирательные законы являются частью системы нормативных правовых актов конституционного права. Избирательные правоотношения многоаспектны, поэтому многие изменения избирательного законодательства обусловлены внесением изменений в другие нормативные акты⁸. Так, последние поправки в Закон об основных гарантиях, предусмотренные Федеральным законом от 3 июля 2018 года № 184-ФЗ, связаны, в том числе, с формированием Единого государственного реестра актов гражданского состояния⁹.

Следующим фактором, непосредственно влияющим на стабильность избирательного законодательства, является повышенная конкурентность в регулируемых отношениях. Публичный характер отношений, возникающих в ходе организации и проведения выборов, обуславливает особенности правового метода их регулирования. Большинство норм избирательного законодательства являются императивными — устанавливают конкретные, алгоритмичные правила поведения, следование которым обязательно. Однако участники избирательных кампаний традиционно прилагают немало усилий для того, чтобы не соблюдать «неудобные» для них правила и не нести при этом ответственности. Действия же избирательных комиссий и конкурентов по избирательной гонке, наоборот, тщательно анализируются на предмет их соответствия требованиям законодательства и при малейших

⁸ См., например: Федеральный закон от 11 июля 2001 года № 95-ФЗ «О политических партиях» // Собрание законодательства РФ. 2001. № 29. Ст. 2950; Федеральный закон от 6 октября 2003 года № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2003. № 40. Ст. 3822.

⁹ Собрание законодательства РФ. 2018. № 28. Ст. 4148.

мнимых или реальных нарушениях оспариваются. Внешняя сторона такой деятельности отражается в обширной и противоречивой судебной практике рассмотрения дел об оспаривании решений избирательных комиссий о регистрации, об отказе в регистрации в качестве кандидатов, об отмене регистрации кандидатов, об оспаривании итогов голосования.

Например, мог ли законодатель предположить, устанавливая обязанность кандидата представить для своей регистрации в избирательную комиссию сведения о своем имуществе и ответственность в виде отказа в регистрации при недостоверности таких сведений, что на практике это приведет к повальным отказам в регистрации при выявлении малейших неточностей в таких сведениях? По результатам правоприменения он был вынужден исключить предоставление недостоверных сведений об имуществе из перечня оснований для отказа в регистрации в качестве кандидата.

Типичным примером уклонения от соблюдения требований законодательства является следующая ситуация. Федеральным законом от 15 февраля 2016 года № 29-ФЗ в статью 30 Закона об основных гарантиях были внесены изменения, устанавливающие обязанность кандидатов, избирательных объединений, назначивших наблюдателей в участковые комиссии, не позднее, чем за три дня до дня голосования (досрочного голосования) представить список назначенных наблюдателей в соответствующую территориальную комиссию, а при проведении выборов в органы местного самоуправления — в комиссию, организующую эти выборы. Важным последствием несоблюдения данного требования является отказ в допуске назначенных указанными лицами в качестве наблюдателей граждан на избирательный участок¹⁰.

С помощью данных норм предполагалось понудить избирательные объединения и кандидатов к более организованному назначению наблюдателей на избирательные участки. Однако далеко не все оказались в состоянии выполнить требования закона. Каким образом кандидаты и избирательные объединения «обошли» эти неудобные для них правила? Они стали назначать в составы участковых избирательных комиссий членов комиссий с правом совещательного голоса, объем полномочий которых еще больше, чем у наблюдателей и, что самое главное, которых можно назначить в любое время, в том числе в день голосования.

Постоянно сталкиваясь с подобным «правоприменением», законодатель вынужден вносить изменения в действующее законодательство. Однако закономерным итогом этого процесса является тотальная зарегулированность — содержание закона больше напоминает инструкцию. Ярким примером такой ситуации являются статьи Закона об основных гарантиях,

¹⁰ Федеральный закон от 15 февраля 2016 года № 29-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» и статью 33 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» в части деятельности наблюдателей» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 7. Ст. 917.

регламентирующие порядок голосования и подведения его итогов. Казалось бы, чем детальней урегулированы эти процедуры, тем больше должно быть доверие к итогам голосования.

Практика организации работы участковых избирательных комиссий показывает, что, несмотря на системную деятельность по обучению и повышению квалификации членов комиссий, добиться идеального соблюдения процедуры голосования удается далеко не всегда — отработав непрерывно около 16 часов, многим членам комиссий сложно что-нибудь не забыть или не перепутать. В свою очередь такие формальные нарушения становятся поводом для оспаривания проигравшими выборы кандидатами итогов голосования, обвинения комиссий в ангажированности, коррупции, фальсификациях и так далее.

Еще одним фактором, непосредственно влияющим на стабильность избирательных законов, является использование отдельных законодательных норм или институтов в качестве инструмента для достижения максимального политического результата на выборах. В этом случае основным поводом для внесения поправок в избирательные законы является изменение политической конъюнктуры. Классическим примером изменчивости избирательного законодательства под влиянием данного фактора являются законы о выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации (далее — Государственной Думы).

Так, Федеральный закон от 20 декабря 2002 года № 175-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»¹¹ был принят на основе Закона об основных гарантиях и предусматривал проведение выборов по смешанной избирательной системе — 225 депутатов по одномандатным избирательным округам, 225 по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за федеральные списки кандидатов в депутаты, выдвинутые политическими партиями, избирательными блоками. По результатам выборов, состоявшихся в декабре 2003 года, фракция политической партии «ЕДИНАЯ РОССИЯ» состояла из 304 депутатов.

Федеральный закон от 18 мая 2005 года № 51-ФЗ¹² с аналогичным названием был принят в целях дальнейшего укрепления партийной системы и предусматривал проведение выборов только по пропорциональной избирательной системе — все депутаты избирались по федеральному избирательному округу пропорционально числу голосов, поданных за федеральные списки кандидатов, выдвинутые политическими партиями. При этом создание избирательных блоков не допускалось. По результатам голосования, состоявшегося в декабре 2007 года, вышеуказанная партия получила 315 мандатов из 450.

¹¹ Собрание законодательства РФ, 2002. № 51. Ст. 4982.

¹² Собрание законодательства РФ, 2005. № 21. Ст. 1919.

Однако на следующих выборах в декабре 2011 года за список кандидатов «ЕДИНОЙ РОССИИ» проголосовало около 52,8 процента избирателей (238 мандатов).

Действующий Федеральный закон от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ¹³, снова предусматривающий применение смешанной избирательной системы, оказался более эффективным для кандидатов данной партии. По результатам состоявшихся в декабре 2016 года выборов депутатов Государственной Думы седьмого созыва фракция «ЕДИНОЙ РОССИИ» состоит из 343 депутатов.

Таким образом, результаты выборов депутатов Государственной Думы непосредственно связаны с разновидностью применяемой избирательной системы. Это — основная причина изменений соответствующего закона о выборах депутатов Государственной Думы. Принятие его каждый раз в новой редакции было обусловлено тем, что вид избирательной системы оказывает влияние на структуру и содержание закона. Поэтому с точки зрения юридической техники было эффективней подготовить новый текст закона, чем многочисленные изменения и дополнения в его действующую редакцию.

* * *

Все вышеизложенное позволяет заключить, что указанные объективные и субъективные факторы существенно снижают возможности по обеспечению стабильности избирательного законодательства.

Затруднительно выявление дефектности избирательных законов и на основе таких содержательных требований юридической техники, как *своевременность, экономичность, оптимальность и эффективность*. Если исходить из реальных целей принятия этих законов и внесения в них изменений и дополнений, то они полностью соответствуют указанным требованиям.

Даже довольно беглый анализ выработанных теорией права содержательных требований юридической техники применительно к Закону об основных гарантиях и другим избирательным законам не позволяет однозначно оценить их качество и выявить дефекты, устранение которых требует принятия новых нормативных актов. Это, в свою очередь, делает спорным и тезис о необходимости кардинального реформирования избирательного законодательства.

Представляется, что сторонники теории обеспечения качества, выявления и устранения дефектов нормативных правовых актов исключительно с помощью требований юридической техники несколько абсолютизируют ее возможности. Юридическая техника в нормотворчестве должна иметь прикладное, инструментальное значение — обеспечивать отражение существенных характеристик права, но не определять их.

Формальные дефекты законов о выборах, связанные с нарушением логических, языковых, структурных, реквизитных и процедурных правил

¹³ Собрание законодательства РФ. 2014. № 8. Ст. 740.

юридической техники, исправить не сложно. Основные недостатки избирательного законодательства находятся на его базовом, сущностном уровне.

Одной из основных задач современного права как социального регулятора общественных отношений, в рамках которых пересекаются интересы государства, различных социальных групп и отдельных граждан, является нормативное закрепление подходов к обеспечению баланса этих интересов.

Таким образом, в качестве базового (сущностного) дефекта избирательного законодательства можно выделить отсутствие или декларативность нормативно закрепленных принципов и реализующих их действие норм, обеспечивающих соблюдение баланса интересов государства и представителей различных социальных групп, как потенциальных участников избирательного процесса. Именно этот дефект позволяет использовать избирательные законы, как инструмент для максимального обеспечения частных интересов в виде доступа к власти, в основном, представителей отдельных социальных групп при формальном соблюдении демократических избирательных процедур. Другие недостатки Закона об основных гарантиях, а также иных законов, регулирующих организацию и проведение выборов, по большей части являются естественным следствием их сущностного дефекта.

Без формирования основных подходов к обеспечению баланса публичных и частных интересов в избирательных правоотношениях, формализации этих подходов с учетом повышенной конфликтности регулируемых отношений, любые изменения избирательного законодательства не обеспечат эффективного решения имеющихся проблем.

Список литературы

1. Девецкий Э.И. Базовые дефекты как основа выявления концептуальных недостатков нормативных правовых актов // Пролог: журнал о праве / Prologue: LawJournal. 2018. № 4. С. 2–10.
2. Соколова М.А. Выявление и устранение дефектов в механизме правотворчества / дис. ... канд. юрид. наук / М.А. Соколова. М., 2018.
3. Кашанина Т.В. Юридическая техника: учебник. М., Норма: ИНФРА-М., 2011.

АДМИНИСТРАТИВНО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ НАРУШЕНИЙ ИЗБИРАТЕЛЬНЫХ ПРАВ ГРАЖДАН: ПРОБЛЕМЫ И РЕШЕНИЯ

***Аннотация.** В статье приведен анализ российского законодательства об административных правонарушениях в контексте регулирования ответственности за нарушения избирательных прав граждан и порядка организации и проведения выборов. Рассматриваются особенности субъектов совершения правонарушений против избирательных прав граждан. Раскрываются особенности существующих санкций за административные правонарушения, посягающие на избирательные права граждан. Предлагаются возможные способы повышения законности применительно к избирательному процессу в России.*

***Ключевые слова:** выборы, избирательное право, волеизъявление, административное право, административное правонарушение, административная ответственность*

ADMINISTRATIVE LEGAL ANALYSIS OF OFFENSES ATTACHING ELECTION RIGHTS OF CITIZENS: PROBLEMS AND SOLUTIONS

***Abstract.** This article observes Russian legislation on administrative offenses against the person and the state during the election period. It also deals with the problem of determination the subjects of election offenses and effective penalties on irregularities in the election process. On a practical level, the probable solutions to decrease the election offenses in Russian Federation are suggested.*

***Keywords:** elections, election process, administrative law, election offenses, administrative responsibility*

Процесс формирования выборных должностей является одним из наиболее сложных в управленческой деятельности демократических государств и всех входящих в его состав административно-территориальных образований. Наряду с этой первичной и наиболее очевидной целью, регулярные демократические выборы должны создавать платформу, где социальные и политические конфликты преобразовываются в мирное и конструктивное решение, удовлетворяющее интересы граждан.

От уполномоченных органов и должностных лиц требуется разработать нормативную базу, которая не только позволила бы сформулировать

универсальные принципы проведения любых выборов и надлежащим образом организовать конкретное голосование, но и обеспечить работу механизмов по охране прав и законных интересов всех участников избирательного процесса, в том числе посредством установления мер ответственности за соответствующие нарушения.

Заслуженный юрист Российской Федерации Е.И. Колюшин отмечает, что скоротечность избирательных кампаний порождает проблему своевременной и эффективной защиты избирательных прав граждан. По его наблюдению, устранение препятствий реализации избирательного права нередко происходит после выборов, поэтому далеко не всегда возможно восстановление нарушенного избирательного права. Кроме того, поскольку любая избирательная кампания представляет собой ряд последовательно меняющихся друг друга действий, устранение препятствий реализации избирательных прав на предыдущей стадии выборов порождает проблему восстановления этих прав на последующих стадиях, но решить ее в полном объеме и теоретически, и практически можно далеко не всегда [1].

Данные препятствия возникают как по причинам, напрямую не связанным с совершением умышленных противоправных деяний, преследуемых в административном и уголовном порядке, так и в силу соответствующих правонарушений. Вне зависимости от умысла подобные деяния, а также их экспоненциальность, обусловленная особенностями избирательного процесса и его стадий, представляют собой опасное для государства и общества явление. В частности, несмотря на то, что коррупция может существовать в государстве и без правонарушений в сфере избирательного права, выборный процесс, осуществляемый с нарушениями закона, может выступить в качестве отправной точки для формирования коррупциогенной среды.

Российская Федерация охарактеризована в соответствии с Конституцией как правовое государство. Однако, предстоит пройти немалый путь, прежде чем правовой характер нашей страны станет объективной реальностью. Стремясь сделать пока что декларативную норму реальностью, государство активно разрабатывает и внедряет меры по борьбе с коррупцией и иными нарушениями действующих правовых норм. В частности, противозаконные посягательства на права граждан в России предполагают административную и другие виды юридической ответственности за действия (бездействие) физических, юридических и должностных лиц в различных сферах общественных отношений.

Федеральный Кодекс об административных правонарушениях (КоАП РФ) относит к этой категории преимущественно деяния, непосредственно связанные с конституционным правом граждан избирать, быть избранным, а также правом на участие в референдуме [2]. В то же время анализ законов субъектов об административных правонарушениях позволил установить, что региональные акты содержат иной подход к классифи-

кации противоправного поведения, не предусматривая составов правонарушений в избирательной сфере. В связи с этим представляется целесообразным рассмотреть соответствующей категории незаконных действий именно через призму применения федерального законодательства.

Как бы то ни было, на федеральном, региональном и местном уровнях противоправные посягательства, наблюдаемые в ходе избирательного процесса, в целом представляют собой неискоренимое явление, поскольку борьба за политическую власть, как и любое другое масштабное противостояние интересов, неизбежно сопровождается выходом отдельных ее участников за пределы, очерченные нормами морали, этики и даже права.

Однако прослеживается корреляция между тем, к какой категории относится субъект совершения административного правонарушения в избирательной сфере, и возможностью ликвидировать противоправное поведение мерами государственного воздействия.

Так, нарушения КоАП РФ, происходящие со стороны граждан (кандидатов, лиц, уполномоченных выступать от имени кандидата или привлеченных к проведению предвыборной агитации) и избирательных объединений, представляют собой наиболее трудноустраняемое явление. К ним относится нарушение прав лиц, обеспечивающих осуществление избирательного процесса и способствующих его прозрачности, на осуществление наблюдения и на своевременное получение информации и предусмотренных законом документов (ст. 5.6), а также нарушение законного порядка и условий проведения предвыборной агитации (ст. 5.8–5.12). Лицами, против которых совершаются данные правонарушения, являются члены избирательной комиссии, наблюдатели, представители средств массовой информации и другие.

Несмотря на существующие сложности в борьбе с вышеприведенными действиями частно-правовых субъектов, уровень законности можно повысить путем ужесточения мер ответственности для таких лиц. В первую очередь необходимо увеличить размер штрафов. Также представляется возможным подвергнуть правонарушителя ответственности, связанной с препятствиями к осуществлению определенных видов деятельности и (или) к реализации ими активного избирательного права в течение продолжительного периода времени. Но прежде чем внедрять подобный вид наказания, законодателю необходимо выработать сбалансированное решение, при котором будет соблюден принцип справедливости и соразмерности наказания причиняемому вреду.

С возрастанием степени публичности в функциях субъекта правоотношений, расширяется и объем возможных методов государственного стимулирования правомерного поведения. К таким субъектам в рамках избирательного процесса следует отнести:

- 1) Работодателя, который подлежит ответственности в случае отказа предоставить предусмотренный законом отпуск зарегистрированному

кандидату, доверенному лицу зарегистрированного кандидата, избирательного объединения для проведения деятельности, способствующей избранию зарегистрированного кандидата, списка кандидатов, а также отказа освободить от работы в установленном законом порядке члена избирательной комиссии (ст. 5.7);

2) Главного редактора и приравненных к нему редакцию СМИ, организацию, осуществляющую теле- и (или) радиовещание, либо выпуск или распространение печатного СМИ, которые в рамках административного производства преследуются за нарушение порядка опубликования (обнародования) материалов, связанных с подготовкой и проведением выборов (ст. 5.5), а также за непредоставление возможности опубликовать опровержение или иное разъяснение в защиту чести, достоинства или деловой репутации зарегистрированного кандидата или избирательного объединения до окончания срока предвыборной агитации (ст. 5.13).

Понизить интерес к совершению данными лицами правонарушений, затрагивающих избирательные права граждан, также возможно при установлении более высоких штрафов, а также через законодательно регламентируемое ограничение деятельности — дополнив соответствующие статьи КоАП РФ санкцией в виде административного приостановления деятельности юридического лица, руководитель или сотрудник которого совершил соответствующее правонарушение (таким образом предлагается наказывать деяния, совершенные с прямым умыслом).

Исходя из вышеизложенных наблюдений, наибольшим потенциалом к полному искоренению обладает — при разработке должных методов со стороны государства — противоправная деятельность со стороны тех субъектов, которые наделены специальным статусом в силу своих полномочий по организации и проведению выборов. В соответствии с действующим законодательством, административная ответственность за подобные правонарушения предусмотрена для должностного лица, председателя избирательной комиссии, заместителя председателя избирательной комиссии, секретаря избирательной комиссии, члена избирательной комиссии и члена избирательной комиссии с правом решающего голоса.

Однако на данный момент в качестве наказания за нарушение порядка представления сведений об избирателях (ст. 5.4), нарушение установленного законом порядка подсчета голосов (ст. 5.24), непредоставление сведений об итогах голосования или о результатах выборов (ст. 5.25) и других действий, нарушающих нормы избирательного права, законодателем избрана единственная мера — административный штраф, размеры которого в большинстве случаев варьируются от пятисот до пяти тысяч рублей, что не может являться достаточным стимулом к воздержанию от административных проступков. Наибольший размер денежного взыскания предусмотрен за незаконную выдачу, получение или сокрытие остатков тиражей избирательных бюллетеней (ст. 5.22–5.23) — пятьдесят тысяч рублей.

Данная сумма представляется более действенным предостережением потенциальному правонарушителю.

Тем не менее, обнаруживается системная проблема, выражающаяся в установлении неэффективной меры ответственности для наиболее значимых участников правоотношений, которые должны демонстрировать непримиримую позицию государства по поводу нарушений закона, а не выступать источником правонарушений. В связи с этим можно предложить повысить существующие размеры штрафов в несколько десятков раз. Также следует дополнить их альтернативным наказанием в виде дисквалификации, по аналогии с существующей ответственностью за нарушение государственных нормативных требований охраны труда (ст. 5.27.1) и некоторых других правонарушений, которые закреплены в главе 5 КоАП РФ, но не связаны с электоральными правами. Как и в случае с работодателями и главными редакторами СМИ, применять дисквалификацию, расширив перечень лиц, предусмотренный статьей 3.11, следует в случае совершения правонарушений с прямым умыслом.

* * *

Примечательно, что еще один публично значимый субъект избирательного процесса — наблюдатель (как национальный, так и международный) защищен от противоправных посягательств со стороны других участников голосования, однако, от самого наблюдателя законодатель не ждет делинквентного поведения. Такой вывод возникает из содержания норм главы 5 КоАП РФ, в которой наблюдатель упомянут лишь в качестве объекта таких правонарушений, как непредоставление либо несвоевременное предоставление сведений об итогах голосования (ст. 5.25) и нарушение прав на осуществление наблюдения и на своевременное получение информации и копий избирательных документов (ст. 5.6).

Но Кодекс не отводит для наблюдателя роли отдельного субъекта совершения административных проступков, связанных с нарушением установленного порядка проведения предвыборной агитации, в то время как реалии прошедших избирательных кампаний изобилуют подобными нарушениями (например, ношение наблюдателем одежды или значков, содержащих изображение с призывом голосовать за кандидата и (или) символикой избирательного объединения). Более того, в перечне лиц, которым запрещено проводить предвыборную агитацию в соответствии с 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (далее — Закон об основных гарантиях), также отсутствует наблюдатель [3].

Невозможно не согласиться с Г.В. Синцовым, по мнению которого, присутствие национальных и международных наблюдателей на избирательных участках в день выборов повышает уверенность граждан в свободном и справедливом характере выборов, способствует более активному

их участию в избирательном процессе, формируя атмосферу гласности и открытости во время проведения избирательной кампании [4]. Тем не менее, обнаруживается некоторая непоследовательность в том, чтобы рассматривать только положительные аспекты деятельности наблюдателей в избирательном процессе, пренебрегая возможными и совершаемыми нарушениями правовых норм. В связи с этим необходимо не только дополнить список субъектов противоправной деятельности против избирательных прав граждан, приведенный в КоАП РФ, но и расширить перечень лиц, которым в соответствии с Законом об основных гарантиях запрещено проводить предвыборную агитацию.

* * *

Еще одной проблемой, которая обнаруживается при анализе специфики административной ответственности в сфере избирательного права, является разграничение основных и дополнительных наказаний, при котором невозможно назначить штраф одновременно с дисквалификацией или административным приостановлением деятельности (ст. 3.3). В случае если административный штраф будет назначаться как основная и дополнительная мера ответственности, можно будет усилить эффективность борьбы с правонарушениями как в электоральной, так и в других сферах правового регулирования. При этом крайне важно не допустить размытия границы между административным и уголовным преследованием.

По справедливому заключению Конституционного Суда Российской Федерации, законодателю необходимо прилагать усилия для поддержания доверия граждан к закону и действиям государства, в том числе сохраняя правовую определенность и разумную стабильность правового регулирования, при которых недопустимо произвольно вносить изменения в действующую систему норм и предсказуемость законодательной политики. Несомненно, что участники соответствующих правоотношений должны иметь возможность в разумных пределах предвидеть последствия своего поведения и быть уверенными в неизменности своего официально признанного статуса, приобретенных прав, действительности их государственной защиты [5].

Однако, эти разумные пределы должны заканчиваться там, где перед государством возникает другая задача: отреагировать надлежащим образом на вредные для законности действия и бездействия. А поскольку избирательный процесс позволяет сформировать саму систему государственного управления, в рамках данного аспекта жизни государства и общества эта задача видится одной из наиболее насущных.

Если на одной чаше весов лежит правовая стабильность, а на другой — потребность государства отвечать на вызовы общественно-политических процессов, которые имеют свойство видоизменяться с течением времени, то выбор очевиден: лишь в корне пересмотрев подход к определению кру-

га участников совершения правонарушений против избирательных прав граждан и мерам ответственности за них, законодатель может многократно снизить уровень их совершаемости, в особенности со стороны субъектов, осуществляющих публично-правовые функции. Таким образом может стать возможной ликвидация отдельных проявлений коррупционного поведения со стороны участников избирательного процесса, а также удастся перевести некоторые виды системных проблем, возникающих при организации и проведении голосования, в категорию единичных явлений.

Кроме того, в настоящее время значительную роль в выявлении и наступивших или потенциальных последствий неправомерных действий со стороны специально уполномоченных органов и должностных лиц играет предусмотренная Кодексом административного судопроизводства (КАС РФ) возможность оспорить решения избирательных комиссий. Обзор судебной практики по делам о защите избирательных прав за 2016–2017 год [6] свидетельствует об активном использовании гражданами данного способа восстановления законности. Верховным Судом Российской Федерации за указанный период было обобщено более 600 дел, предметом которых явились вопросы, связанные преимущественно с регистрацией кандидатов и их списков избирательной комиссией, а также с соблюдением установленного порядка сбора подписей избирателей; с предвыборной агитацией, в том числе в связи с нарушением законодательства об интеллектуальной собственности при подготовке и размещении агитационных материалов.

Безусловно, это является самостоятельным и обособленным механизмом, не пересекающимся с производством по делам об административных правонарушениях [7]. Тем не менее, предложенные ранее изменения в КоАП РФ в сочетании с уже действующим механизмом, реализуемом в соответствии с КАС РФ могут, не прибегая к чрезмерной криминализации корпуса соответствующих правонарушений, существенно повысить качество избирательного процесса в Российской Федерации.

Список литературы

1. Колюшин Е.И. Выборы и избирательное право в зеркале судебных решений. М.: Норма. 2010. 384 с.
2. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 года № 195-ФЗ // Российская газета от 31 декабря 2001. № 256.
3. Федеральный закон от 12 июня 2002 года № 67-ФЗ «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) // Российская газета от 15 июня 2002. № 106.
4. Синцов Г.В. Особенности деятельности Корпуса наблюдателей «За чистые выборы» в регионах России / Г.В. Синцов // Юридический мир. 2013. № 8. С. 62–65.

5. Определение Конституционного Суда Российской Федерации от 03.07.2014 № 1565-О по запросу группы депутатов Государственной Думы о проверке конституционности Закона города Москвы «О внесении изменений в Закон города Москвы от 6 июля 2005 года № 38 «Избирательный кодекс города Москвы» и Закон города Москвы от 23 апреля 2003 года № 23 «О Московской городской избирательной комиссии» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2014. № 30. Ст. 4396 (часть II).
6. Обзор судебной практики по вопросам, возникающим при рассмотрении дел о защите избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации (утвержден Президиумом Верховного Суда РФ 20 декабря 2017 года) [Электронный ресурс] // СПС Консультант-плюс. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_285846.
7. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ // Российская газета. 11 марта 2015. № 49.

ИСЛАМСКИЕ ПРАВОВЫЕ СИСТЕМЫ В ЭЛЕКТОРАЛЬНОМ КОНТЕКСТЕ

Аннотация. *Взаимодействие и взаимовлияние правовых систем, заимствование отдельных правовых норм и даже институтов являются неизбежным феноменом в современном глобализирующемся мире, что актуализирует вопрос сохранности традиционных ценностей и уникальных правовых принципов, лежащих в основе законодательства конкретных государств. Цель: высказать и обосновать авторскую позицию о том, что правовые системы государств с преобладающим мусульманским населением могут испытывать различное по силе влияние со стороны канонического права, и это может использоваться в качестве критерия их классификации. Методология: в статье применялся диалектический метод научного познания, а также системный, исторический и сравнительный методы исследования. Результаты: были изучены принципиальные основы законодательства разных стран, что позволило провести классификацию правовых систем в зависимости от степени влияния норм шариата на национальное законодательство. Выводы: мусульманское право, выступая одной из самых распространенных правовых систем современности, весьма неоднородно по своей структуре, оно объединяет в рамки своей семьи несколько десятков государств, законодательство которых характеризуется большим разнообразием. То, что в современную эпоху мы называем мусульманским правом, является не полностью мусульманским и, в некотором смысле, не совсем правом.*

Ключевые слова: *правовая система, мусульманское право, конституция, Коран, шариат, классификация.*

THE ISLAMIC LEGAL SYSTEMS IN THE ELECTORAL CONTEXT

Abstract. *The interaction and mutual influence of legal systems, the borrowing of certain legal norms and even institutions are an inevitable phenomenon in the modern globalizing world, which actualizes the question of the preservation of traditional values and the unique legal principles that underlie the legislation of specific states. Objective: to state and substantiate the author's position that the legal systems of states with a prevailing Muslim population may experience different influence on the part of religious law, and this can be used as a criterion for their classification. Methodology: a dialectical method of scientific cognition was used, as well as systematic, historical and comparative methods of investigation. Results: the fundamental principles of the legislation of different countries were studied, which allowed to classify legal systems depending on the degree of influence*

ХАПЧАЕВ Султан Таласович — кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, председатель предметной комиссии административно-правовых дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарной технологической академии (СКГГА), г. Черкесск

of sharia norms on national legislation. Conclusion: Muslim law, acting as one of the most widespread legal systems of our time, is very heterogeneous in its structure, it unites several dozen states in the framework of its family, the legislation of which is characterized by great diversity. What we call Muslim law in modern times is not completely Muslim and, in some ways, not entirely a law.

Keywords: *legal system, Muslim law, constitution, Koran, Sharia, classification.*

Избирательное право, как в некотором роде универсальное политическое средство, представляет собой одну из основных гарантий перехода к системе демократии, организации и функционирования властных институтов, основанных на свободном политическом волеизъявлении граждан, и периодической ротации властной вертикали. Важность избирательного права заключается еще и в том, что оно определяет содержание политической правосубъектности граждан, условия и границы отношений между обществом и государством. С данной позиции вопросы реформирования избирательного права стоят в ряду нерешенных проблем исламских стран, в которых институты избирательного права не имеют длительных традиций.

Основные институты власти исламских государств в основном заимствованы из европейской модели государственного механизма. Часто эти заимствования мало учитывали специфику Ближневосточных государств и представляли собой простую экстраполяцию конституционно-правовых механизмов и институтов на почву арабских государств. Конституция Египта 1923 года была составлена по образцу Бельгийской конституции 1831 года, конституция Ливана копировала конституцию Франции 1875 года и так далее.

Избирательное право как один из наиболее динамичных институтов государственного права, непосредственно связанный с политической сферой функционирования государства и гражданского общества, обладает в рассматриваемых странах рядом существенных особенностей. В нормативные акты, связанные с электоральными отношениями, включены основные положения, касающиеся общих принципов избирательного права; например, в большинстве арабских государств, в том числе и на конституционном уровне, установлены достаточно демократичные избирательные цензы, закреплены право женщин избирать и быть избранными в органы публичной власти, право на участие партий и общественных объединений в избирательном процессе.

Но надо понимать, что в мусульманских странах кроме внешних демократических проявлений существует и многослойный контекст в виде традиций, обычаев и религиозного момента, то есть, шариата. Это означает, что само по себе формальное закрепление демократических принципов функционирования государственного аппарата не определяет его демок-

ратичность. Необходимо учитывать влияние множества элементов, включая исламское право, которое в перечне факторов воздействия, занимает одну из главенствующих позиций.

* * *

Проблема классификации понятий и феноменов была чуть ли не самой значимой с самого возникновения науки как формы познания. Придавая знаниям систематизированный вид, ученый получает возможность по-новому взглянуть на предмет исследования, выделить пробелы в познании и направления для нового научного поиска. В немалой степени данная проблема обнаруживает свою актуальность и в сфере юриспруденции, изучающей огромное множество правовых норм, объединяющихся в различные правовые системы. Одной из таких систем (правовых семей), характеризующихся древней историей, разнообразием источников, причудливым сочетанием светского и религиозного и, наконец, принципиальными отличиями от западных правовых систем, выступает мусульманское право. В связи с этим классификация исламских правовых систем позволяет, на наш взгляд, более глубоко вникнуть в сущность феномена мусульманского права и определить характер его взаимодействия с национальным законодательством конкретных государств.

Если обратиться к истории, то можно отметить, что в период средневековья социальная и политическая система в мусульманских странах была статичной. Это создавало возможность для мусульманского права успешно адаптироваться к тогдашним условиям жизни общества. С XIX века отмечается усиление контактов между исламским миром и западной цивилизацией, что обусловило правовые изменения в контексте новых веяний, объектом которых стали нормы права мусульманских государств. Иными словами, влияние извне породило для мусульманского права совершенно новые проблемы. Ведь в политическом, экономическом и социальном аспектах западные страны основывались на принципиально иных положениях, несвойственных традициям ислама и мусульманскому праву. Относительная строгость норм шариата и доминирование консервативной теории таклида (подражание или следование авторитетным специалистам), согласно которой правоприменителям и нормотворцам требовалось неукоснительно придерживаться правовой доктрины классического периода мусульманского права, породили ситуацию непримиримого конфликта между исламским правом и потребностями мусульман. Конфликт дошел до такой стадии, что мусульманское общество уже было готово к самоорганизации по западным стандартам и ценностям. На первых порах даже казалось, что не существует альтернативного варианта, кроме отказа от норм шариата и замены последнего на законы, основанные на зарубежных при-

нципах, особенно в тех аспектах правового регулирования, где исламское право обнаруживало наиболее острую потребность адаптации к реалиям современного общества.

Здесь важно понимать, что даже поверхностное исследование исламской правовой традиции первым делом требует оценивания степени и способов, в соответствии с которыми нормы европейского права могли бы стать применимыми на территории мусульманских государств. В контексте отношений исламской и западной цивилизаций такими сферами правовой конвергенции стали отношения публично-правового характера (конституционное и уголовное право), избирательное право, а также гражданское право в аспекте наиболее распространенных сделок коммерческого характера. Именно в данной плоскости система традиционного исламского права обнаруживала наибольшее количество недостатков применительно к вызовам современности. Отмеченные тенденции и определили правовой облик современных мусульманских государств.

Исходя из сказанного и в соответствии со степенью сохранности классического мусульманского права, исламские правовые системы современности можно подразделить на следующие группы:

1. Государства, в которых шариат обладает большей юридической силой, чем законодательство в позитивном смысле, и в том числе конституция. Коран или шариат в целом считается законом для общества, служащим своего рода субституту конституции, поэтому последняя может либо вовсе отсутствовать в привычной для нас форме (Саудовская Аравия) либо существовать, но не выступать актом высшей юридической силы, открыто провозглашая приоритет норм шариата по отношению к остальным законодательным положениям (Оман, Иран).

Справедливости ради отметим, что в современном мире все мусульманские государства имеют некий созданный либо опосредованный действующей властью официальный документ, определяющий конституционные основы жизни общества и государства. При этом в расчет не берутся непризнанные мировым сообществом спорные территории (например, Сомалиленд), а также территории, где идет или недавно закончилась война, и переходному правительству неподвластны большая часть страны (Ливия) либо отдельные ее регионы (Сирия, Ирак), управляемые клановыми лидерами или военно-полевыми командирами на основе, главным образом, норм шариата и местных обычаев. Однако, как уже было отмечено, для некоторых стран наличие основного закона является скорее «веянием современности», чем реальным стремлением создать правовое государство в западном смысле слова. К примеру, октроированный (дарованный или жалованный) монархом в 1992 году Основной низам правления Саудовской Аравии [1] в первой же своей статье провозглашает конституцией Коран

и сунну. В действительности это означает, что исламское право, превалирует над любыми светскими законами и нормами, включая избирательные стандарты, какое бы формальное значение им ни придавалось. Большая часть законодательных установлений государств, образующих данную группу, составлена в соответствии с нормами шариата, нарушение которого сулит подчас весьма серьезной ответственностью. В официальном названии таких стран нередко используется эпитет «исламский», что также находит соответствующее проявление в государственной символике.

2. Вторая группа стран хоть и не относится к ортодоксальным мусульманским государствам в строгом смысле слова, однако по-прежнему считает приверженность исламским принципам одним из основных векторов в политике (Пакистан, Судан). Сфера действия исламского права в них хоть и немного сужена по сравнению с предыдущей группой, однако государства остаются верными исламским канонам. Их правовая система может в определенном масштабе быть затронутой влиянием западной юриспруденции, что скорее является отголоском колониального прошлого, однако национальное законодательство не только не утратило верности положениям Корана, сунны и иных источников исламского права, но также стремится распространить их влияние на все большее количество сфер общественной жизни. Имеет место своего рода возрождение интереса к религиозно-правовому наследию и стремление вернуться к традиционно мусульманским порядкам. К примеру, Пакистан в 1977 году объявил о создании Совета исламской идеологии, целью которого являлись ревизия действующего законодательства и приведение его в соответствие с исламскими принципами. Также Судан в пункте 1 статьи 5 Конституции 2005 года основным источником законодательства, помимо воли народа, признает исламский шариат [2]. Для государств, относящихся к данной группе, характерно существование шариатских судов, рассматривающих большую часть из возникающих в стране категорий дел. Избирательные законы в подобных странах воспринимаются как некие допустимые правила, посредством которых власть решает повседневные задачи.

3. На третьем месте стоят государственные системы, в которых шариат умеренно влияет на национальное законодательство. В качестве примера можно привести такие страны, как Кувейт, Бахрейн, ОАЭ, конституции которых могут признавать шариат основным источником права, а ислам — официальной религией. В отличие от предыдущей группы, процесс исламизации здесь не затрагивает новые сферы общественной жизни, напротив, наблюдается хоть и медленная, но все-таки заметная либерализация и постепенная эрозия консервативных порядков под натиском современной массовой культуры и зависимости отдельных государств от притока иностранного капитала. Тем не менее, сложившееся положение

не стоит переоценивать, полагая, что данные государства встали на путь демократизации общественной и правовой жизни. Налет прогрессивности (с точки зрения европейской правовой культуры) может легко исчезнуть в случае, если либерализация дойдет до критической отметки в общественном сознании, что пробудит фундаменталистские настроения в наиболее консервативных слоях населения.

Здесь мы имеем дело с монархическими режимами, легитимизирующими свою власть посредством апеллирования к исконным традициям и верованиям своего народа, а потому данные страны без сомнения относятся к мусульманским государствам со всеми вытекающими отсюда последствиями. В рассматриваемом нами контексте это в первую очередь относится к деятельности шариатских судов, рассматривающих широкий круг правовых споров, вытекающих как из частных, так и из публичных правоотношений. Особо значимым является тот факт, что нарушение некоторых религиозных норм (к примеру, супружеская неверность, употребление алкоголя, уподобление лицу противоположного пола и др.) является уголовно наказуемым деянием. В связи с данным обстоятельством стоит отметить, что уголовное законодательство как отрасль права, предусматривающая самые суровые санкции, в современном мире испытывает наименьшее влияние со стороны норм мусульманского права соответствующей направленности (так называемого укубата). Это объясняется тем, что выстраивание шкалы преступлений и наказаний в соответствии с шариатскими принципами служит своего рода «лакмусовой бумажкой», демонстрирующей стремление конкретного государства следовать путем исламского фундаментализма. Поэтому в условиях глобализации далеко не каждое государство способно перешагнуть психологический порог и начать применять шариатские наказания, считающиеся подчас весьма жестокими и негуманными.

4. Системы права, использующие шариат для регламентации отдельных сфер социальной жизни, в частности, правового статуса личности и религиозных организаций, составляют самую многочисленную группу стран, которая представлена целым рядом государств арабского Востока и Магриба — Алжир, Марокко, Сирия, Иордания, Египет, Ливан и другие. Типичным для них является конституционное положение, согласно которому политическим лидером может быть лишь приверженец ислама, а шариат хоть и выступает основным источником, но не является главной формой права, что с неизбежностью влечет ограничение сфер действия исламского права в пределах государства. Нормативный правовой акт — предпочтительная форма права в силу своей оперативности реагирования на интенсивно развивающиеся отношения в современном мире. Другими словами, законы данных государств могут составляться посредством за-

имствования зарубежной юридической техники и отдельных положений из романо-германской и англо-саксонской правовых семей.

Провозглашение ислама в качестве государственной религии подчеркивает то обстоятельство, что в стране уважается исповедуемая большей частью населения исламская религия и в целом декларируется приверженность конкретным исламским принципам, являющимся неотъемлемой частью культуры и традиций соответствующего народа. В странах данной группы действуют суды, разрешающие споры на основе процессуальных норм шариата, но лишь для рассмотрения дел, вытекающих из частноправовых отношений. Более того, сам факт признания ислама государственной религией, как бы это парадоксально не звучало, не мешает отдельным странам (таким, например, как Египту и Бангладеш) считать себя светскими.

5. Следующую группу образуют правовые системы, в которых наблюдается практически полный отказ от основных институтов исламского права, однако общекультурное религиозное влияние (проявляющееся по большей части в сфере семейного и наследственного права) все еще сохраняется (Йемен, Тунис). Однако даже в области семейного права официально запрещено многоженство и провозглашается равенство правового статуса мужчин и женщин. Шариатские суды в этой группе стран не функционируют.

6. В конце нашего перечня находятся страны, где влияние исламского права на национальное законодательство практически не ощущается (Турция, Азербайджан). Например, принятая в 1982 году Конституция Турецкой республики в статье 1 провозглашает, что она, по сути, есть демократическое, светское и социально-правовое государство, верное идее национализма, сформулированной К. Ататюрком [3]. Шариат в Турции сохраняет свои позиции лишь в сфере межличностного общения, не опосредованного нормами права. Таким образом, здесь мусульманского права в позитивном смысле мы не наблюдаем: существует лишь пользующийся авторитетом у определенной части населения неписанный божественный закон (шариат), сфера действия которого практически целиком укладывается в пределы гражданского общества.

Тем не менее, такие страны традиционно считаются частью мусульманского мира (к примеру, Турция долгое время была его центром), так как с остальной частью мусульманской уммы их объединяет общее вероисповедание и историческое прошлое.

Предложенная классификация, безусловно, не может и не должна считаться аксиоматичной и не подлежащей корректировке, хотя бы в силу того, что многие мусульманские страны проходят весьма болезненный период смены политических режимов, осложненный затяжными и кро-

вопролитными гражданскими конфликтами, иностранной интервенцией, появлением широкого круга крайне радикальных сил, функционирующих под «знаменем ислама», а фактически дискредитирующих эту религию в глазах мировой общественности. Именно по этой причине нами не были включены ни в одну классификационную группу (хотя границы между ними весьма условны и подвижны) такие мусульманские государства, как Ливия, Ирак и Сирия — страны, где деятельность незаконных вооруженных формирований и отсутствие политической стабильности не дают возможности адекватно оценить правовую реальность.

Представленное разнообразие правовых систем говорит также о том, что термин «мусульманское право» в современную эпоху больше обозначает идеальное право, отвечающее ментальности и культурно-историческим традициям конкретного народа, чем конкретные сформулированные на государственном уровне законодательные предписания. Мусульманское право не следует отождествлять с законодательством государств, исторически относящихся к странам мусульманского мира.

* * *

Наличие формально демократических, а, по сути, обеспечивающих тоталитарные режимы избирательных процедур давно обращает на себя внимание исследователей, как в странах Ближнего Востока, так и за рубежом. Многочисленные государственные кризисы, имевшие место в рассматриваемых странах, во многом связаны с избирательной системой. Недостатки законодательства в совокупности с невысокой политической активностью населения позволяет находящимся у власти олигархическим группировкам поддерживать имеющиеся избирательные системы, выражающие их интересы и способствующие формально-юридическому закреплению их полномочий.

В сложившейся ситуации объективная необходимость развития избирательного права по пути демократизации наталкивается на нежелание правящих кругов проводить какие-либо реформы законодательства, связанного с электоральными отношениями. Таким образом, выборы теряют свою демократическую составляющую и становятся не реальным институтом народовластия, а способом обеспечения нахождения у власти группировок, первоначально занявших ключевые государственные посты в результате военных переворотов.

Современное избирательное право стран Ближнего Востока требует проведения изменений законодательства, направленных на создание более демократических избирательных принципов, которые отвечали бы требованиям не только основных принципов международного права, но и потребностям избирателей. По большому счету, демократическое зако-

нодательство должно найти общие точки соприкосновения с контекстом, являвшемся в мусульманских странах основой правовых принципов, то есть с исламским правом. Необходимо с учетом исторических, социальных, политических и культурно-религиозных традиций пересмотреть основные принципы формирования органов представительной власти для разработки положений, учитывающих как сложившиеся особенности политической организации общества в странах Ближнего Востока, так и реальные потребности в формировании властных структур, действительно отвечающих общественным интересам.

Список литературы

1. Основной Низам Королевства Саудовская Аравия [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://saudianews.ru/?page_id=2589, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 01.09.2018).
2. Судан: Переходная Конституция Республики Судан 2005 года (The Interim National Constitution of the Republic of the Sudan, 2005) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/en/sd/sd003en.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. англ. (дата обращения: 01.09.2018).
3. Конституция Турецкой Республики [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://legalns.com/download/books/cons/turkey.pdf>, свободный. Загл. с экрана. Яз. рус. (дата обращения: 01.09.2018).

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ ИЗБИРАТЕЛЬНЫМ ПРОЦЕССОМ: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ И ДОКТРИНАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ

***Аннотация.** Целью подготовки данных концептуальных основ государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации является краткое освещение результатов проводимого диссертационного исследования. В ходе работы удалось сформулировать основные положения, способные отразить концептуальные аспекты этого явления в рассматриваемой сфере общественных отношений. Необходимо отметить, что основной идеей автора является всестороннее осмысление государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации с позиции теории управления и выявление современных тенденций развития в данной сфере общественных отношений. Применяя различные методы научного познания, удалось представить процесс управления как объективно существующий феномен, который должен реализовываться на научной и теоретической основе. Были выявлены закономерности, на основе которых удалось сформулировать основные положения, отраженные в концептуальных основах. Проведенное исследование позволяет говорить о наличии системы государственного управления, определить сущность, принципы, цель, задачи, функции, формы, методы и пределы государственно-властного управления.*

***Ключевые слова:** государственное управление, электронное государство, электронное правительство, электронная демократия, субъекты государственного управления, государственные органы, государственное управление избирательным процессом, система государственного управления.*

STATE MANAGEMENT OF THE ELECTORAL PROCESS: CONCEPTUAL AND DOCTRINAL FOUNDATIONS

***Abstract.** The purpose of preparing these conceptual bases of state management of the electoral process in the Russian Federation is a brief coverage of the results of the current dissertation. In the course of the work, it was possible to formulate the main provisions capable of reflecting the conceptual aspects of this phenomenon in the sphere of public relations in question. It should be noted that the main idea of the author is a comprehensive understanding of the state management of the electoral process in the Russian*

Federation from the position of the theory of management and the identification of current trends in development in this area. Applying various methods of scientific knowledge, it was possible to present the management process as an objectively existing phenomenon that should be realized on a scientific and theoretical basis. Regularities were found on the basis of which it was possible to formulate the main provisions, which are reflected in these conceptual bases. The conducted research allows to speak about the existence of a system of state administration, to define the essence, principles, purpose, tasks, functions, forms, methods and limits of state-power management in this sphere.

Keywords: *state administration, e-government, e-governance, e-democracy, public administration, state bodies, state administration of the electoral process, public administration system.*

В современном мире существуют различные подходы к государственному управлению. В настоящее время многие исследователи предлагают заменить жесткие иерархические структуры более динамичными сетями небольших организационных структур. Это обеспечивает участие как можно большего числа заинтересованных сторон и, конечно, обычных граждан.

Рассматривая вопросы государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации, можно предположить, что оно будет основано на сегменте электронной демократии. Таким образом, электронная демократия выступает как одна из составляющих электронного государства. Этот важный сегмент позволяет вовлекать граждан в процесс принятия решений и одновременно формировать выборные органы власти в современных условиях.

Сегодня большинство исследователей сходятся во мнении, что процесс внедрения инструментов «электронной демократии» в реалиях современной России фактически неизбежен и необратим. В результате внедрения информационно-телекоммуникационных технологий изменяется характер взаимодействия граждан друг с другом и с субъектами государственного управления. Система электронной демократии в нашей стране должна представлять единую информационно-телекоммуникационную платформу и специальный программно-аппаратный комплекс, который будет состоять из набора взаимосвязанных функциональных блоков, поддерживаемых в части администрирования контентного наполнения совместно органами власти, гражданами и организациями [1].

Таким образом, *государственное управление избирательным процессом в Российской Федерации* можно определить как целенаправленное, правовое, организационное, информационное и управленческое воздействие государства (с применением современных информационно-телекоммуникационных технологий) на общественные отношения, складывающиеся во

время реализации избирательных прав граждан в рамках избирательного процесса [2].

* * *

Сущность государственного управления избирательным процессом выражена в следующих специфических характеристиках:

- наличие системы государственного управления избирательным процессом;

- государственно-властное управленческое воздействие оказывается на сознание и волю участников избирательного процесса и, как следствие, на их поведение;

- субъекты государственного управления избирательным процессом наделены возможностями применения легитимных методов принуждения участников избирательного процесса к правомерному поведению;

- имеются различные уровни (оперативный и институциональный) государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации;

- государственное управление избирательным процессом носит нелинейный характер, кризисы сменяются бифуркациями, посредством которых вырабатываются различные варианты оперативных решений.

Принципы государственного управления избирательным процессом представляют собой научно обоснованные, объективно необходимые положения, в соответствии с которыми выстраивается управленческое воздействие на избирательный процесс и служащие интересам граждан, общества и государства [3].

К общим принципам государственного управления избирательным процессом необходимо отнести блок закономерностей, которые присущи не только управлению в данной сфере общественных отношений, но и являются универсальными и могут быть применены в других сферах отношений [4, с. 239]:

- *принцип научной обоснованности государственного управления избирательным процессом;*

- *государственное управление избирательным процессом должно быть ориентировано на права и свободы человека и гражданина;*

- *управляющее воздействие на избирательный процесс должно соответствовать потребностям и запросам общества;*

- *принцип публичности государственного управления избирательным процессом;*

- *принцип демократизма при осуществлении государственного управления избирательным процессом.*

Целевые принципы государственного управления избирательным процессом призваны, в первую очередь, создать фундаментальную основу не только при определении цели, но и при ее достижении:

- *согласованность цели государственного управления избирательным процессом всеми субъектами управления;*
- *сочетание единства цели государственного управления избирательным процессом и независимости субъектов государственного управления;*
- *при достижении цели государственного управления избирательным процессом необходимо опираться на народ как единственный источник власти;*
- *четкое сочетание и взаимное дополнение цели, задач, функций государственного управления избирательным процессом;*
- *иерархия целей государственного управления избирательным процессом и последовательность в их достижении.*

Функциональные принципы государственного управления избирательным процессом призваны обеспечивать эффективность оказания управленческого воздействия на объект управления (избирательный процесс). Они отражают определенный баланс и сочетание между целями, задачами, функциями и принципами государственного управления в данной сфере общественных отношений:

- *концентрация функций управления у одного из субъектов государственного управления избирательным процессом (ЦИК России);*
- *согласованное ритмичное функционирование субъектов государственного управления избирательным процессом;*
- *последовательность при реализации функций государственного управления избирательным процессом;*
- *разграничение функциональных компетенций между субъектами государственного управления избирательным процессом;*
- *совместимость функций у субъекта государственного управления избирательным процессом;*
- *соответствие функций управления целям и задачам государственного управления избирательным процессом.*

Системные принципы государственного управления избирательным процессом отражают закономерности при многообразии прямых и обратных связей между субъектами и объектом государственного управления:

- *принцип федерализма при осуществлении государственного управления избирательным процессом;*
- *принцип взаимного дополнения субъектов государственного управления избирательным процессом;*
- *принцип единства системы субъектов государственного управления избирательным процессом;*

- принцип многообразия прямых и обратных связей между субъектами и объектом государственного управления;
- принцип системности при осуществлении государственного управления избирательным процессом;
- взаимодействие и сотрудничество среди субъектов государственного управления избирательным процессом является объективной необходимостью.

Перечисленные принципы очень важны именно при гетерархической (сетевой) форме государственного управления избирательным процессом. Именно с развитием сетевых информационных ресурсов, обеспечивающих прямую и обратную связь между субъектом и объектом управления, перечисленные принципы позволяют оказывать управляющее воздействие в едином направлении.

Представленные принципы особенно важны на современном этапе развития электронного государственного управления и электронной демократии. Гетерархический характер государственного управления избирательным процессом должен быть укреплен теоретически обоснованными принципами. Они позволят выстроить не размытое управляющее воздействие, а влияние, очерченное определенными принципами.

* * *

Целью государственного управления избирательным процессом является обеспечение народовластия, народного и государственного суверенитета, легитимности выборных институтов, предоставляя при этом равные возможности гражданам к управлению делами государства и создавая атмосферу открытости и прозрачности избирательных процедур, основанных на устойчивых прямых и обратных связях между органами государственной власти и обществом [5].

Определив цель как желаемый результат, который необходимо достичь при осуществлении государственного управления избирательным процессом, необходимо сформулировать *задачи*, которые должны быть выполнены на пути достижения цели. Необходимо отметить, что задачи управления — это постановка конкретных вопросов, подлежащих решению и последовательно приводящих к достижению цели [6].

Для обеспечения народовластия как основы конституционного строя России субъектам управления требуется выполнить следующие задачи:

- необходимо на постоянной основе совершенствовать законодательные механизмы, позволяющие раскрыть и детализировать положения Конституции Российской Федерации, определяющие формы и методы осуществления народовластия;

- деятельность органов исполнительной власти должна быть направлена на создание условий, способствующих кристаллизации власти народа с помощью выборов;

- принятие судебных решений по юридическим спорам и юридическим фактам, возникающим в рамках избирательного процесса, должно осуществляться с учетом принципа народовластия;

- применение и использование избирательных процедур в рамках избирательного процесса должно создавать условия, в которых обеспечивается принцип народовластия;

- в процессе осуществления прокурорского надзора за законностью в избирательном процессе должны выявляться факты ограничения народовластия;

- осуществление контроля за управлением и расходованием бюджетных средств в избирательном процессе должно основываться на целесообразности, то есть расходование средств должно быть направлено на обеспечение народовластия;

- деятельность органов власти субъектов Российской Федерации должна быть направлена на обеспечение условий реализации народом своей власти с помощью выборов.

Для обеспечения народного суверенитета как основы конституционного строя России субъектам управления требуется выполнить следующие задачи:

- необходимо постоянно совершенствовать правовые механизмы, позволяющие раскрыть и детализировать положения Конституции Российской Федерации с учетом постулата — народ является источником и носителем государственной власти;

- деятельность органов исполнительной власти должна быть направлена на обеспечение верховенства и полноты власти народа в пределах, установленных Конституцией Российской Федерации;

- принятие судебных решений по юридическим спорам и юридическим фактам, возникающим в рамках избирательного процесса, должно осуществляться с учетом принципа верховенства Конституции Российской Федерации;

- применение и использование избирательных процедур в рамках избирательного процесса должно создавать условия, позволяющие обеспечить прямое волеизъявление народа по вопросам формирования органов государственной власти;

- осуществление прокурорского надзора за законностью в избирательном процессе должно опираться на принцип создания возможности беспрепятственного осуществления волеизъявления народом как единственным источником власти в Российской Федерации;

- при осуществлении контроля за управлением и расходованием бюджетных средств, выделенных для обеспечения избирательного процесса, необходимо отслеживать, с какой целью они были израсходованы. Затраченные средства должны обеспечить возможность реализации народного суверенитета;

- деятельность органов власти субъектов Российской Федерации должна быть направлена на обеспечение беспрепятственного волеизъявления народа как источника власти и суверенитета.

Для обеспечения государственного суверенитета как основы конституционного строя России субъектам управления требуется выполнить следующие задачи:

- необходимо совершенствовать законодательные механизмы, позволяющие ограничить влияние иностранных государств и транснациональных компаний на избирательный процесс;

- деятельность органов исполнительной власти должна быть направлена на пресечение и ограничение влияния иностранных государств и транснациональных компаний на избирательный процесс;

- принятие судебных решений по юридическим спорам и юридическим фактам, возникающим в рамках избирательного процесса, должно осуществляться с учетом принципа независимости Российской Федерации;

- применение и использование избирательных процедур в рамках избирательного процесса должно создавать условия, позволяющие обеспечить самостоятельность в избрании органов власти и управления;

- осуществление прокурорского надзора за законностью в избирательном процессе должно опираться на принцип независимости Российской Федерации и ограничения влияния иностранных государств и транснациональных компаний на самостоятельность в избрании органов власти и управления;

- осуществление контроля за управлением и расходованием бюджетных средств, выделенных для обеспечения избирательного процесса, должно происходить с учетом запрета финансирования общественных объединений, представляющих интересы иностранных государств и транснациональных компаний;

- деятельность органов власти субъектов Российской Федерации должна быть направлена на ограничение влияния иностранных государств на избирательный процесс.

Для обеспечения легитимности выборных институтов власти как основы конституционного строя России субъектам управления требуется выполнить следующие задачи:

- необходимо совершенствовать законодательные механизмы, позволяющие обеспечить избирательный процесс процедурами, гарантирующими легитимность власти;

- деятельность органов исполнительной власти в рамках избирательного процесса должна быть направлена на обеспечение легитимности выборных институтов;

- принятие судебных решений по юридическим спорам и юридическим фактам, возникающим в рамках избирательного процесса, должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения легитимности выборных институтов власти и управления;

- применение и использование избирательных процедур в рамках избирательного процесса должно создавать условия, позволяющие обеспечить легитимность выборных институтов власти;

- при осуществлении прокурорского надзора за законностью в избирательном процессе необходимо четко отслеживать соответствующее обеспечение легитимности выборных институтов власти и управления;

- осуществление контроля за управлением и расходованием бюджетных средств, выделенных для обеспечения избирательного процесса, должно осуществляться с учетом обеспечения легитимности выборных институтов власти и управления;

- деятельность органов власти субъектов Российской Федерации в рамках избирательного процесса должна быть направлена на обеспечение легитимности выборных институтов власти и управления.

Для обеспечения избирательных прав граждан на основе равного доступа к управлению делами государства как непосредственно, так и через своих представителей субъектам управления требуется выполнить следующие задачи:

- необходимо совершенствовать законодательные механизмы, позволяющие обеспечить условия для реализации избирательных прав граждан на основе равного доступа к управлению делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

- деятельность органов исполнительной власти в рамках избирательного процесса должна быть направлена на обеспечение равного доступа к реализации избирательных прав граждан;

- принятие судебных решений по юридическим спорам и юридическим фактам, возникающим в рамках избирательного процесса, должно осуществляться на основе принципа равного доступа граждан к управлению делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

- применение и использование избирательных процедур в рамках избирательного процесса должно обеспечивать избирательные права граждан

на основе равного доступа к управлению делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

- осуществление прокурорского надзора за законностью в избирательном процессе должно опираться на принцип равного доступа граждан к управлению делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

- осуществление контроля за управлением и расходованием бюджетных средств, выделенных для обеспечения избирательного процесса, должно осуществляться с учетом необходимости обеспечения равного доступа граждан к управлению делами государства как непосредственно, так и через своих представителей;

- деятельность органов власти субъектов Российской Федерации в рамках избирательного процесса должна быть направлена на обеспечение равного доступа к реализации избирательных прав граждан.

Для обеспечения атмосферы открытости и прозрачности избирательных процедур субъектам управления требуется выполнить следующие задачи:

- необходимо совершенствовать законодательные механизмы, позволяющие обеспечить условия для беспрепятственного осуществления наблюдения за выборами и освещения их результатов в СМИ;

- деятельность органов исполнительной власти в рамках избирательного процесса должна быть направлена на обеспечение условий, позволяющих беспрепятственно осуществлять наблюдение за выборами и освещать их результаты в СМИ;

- принятие судебных решений по юридическим спорам и юридическим фактам, возникающим в рамках избирательного процесса, должно освещаться в СМИ;

- в избирательном процессе должны быть предусмотрены процедуры, позволяющие беспрепятственно осуществлять наблюдение за выборами и освещать их результаты в СМИ;

- результаты осуществления прокурорского надзора за законностью в избирательном процессе должны освещаться в СМИ;

- результаты осуществления контроля за управлением и расходованием бюджетных средств, выделенных для обеспечения избирательного процесса, должны освещаться в СМИ;

- деятельность органов власти субъектов Российской Федерации в рамках избирательного процесса должна быть направлена на обеспечение условий, позволяющих беспрепятственно осуществлять наблюдение за выборами и освещать их результаты в СМИ.

Для установления прямых и обратных связей между органами государственной власти (субъектами управления) и избирательным процессом (объектом управления) требуется выполнить следующие задачи:

- необходимо совершенствовать законодательные механизмы, позволяющие устанавливать прямые и обратные связи между субъектами управления (органами государственной власти) и объектом управления (избирательным процессом);

- деятельность органов исполнительной власти в рамках избирательного процесса должна быть направлена на создание прямых и обратных связей между субъектами управления (органами государственной власти) и объектом управления (избирательным процессом);

- принятие судебных решений по юридическим спорам и юридическим фактам, возникающим в рамках избирательного процесса, должно опираться на необходимость создания прямых и обратных связей между субъектами управления (органами государственной власти) и объектом управления (избирательным процессом);

- применение и использование избирательных процедур в рамках избирательного процесса должно обеспечивать условия, позволяющие беспрепятственно осуществлять прямые и обратные связи между субъектами управления (органами государственной власти) и объектом управления (избирательным процессом);

- в результате осуществления прокурорского надзора за законностью в избирательном процессе должны выявляться причины и условия, способствующие разрушению прямых и обратных связей между субъектами управления (органами государственной власти) и объектом управления (избирательным процессом);

- в процессе осуществления контроля за управлением и расходованием бюджетных средств, выделенных для обеспечения избирательного процесса, должен выясняться вопрос: способствовали ли затраты установлению прямых и обратных связей между субъектами управления (органами государственной власти) и объектом управления (избирательным процессом);

- деятельность органов власти субъектов Российской Федерации в рамках избирательного процесса должна быть направлена на создание прямых и обратных связей между субъектами управления (органами государственной власти) и объектом управления (избирательным процессом).

* * *

Функции государственного управления избирательным процессом — это последовательный управленческий цикл, с помощью реализации которого субъекты государственного управления оказывают властное воздействие на участников избирательного процесса, изменяя порядок проведения вы-

боров, реализуя государственные функции, обеспечивая избирательный процесс материальными, информационными и другими средствами [7].

Анализ, как функция государственного управления избирательным процессом, — один из видов деятельности субъектов управления. В процессе осуществления анализа изучается общая внутривнутриполитическая обстановка, складывающаяся во время функционирования избирательного процесса, изучаются проблемные ситуации во время реализации избирательных прав граждан. Важно подчеркнуть, что анализ, как вид деятельности, носит позитивный характер и предназначен для создания гносеологических предпосылок развития избирательного процесса.

Целеполагание, как функция государственного управления избирательным процессом, является компонентом управленческой деятельности субъектов управления. Целеполагание — это, прежде всего, формулировка или выбор цели государственного управления избирательным процессом. Вопрос целеполагания является определяющим в управленческой деятельности. Важно отметить, что наличие обоснованных и перспективных целей делает процесс управления более эффективным.

Прогнозирование, как функция государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации, выступает в качестве перехода от стратегии «пассивного реагирования» на внешние условия к стратегии «активного реагирования». Субъекты государственного управления вырабатывают вероятностное суждение о развитии избирательного процесса. Другими словами, это опережающее отражение избирательного процесса. Оно осуществляется во избежание нежелательных последствий вероятного негативного развития событий во время реализации избирательных прав граждан.

Планирование, как функция государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации, — важная, неотъемлемая часть управления. Для эффективного функционирования необходим план, который обладает единством, неразрывностью, гибкостью и точностью. Важно, чтобы обозначались этапы мероприятий, обосновывались ресурсные возможности для достижения целей и обеспечения выполнения задач. Необходимо отметить, что планирование — это функция, с помощью которой субъекты управления приспособляют свои средства и ресурсы к достижению поставленной цели.

Принятие решений, как функция государственного управления избирательным процессом, — это зафиксированный устно, письменно или иным способом волевой акт. В сфере государственного управления решение принимает должностное лицо субъекта управления. Важно отметить, что данное должностное лицо должно обладать государственно-властными полномочиями. Одновременно выработка и принятие управленческих решений имеет творческий характер.

Организация, как функция государственного управления избирательным процессом, заключается в формировании взаимных отношений между субъектами управления. Организация процесса реализации принятого решения заключается в доведении до субъектов государственного управления сведений о принятых решениях и условий их реализации. Создаются организационные предпосылки для реализации принятого решения, применяются различные формы организации деятельности субъектов государственного управления.

Контроль, как функция государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации, неразрывно связан с функцией планирования. Связь контроля и планирования проявляется в реализации конкретных мероприятий в установленный срок. Другими словами, субъекты государственного управления, запланировав мероприятие и предусмотрев исполнителя и сроки реализации, обязаны проконтролировать его исполнение.

В процессе осуществления контроля могут быть обнаружены факторы, негативно влияющие на избирательный процесс. Выявляются ошибки и недочеты, допущенные во время планирования. По результатам контроля оценивается эффективность применения различных форм и методов государственного управления избирательным процессом [8, с. 8–10]. Важно подчеркнуть, что результат контроля может послужить основанием для коррекции управляющего воздействия на избирательный процесс.

* * *

Система государственного управления избирательным процессом — совокупность элементов, состоящих из управляющей и управляемой подсистемы, между которыми выстроены прямые и обратные связи, назначение которых — передача организационного, правового и информационного посылов управленческого воздействия. Управляющая подсистема осуществляет государственное управление избирательным процессом, который представляет собой упорядоченные действия его участников. В свою очередь, управляемая подсистема по каналам обратной связи передает информацию с целью корректировки оказываемого на нее воздействия [4, с. 193–200]. Перечисленные выше компоненты системы государственного управления избирательным процессом неразрывно связаны между собой. Основным критерием эффективности этой системы является ее способность быстро реагировать на организационные, правовые и информационные послылы, подаваемые подсистемами друг другу [9].

Элементы системы государственного управления избирательным процессом:

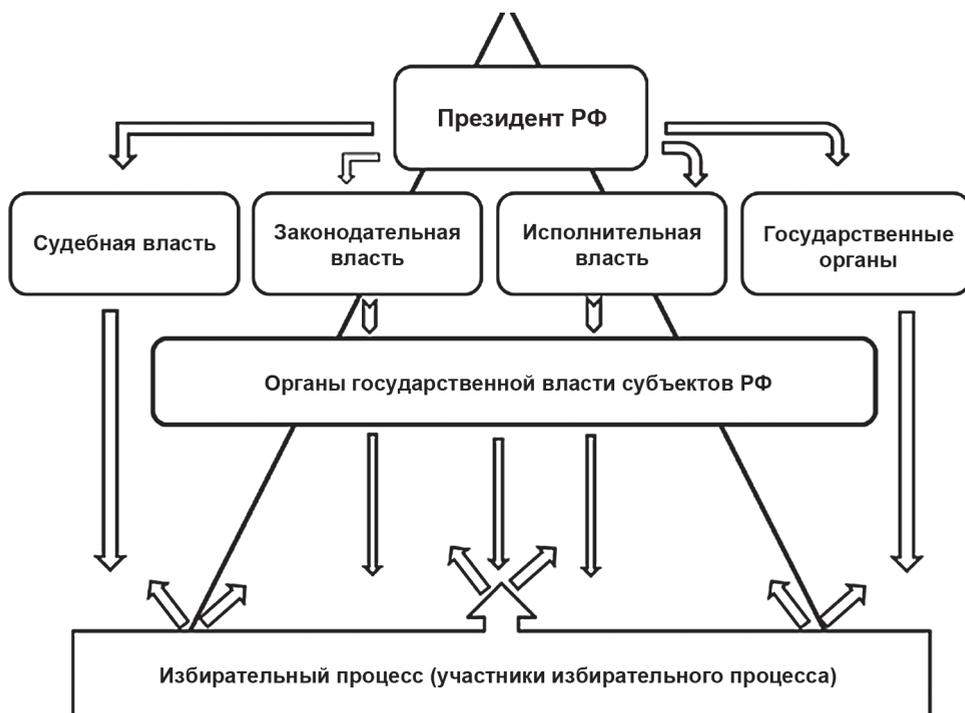
- управляющая подсистема, включающая в себя субъекты государственного управления. Это множество государственных органов и система

избирательных комиссий как основного субъекта государственного управления избирательным процессом;

- управляемая подсистема (избирательный процесс), который вобрал в себя деятельность общественных объединений, кандидатов, избирателей и других участников избирательного процесса;

- прямые и обратные связи между управляющей и управляемой подсистемами.

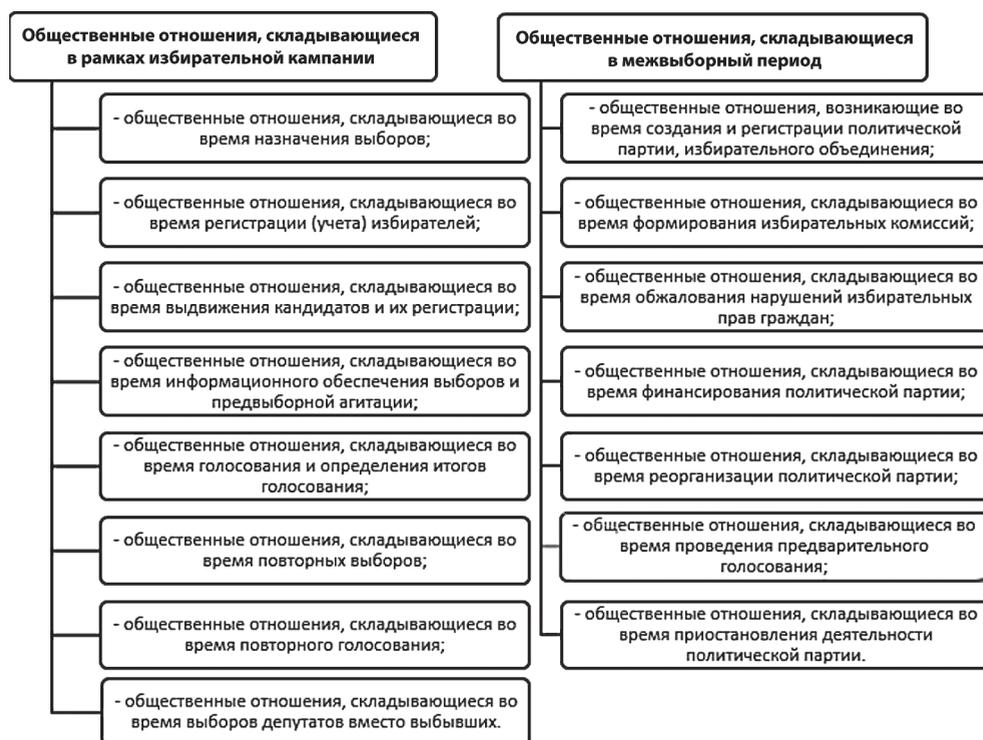
Элементы системы государственного управления избирательным процессом можно представить в виде пирамиды, в верхней части которой расположен Президент Российской Федерации. Уровнем ниже расположены органы государственной власти (в соответствии с принципом разделения властей) и государственные органы (Генеральная прокуратура, Счетная палата, Центральный банк России) а также основной субъект государственного управления – ЦИК России. Важно отметить, что перечисленные субъекты управления находятся на одном уровне, так как они равнозначны и не подчинены друг другу. Следующей большой группой субъектов государственного управления избирательным процессом являются органы государственной власти субъектов Российской Федерации. Нижний уровень пирамиды занимает объект управления – избирательный процесс, который можно представить, как упорядоченные действия его участников.

Избирательный процесс — сложная по своей сути собирательная категория, которая охватывает порядок реализации избирательных прав граждан и представляет собой совокупность стадий и процедур, выполняемых во время избирательной кампании, и совершаемых участниками избирательного процесса в межвыборный период юридически значимых действий.

Управление избирательным процессом целесообразно рассматривать с позиции управления общественными отношениями. Другими словами, субъекты государственного управления оказывают управляющее воздействие на общественные отношения, складывающиеся в рамках избирательного процесса. Конечно, стоит подчеркнуть, что управляющее воздействие не оказывает влияния на порядок принятия решения голосовать «за» либо «против» того или иного кандидата. Оно призвано создавать наиболее оптимальные правила, в которых действуют участники избирательного процесса.

Общественные отношения, направленные на реализацию избирательных прав граждан и подлежащие государственному управлению:

Говоря об участниках избирательного процесса и тех, на кого оказывается управляющее воздействие, необходимо определить участников общественных отношений, складывающихся в рамках избирательного

процесса. Требуется классифицировать участников анализируемых общественных отношений, при этом основанием должны послужить складывающиеся управленческие взаимосвязи.

Очевидно, что ряд участников общественных отношений, складывающихся в рамках избирательного процесса, являются «управляемыми». Другими словами, на них оказывается управляющее воздействие со стороны субъектов государственного управления, а они, в свою очередь, обязаны выполнять установленные правовые предписания. Главной целью данной группы участников общественных отношений является реализация избирательных прав.

Одновременно существует и другая категория — это управляемые, которые синхронно могут оказывать управляющее воздействие. Назовем их «управляемые управленцы». Например, Центральная избирательная комиссия Российской Федерации оказывает управляющее воздействие на избирательный процесс и является субъектом государственного управления в рассматриваемой сфере общественных отношений. Одновременно члены и работники избирательной комиссии являются участниками общественных отношений и подчинены нормативным правовым предписаниям, которые издаются другими субъектами государственного управления (законодательным органом).

Имеет место и третья группа участников общественных отношений, которые в обычных условиях реализуют избирательные права и являются «управляемыми», но в определенных условиях приобретают особый правовой статус (например, судьи при разрешении дел о нарушениях избирательных прав граждан).

К первой группе «управляемых» участников общественных отношений, складывающихся в рамках избирательного процесса, относятся:

- граждане Российской Федерации, обладающие активным и пассивным избирательным правом;
- иностранные граждане, наделенные в установленном законодательством Российской Федерации порядке активным и пассивным избирательным правом;
- политические партии и иные общественные объединения граждан;
- кандидаты, зарегистрированные кандидаты в депутаты и на иные выборные должности;
- доверенные лица избирательных объединений, отдельных кандидатов, выдвинутых и баллотирующихся по одномандатным (многомандатным) избирательным округам;
- уполномоченные представители избирательных объединений, отдельных кандидатов;
- наблюдатели, назначенные в установленном законом порядке;

- организации, выпускающие средства массовой информации (телерадиокомпании, редакции периодических печатных изданий);
- командиры воинских частей, капитаны судов, начальники полярных станций, руководители дипломатических представительств и консульских учреждений Российской Федерации;
- сборщики подписей избирателей в поддержку выдвинутого кандидата, списка кандидатов;
- группы избирателей, образуемые в установленном законом порядке в поддержку самовыдвижения кандидата.

Прежде чем приступить к рассмотрению второй группы участников общественных отношений, складывающихся в рамках избирательного процесса, — «управляемые управленцы», — необходимо подчеркнуть их двойственный статус. Рассматривая данных участников общественных отношений с позиции государственного управления, отметим, что они имеют двойственную природу, заключающуюся в следующем: во-первых, это должностные лица государственных органов (субъектов государственного управления), которые оказывают управляющее воздействие на избирательный процесс; во-вторых, это участники общественных отношений, которые подчинены правовым предписаниям, и на них оказывается управляющее воздействие со стороны других субъектов государственного управления. К ним относятся:

- служащие избирательных комиссий;
- члены избирательных комиссий с правом решающего и совещательного голосов;
- должностные лица органов государственной власти, органов местного самоуправления;
- депутаты и служащие представительных органов.

К третьей группе участников общественных отношений с «особым» правовым статусом относятся:

- судьи;
- должностные лица органов прокуратуры, следствия и дознания.

Таким образом, можно с уверенностью утверждать, что избирательный процесс необходимо рассматривать в качестве объекта государственного управления [10]. Управляющее воздействие оказывается на общественные отношения, складывающиеся в рамках избирательного процесса. Конечно, управляющее воздействие оказывается, в первую очередь, на участников избирательного процесса, на их волю и, как следствие, поведение. Другими словами, избирательный процесс можно представить в виде матрицы, в которой действует множество участников, и они совершают определенные последовательные юридически закрепленные процедуры. Влияя на деятельность перечисленных в исследовании участников общественных

отношений, осуществляется государственное управление избирательным процессом в целом. Важно отметить, что управляющее воздействие оказывают и сами участники общественных отношений, которые одновременно могут являться должностными лицами субъектов государственного управления или участниками с особым правовым статусом.

* * *

Субъект управления избирательным процессом — это, прежде всего, народ, который предоставил властные полномочия органам государственной власти и государственным органам, они, в свою очередь, реализуя собственное государственно-властное, активное начало, управляют избирательным процессом [11].

Субъекты управления берут на себя ведущую, иницирующую и направляющую роль, являются детерминирующей силой для развития избирательного процесса в том направлении, которое обусловлено интересами, целями, потребностями общества.

Очевидно, что субъектом управления является формализованная структура или, можно сказать, система. Субъекты обладают материальными, интеллектуальными, правовыми преимуществами по отношению к объекту управления. Эти преимущества и позволяют оказывать управляющее воздействие. Как уже отмечалось, в случае государственного управления избирательным процессом субъектом управления является народ, который делегирует свои государственно-властные полномочия Президенту, правительству, парламенту, депутатам, судебным органам и государственным органам, имеющим специальные полномочия (Счетная палата, Центральный банк, ЦИК России, Генеральная прокуратура), а также органам государственной власти субъектов Российской Федерации.

Для государственного управления избирательным процессом присуще системное представление его субъектов и их взаимосвязей, это имеет принципиальное теоретическое и методологическое значение, что представляет собой реализацию не иерархии, а управление посредством согласования интересов субъектов управления. Данный вид управления сочетает в себе следующие признаки: наличие нескольких субъектов управления; отсутствие четкой иерархии между субъектами управления; характерна сетевая форма организации взаимодействия между субъектами управления; взаимоотношения между субъектами управления складываются на основе переговорных процедур, поиска консенсуса (компромисса), заключения соглашений, сотрудничества.

В то же время важно отметить, что, несмотря на независимость, у всех субъектов государственного управления избирательным процессом имеется ряд объединяющих черт:

Во-первых, органы государственной власти и государственные органы (субъекты государственного управления избирательным процессом) организованы по территориальному признаку;

Во-вторых, субъекты государственного управления избирательным процессом реализуют свое государственно-властное управляющее воздействие посредством специальных органов, наделенных определенными полномочиями;

В-третьих, субъектам государственного управления избирательным процессом присуща правовая форма управления (издание соответствующих нормативных правовых актов и актов правоприменения) в рамках своей компетенции;

В-четвертых, существует равноправие и взаимная неподчиненность субъектов государственного управления избирательным процессом;

В-пятых, присутствует исключительный характер управляющего субъекта государственного управления избирательным процессом — Центральной избирательной комиссии Российской Федерации;

В-шестых, власть субъектов государственного управления избирательным процессом базируются на едином принципе народовластия.

* * *

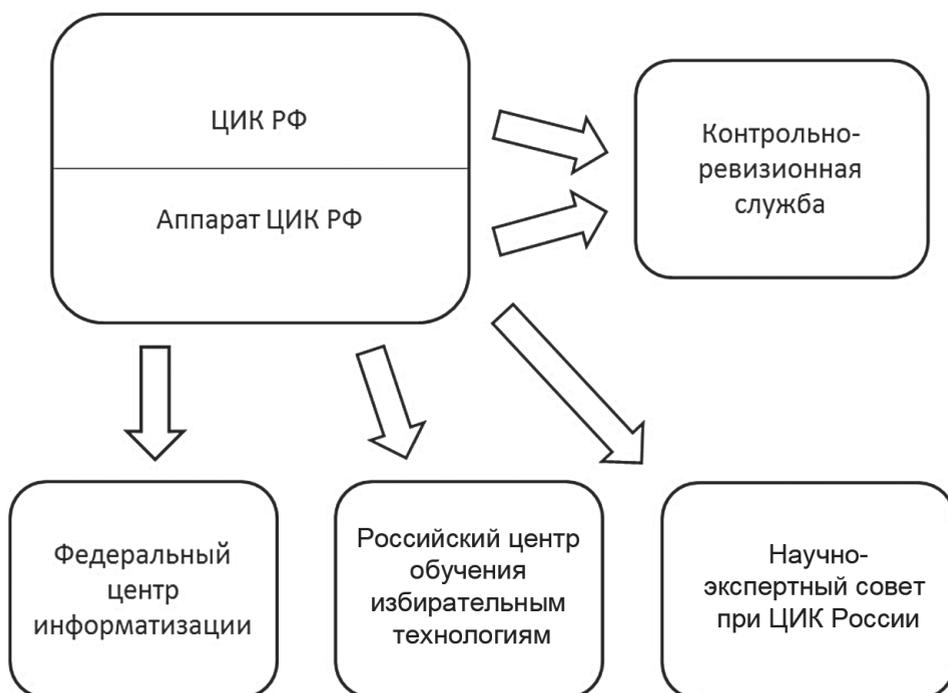
Центральная избирательная комиссия Российской Федерации осуществляет руководство деятельностью избирательных комиссий по выборам Президента и депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации. В то же время комиссией осуществляется контроль за соблюдением избирательных прав граждан, реализуется правовое и методическое обеспечение деятельности нижестоящих избирательных комиссий. Важно отметить, что в ходе осуществления своей компетенции ЦИК России в ряде случаев принимает решения, с помощью которых происходит государственно-властное воздействие на избирательный процесс. Другими словами, можно сказать, что это не просто решения, а управленческие решения по отношению к избирательному процессу в целом и участникам избирательного процесса в частности [12]. Например, исключительно на заседаниях ЦИК России принимаются следующие решения:

- о регистрации кандидатов либо федерального списка кандидатов;
- об аннулировании регистрации кандидатов, федеральных списков кандидатов;
- о финансовом обеспечении подготовки и проведения федеральных выборов и референдума;
- об определении результатов выборов и референдума;

- об отмене решений нижестоящих избирательных комиссий, комиссий референдума, а также избирательных комиссий субъектов Российской Федерации;
- об утверждении инструкций либо иных нормативных правовых актов, регламентирующих избирательный процесс;
- об обращении в суд с заявлением о расформировании избирательных комиссий;
- об установлении факта нарушения требования об освещении деятельности парламентских партий в равном объеме.

Изучив приведенный перечень, можно утверждать, что все указанные выше решения, принимаемые Центральной избирательной комиссией Российской Федерации, оказывают управляющее воздействие на избирательный процесс в целом и на участников избирательного процесса в частности. Этот факт свидетельствует о том, что комиссия является основным субъектом государственного управления избирательным процессом. При этом важно обратить внимание на то, что ЦИК России принимаются решения об утверждении инструкций, иных нормативных актов.

Структура основного субъекта государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации – ЦИК России – может быть представлена следующим образом:

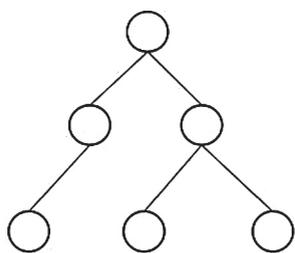

Форма государственного управления представляет собой внешнее проявление конкретных действий, которые осуществляются органами государственного управления для реализации поставленных перед ними задач.

Многообразии организационно-правовых форм государственного управления обусловлено широким диапазоном функций, выполняемых государством и его органами, их сложностью и пространственно-временной протяженностью. Сама форма государства с ее специфическими особенностями, преломляющимися через формы правления, государственного устройства и через политический режим, во многом, если не в главном, сказывается на характере и содержании организационно-правовых форм государственного управления.

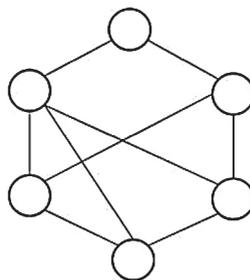
Выбор форм государственного управления зависит от типа общественных отношений, организации производственно-хозяйственной деятельности, политической системы, правящего режима, характера компетенции управляющего органа. Государственно-управленческая деятельность строится в соответствии с нормами права, спектр которых достаточно широк.

Термин гетерархия² применим в различных областях общественной жизни, включая биологию, информатику, а также применим к юриспруденции и социальным наукам [13].

Иерархия

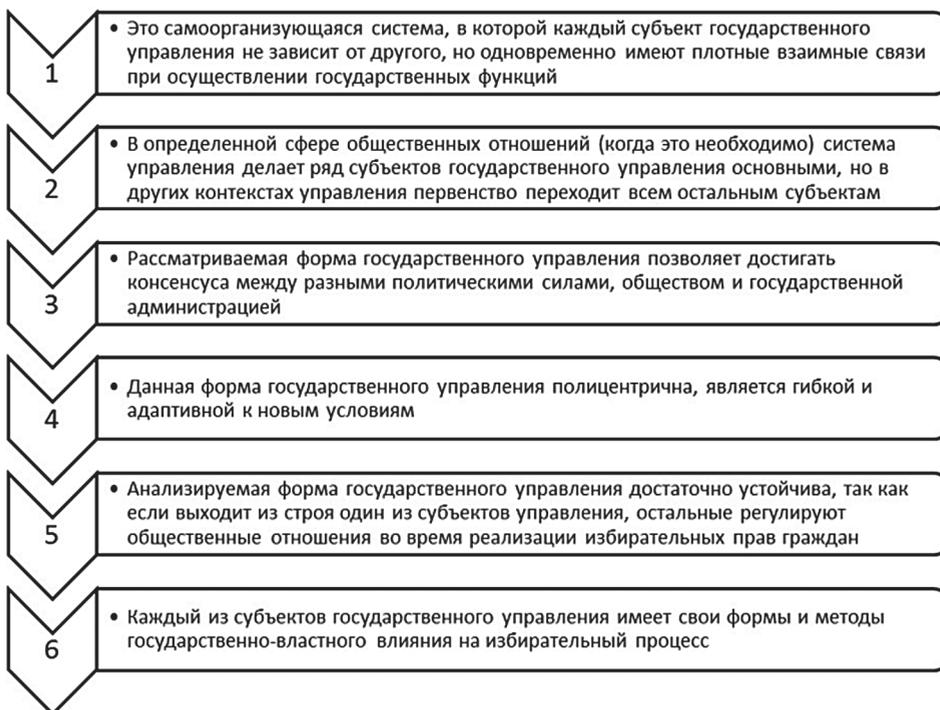
И

Гетерархия

Специфические свойства гетерархической формы государственного управления избирательным процессом:

² Гетерархия — система, образованная пересекающимися, разнообразными и одновременно сосуществующими структурами управления. В научный оборот термин введен нейропсихологом и кибернетиком У. Маккаллока в работе «Гетерархия ценностей, обусловленная топологией нервных сетей» (1943 г.). Понятие «гетерархия» комплементарно категории «иерархия».

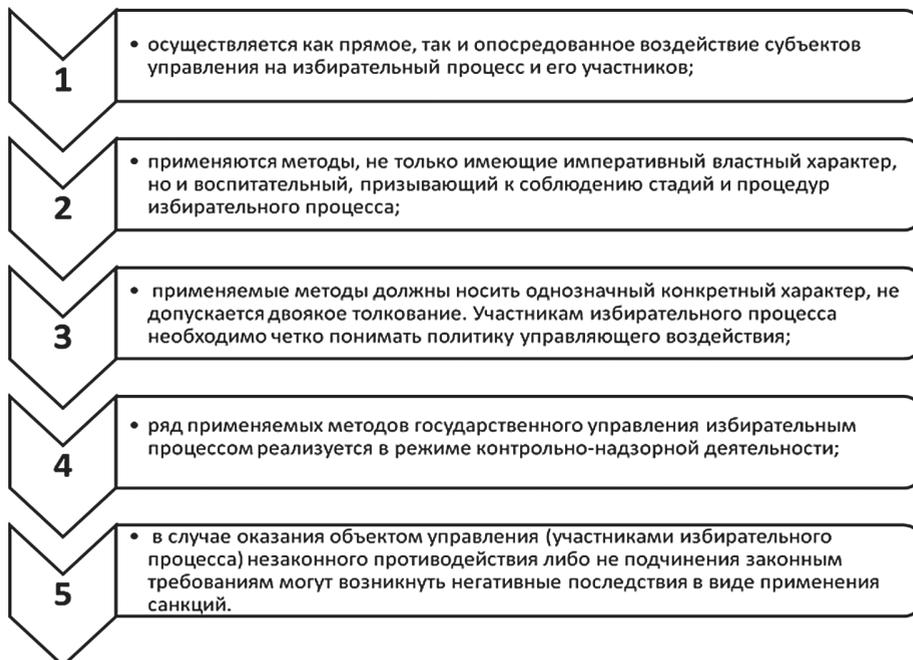
Современную форму государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации можно представить как сетевую (гетерархическую) систему, где субъекты управления независимы друг от друга и при этом имеют устойчивые конвергентные связи, которые повышают эффективность реализации государственных функций. Одновременно деятельность субъектов объединена единой целью и единым объектом управления (участники избирательного процесса), который, в свою очередь, имеет широкую сетевую архитектуру.

* * *

Методы воздействия на избирательный процесс можно представить, как некоторое влияние, определенное нормами права, осуществляемое субъектами государственного управления на участников избирательного процесса при помощи дозволений, запретов, ограничений, позитивных обязанностей, транслируемых ими в рамках установленных юридических средств. Способы оказания управляющего государственного воздействия на общественные отношения, возникающие в рамках избирательного процесса, можно представить следующим образом:

Особенности применения методов государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации можно представить следующим образом:

Убеждение, как классический метод государственного управления, проявляется в виде целенаправленного воздействия субъектов управления на участников избирательного процесса. Средства убеждения воздействуют на сознание и волю людей. Но, прежде всего, осуществляется овладение вниманием, оперирование эмоциями и формирование интереса.

Поощрение, как метод государственного управления избирательным процессом, — это способ воздействия субъекта управления, применяемый к участникам избирательного процесса при позитивной оценке их деятельности.

Принуждение, как метод государственного управления избирательным процессом, применяемое при его осуществлении, есть правовое, организационное, физическое и психологическое воздействие государственных органов (субъектов управления) на участников избирательного процесса с целью соблюдения предписанных законом действий или обязать их понести наказание за совершенное правонарушение [14].

* * *

Пределы государственного управления избирательным процессом ограничены следующими факторами [15]:

Во-первых, возможности государственно-властной управленческой деятельности связаны с наличием высшей власти. Власть государства верховна, суверенна на всей его территории. Государственную власть осуществляют Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Только органы государства вправе принимать обязательные для исполнения всего общества решения и законодательные акты. Государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти. Власть государственных органов субъектов Российской Федерации не суверенна. Ее возможности ограничены вопросами регионального значения. Таким образом, власть государства в сфере управления избирательным процессом ограничена территорией.

Во-вторых, пределы государственно-властного воздействия на избирательный процесс ограничены характером объекта регулирования. Избирательный процесс, как и многие другие явления в обществе, например, мысль человека, не поддаются государственному управлению. Мыслительная деятельность человека, несомненно, является индивидуальной, и только гражданину решать, какой выбор он сделает во время голосования. Другими словами, взвесив все преимущества и недостатки кандидатов, гражданин в результате мыслительного процесса делает выбор. Кроме того, только гражданин может решать, в роли какого участника избира-

тельного процесса он намерен выступить: либо он попытается выставить свою кандидатуру на выборную должность, либо он реализует собственное активное избирательное право. Таким образом, власть государства ограничена принципом тайного волеизъявления гражданина.

В-третьих, пределы государственного управления избирательным процессом ставит само общество: его естественное саморегулирование. Совокупность участников избирательного процесса — сложная система, действующая по правилам синергетики, то есть саморегуляции. Вмешательство в естественные процессы саморегулирования общества (например, путем создания государственной властью нового общественно-политического строя), социальные эксперименты, изменяющие сами основы человеческого существования, сложившуюся общественную мораль, ведут к краху, как это показал опыт стран тоталитарного социализма. Следовательно, государственное управление избирательным процессом должно быть таким, чтобы оно, с одной стороны, не нарушало естественную саморегуляцию общества, а с другой — позволяло бы исправлять недостатки стихийного развития. Другими словами, применение различных новелл в государственном управлении избирательным процессом должно поддерживаться большинством членов общества, они должны быть понятны и открыты для избирателей. Таким образом, государственное управление избирательным процессом ограничено духом гражданственности и сопричастности избирателей ко всем событиям, происходящим в обществе.

В-четвертых, возможности государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации ограничены нормативно, то есть законодательно. Имеются юридические рамки — это пределы, установленные законом. Деятельность субъектов государственного управления осуществляется на основе конституции, законов и подзаконных нормативных правовых актов. Субъекты государственного управления действуют на основании нормативных предписаний и не могут переходить границы дозволенных действий. Даже при разработке и принятии законодательных актов Федеральное Собрание Российской Федерации ограничено нормами Конституции, так как федеральное законодательство, регулирующее избирательный процесс, не должно противоречить Основному закону.

В-пятых, существуют социальные ограничения пределов государственного управления избирательным процессом, связанные, в первую очередь, с тем, что среди участников избирательного процесса имеются различные общественные объединения (политические партии), которые также оказывают влияние на управленческий процесс. В целом общественно-политическая жизнь многогранна, и можно с уверенностью подчеркнуть, что гражданам свойственно создавать различные общественные объединения для достижения политических целей и отстаивания своих интересов. Сле-

довательно, субъекты государственного управления в своей деятельности должны соблюдать определенные пропорции, они вовсе не являются абсолютно свободными в своих действиях, в первую очередь, должны ориентироваться на достижение общественного блага. Некоторые общественные объединения достаточно жестко критикуют деятельность субъектов государственного управления, зачастую освещают выявленные недостатки в средствах массовой информации, что также ограничивает государственное управление, реализуя при этом принцип гласности.

В-шестых, пределы государственного управления избирательным процессом могут быть ограничены средствами, которыми располагает государство. Например, государственные органы считают необходимым обеспечить все избирательные участки средствами электронного голосования, однако ресурсы, которыми располагает система избирательных комиссий, не позволяют этого сделать.

В-седьмых, пределы государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации могут быть ограничены качеством системы управления. Управленческая деятельность не ограничена системой избирательных комиссий, она охватывает большой круг субъектов управления. Это говорит о сложной системе управления, изучение которой позволит повысить ее эффективность. Для успеха необходима хорошо продуманная, отлаженная система государственных органов, действующих ритмично и в унисон друг другу. Их рассогласованность может привести к недостижению самых благих начинаний. Нужны правильно используемые способы и методы управления, дающие наилучший результат. Необходим высокий уровень общей, политической и юридической культуры работников, их высокие моральные качества, искреннее желание служить народу.

Таким образом, соблюдение прав и свобод человека должно быть обеспечено их реализацией и не должно зависеть от социально-политических, экономических, культурных и иных особенностей отдельно взятого государства. Поэтому государственное управление должно быть ограничено определенными пределами во имя полной и всесторонней реализации прав и свобод человека и гражданина. Эти ограничения призваны обеспечивать автономию личности от государственного вмешательства в некоторые наиболее значимые для человека сферы жизнедеятельности и гарантировать положение личности в ее отношениях с государством и его органами. Кроме того, вопросы государственного управления избирательным процессом носят достаточно чувствительный характер, так как влияют на избрание должностных лиц на государственные посты. Соответственно, государственное управление в данной сфере имеет свои ограничения, которые также необходимы для соблюдения избирательных прав граждан.

В целом государственное управление избирательным процессом ограничено следующими факторами: территорией, принципом тайного голосования, духом гражданственности и принадлежности избирателей ко всем событиям, происходящим в обществе, нормативными предписаниями, балансом политических сил в обществе, средствами, которыми располагают субъекты государственного управления, качеством системы государственного управления.

Список литературы

1. О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: Указ Президента РФ от 09.05.2017 г. № 203 // СЗ РФ. 2017. 15 мая. № 20. Ст. 2901.
2. Чистобородов И.Г. Особенности государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Труды Академии управления МВД России. 2016. № 1(37). С. 42–47.
3. Чистобородов И.Г. Принципы государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. М., 2015. № 5(2015). С. 12–16.
4. Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Учебник. М.: Издательство «Омега-Л», 2010.
5. Чистобородов И.Г. Цели государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015. № 2(40). С. 67–70.
6. Чистобородов И.Г. Назначение и задачи государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. М., 2015. № 3(2015). С. 19–22.
7. Чистобородов И.Г. Функции государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве, М., 2015. № 6(2015). С. 9–14.
8. Орешин В.П. Государственное и муниципальное управление: Учебное пособие. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2011.
9. Чистобородов И.Г. Система государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве, М., 2016. № 1(2016). С. 8–12.
10. Чистобородов И.Г. Избирательный процесс как объект государственного управления в Российской Федерации // Черные дыры в российском законодательстве. М., 2015. № 3(2015). С. 137–141.
11. Чистобородов И.Г. Субъекты государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2015. № 3(44). С. 86–90.
12. Чистобородов И.Г. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации как основной субъект государственного управления избирательным процессом // Пробелы в российском законодательстве. М., 2016. № 2(2016). С. 8–13.

13. Чистобородов И.Г. Гетерархическая форма государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Вестник Орловского государственного университета. Серия «Новые гуманитарные исследования». 2015. № 2(43). С. 97–100.
14. Чистобородов И.Г. Методы государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // «Гражданин. Выборы. Власть». № 4. 2018. С. 19–26.
15. Чистобородов И.Г. Пределы государственного управления избирательным процессом в Российской Федерации // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 6. С. 72–76.

Е.В. БРОДОВСКАЯ
А.Ю. ДОМБРОВСКАЯ
А.А. АЗАРОВ
Д.Н. КАРЗУБОВ

СЕТЕВЫЕ ГРУППЫ МОБИЛИЗАЦИИ ПРОТЕСТНЫХ УСТАНОВОК: СТРУКТУРА И ПРИЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ МНЕНИЙ (на примере онлайн-сообществ сети «ВКонтакте», обсуждающих проблемы развития Крыма в составе Российской Федерации)

***Аннотация.** В статье представлены результаты эмпирического анализа структуры сетевых сообществ, обсуждающих проблемы Крыма и нацеленных на мобилизацию протестных настроений крымских и в целом российских пользователей. Выявлены приемы сетевых лидеров, формирующих дезинтеграционные установки, подрывающие доверие россиян действующей власти. Установлены триггеры развития информационных потоков о Крыме с антироссийской риторикой: кризисные события на Юго-востоке Украины; официальные заявления представителей западных государств о «российской агрессии» и усилении санкционного режима против Российской Федерации; освещение в новых медиа-активах поддержки западными государствами украинской позиции разрыва экономических, культурных и социальных связей с российским обществом и противостояния российскому государству; «ущемление» прав этнических групп в Крыму. Проанализирована плотность контактов в двух типах онлайн-сообществ: с горизонтальными связями без явных центров мнений и с ярко выраженными вертикальными связями с четко очерченным кругом сетевых лидеров. Обоснована необходимость информационного противодействия психологическому воздействию в сетевых группах, ориентированных на деконсолидацию российского общества.*

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна — доктор политических наук, доцент, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета (МПГУ), г. Москва

ДОМБРОВСКАЯ Анна Юрьевна — доктор социологических наук, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ), г. Москва

АЗАРОВ Артур Александрович — кандидат технических наук, начальник отдела информатизации и связи Администрации Центрального района Санкт-Петербурга, г. Санкт-Петербург

КАРЗУБОВ Дмитрий Николаевич — оператор 5-й научной роты Московского высшего Общевоинского командного училища, рядовой, г. Москва

Сведения о поддержке. Статья подготовлена в рамках поддержанного РФФИ проекта «Украинские информационные потоки в крымском сегменте социальных медиа: риски и технологии преодоления негативных эффектов антироссийской риторики в онлайн-среде (№ 18-011-00937 на 2018–2020 годы).

Ключевые слова: интернет-коммуникация, мобилизация протестной онлайн-активности, социальные медиа, сетевые лидеры, сетевые центры мнений, анализ социальных графов, когнитивное картирование.

NETWORK GROUPS MOBILIZE PROTEST ATTITUDES: STRUCTURE OF RELATIONSHIPS AND METHODS OF OPINION FORMATION (Case: online communities on the problems of Crimea development as a Russian Federation part)

Abstract. *The article presents the results of an empirical analysis of the structure of network communities discussing the problems of the Crimea and aimed at mobilizing the protest moods of the Crimean and, in General, Russian users. Identified techniques of network leaders disintegration attitudes in breach of Russian people trust to the authorities. Triggers of development of information flows about the Crimea with anti – Russian rhetoric-crisis events in the South-East of Ukraine; official statements of representatives of the Western States about “Russian aggression”, strengthening of the sanctions regime against Russia are established; coverage in the new media acts of Western States ‘support for the Ukrainian position of breaking economic, cultural, social ties with Russian society and opposition to the Russian state; “infringement” of the rights of ethnic groups in the Crimea. The density of contacts in two types of online communities is analyzed: with horizontal connections without explicit centers of opinion and with pronounced vertical connections with a clearly defined circle of network leaders. The necessity of information counteraction to psychological influence in the network groups focused on deconsolidation of the Russian society is proved.*
Keywords: *Internet communication, mobilization of protest online activity, social media, opinion leaders, network opinion points, analysis of social graphs, cognitive mapping.*

Все возрастающие по своей интенсивности процессы расширения российской пользовательской аудитории, усиления воздействия сетевых коммуникаций на политические процессы и мобилизацию неконвенциональных протестных установок граждан актуализируют значимость исследования сетевых сообществ, ориентированных на деконсолидацию Крымского и в целом российского общества. Многочисленные мировые кейсы последних десятилетий, включая протестную активность в России 2011–2017 годов обеспечили статус интернет-коммуникации, как средства конструирования антиправительственных установок и тиражирования протестных стратегий поведения.

Выбор Крыма и Севастополя в качестве исследовательских кейсов обусловлен тем, что эти регионы, воссоединившиеся с Российской Федерацией, испытывают существенный информационный прессинг, прежде всего, со стороны оппозиционных медийных лидеров, чрезвычайно активных в онлайн-среде. Ценным представляется эмпирическое изучение функцио-

нирования сетевых сообществ, формирующих антироссийские установки у этнических и социальных групп Крыма и Севастополя, испытывающих относительную депривацию, а также выявление технологий лидеров этих групп, направленных на социальную дестабилизацию и дезинтеграцию Крымского сообщества.

Постараемся ответить в нашем исследовании на вопросы о тематических контекстах диалогов, продюсируемых сетевыми центрами мнений, формирующих установки россиян о проблемах развития Крыма; приемах, используемых сетевыми лидерами мнений, формирующими установки россиян о проблемах развития Крыма, для мобилизации протестных настроений; и о внутренней структуре взаимосвязей сетевых сообществ, обсуждающих проблемы развития российского Крыма.

Теоретический фундамент исследования образуют следующие концепции социологической и смежных с ней наук: информационного общества (У. Бек [1], Э. Тоффлер [2], М. Кастельс [3]); управления сознанием и стратегиями поведения посредством массовой коммуникации (М. Маклюэн [4], Дж. Мак [5], Дж. Гербнер [6], Дж. Дауэр [7]); технокапитализма (Г. Шиллер [8]); управления информационными технологиями (Р.Л. Нолан [9]); подталкивающего воздействия (Б.Дж. Фогг [10]); сетевого клуба (Э. Шмидт, Дж. Коэн [11]); управления информационными потоками в социально-медийной среде (Р. Эпштейн [12]); умной толпы (Г. Рейнгольд [13]).

Методологической основой исследования выступает концепция политических сетей (И. Блаттер [14]), акцентирующая внимание на мобилизующих функциях политических институтов;

- акторно-сетевая теория (Б. Латур [15]), отражающая идею относительно формирования и усиления акторов, прежде всего, во взаимодействии в сети;
- концепция киберсилы (Д. Най [16]), рассматривающая информацию как инструмент доминирования;

- концепция управления персональными взаимодействиями в онлайн-режиме (И. Фридман [17]), понимающая цифровизацию в качестве ключевого компонента глобальных процессов;

- постструктуралистская теория дискурса (Э. Лаклау, Ш. Муфф [18]), позволяющая трактовать язык как динамичную систему формирования социальных идентичностей;

- нарративный анализ (Х. Элкер [19]) описывающий «мифы и нарративы» через процессы ценностного выбора и выбора стратегии поведения;

- теория концептуальной метафоры (Дж. Лакоффа и М. Джонсона [20]) исследующая метафорические системы и модели.

Эмпирическая модель исследования содержит: 1. Когнитивное картирование текстов интернет-медиа, ориентированных на крымскую аудиторию, за период 01.01.2014–04.02.2019 годы (1200 сообщений), 60 блогов и сетевых групп; 2. Построение и анализ социальных графов онлайн-сообществ — 9 онлайн-сообществ, релевантных теме исследования; анализ

плотности социальных связей — 9 онлайн-сообществ. Данный метод применялся для определения интегрированности участников и выявления плотности социальных связей между онлайн-сообществами, обсуждающими проблемы Крыма. Использованное программное обеспечение — авторская программа «Социальный граф» — приложение к сети «ВКонтакте», с помощью которой обработано 1 193 916 связей между участниками отобранных онлайн-групп [21–23].

* * *

В таблице 1 представлены выборочные данные когнитивного картирования, указывающие на семантику названия сетевых сообществ, нацеленных на мобилизацию антироссийских установок, антиправительственных настроений российских пользователей, размер их пользовательской аудитории и контекстуальные параметры групповых диалогов.

Таблица 1. Пользовательская аудитория и тематические контексты сетевых групп, обсуждающих проблемы Крыма в составе Российской Федерации

Имя и ник	Аудитория	Основные тематические контексты
За поребриком или про кацапов	5853	Россия — «агрессор», Россия — «оккупант», Россия — «враг»
Хотят ли русские войны	5948	Украины, непризнание западными странами российского статуса Крыма, утверждение о временности российской принадлежности
Ложь и абсурдность СМИ на фоне массового запоя	35707	Крыма, притеснение национальных меньшинств в российском Крыму, «преступная поддержка» Россией сепаратистов Юго-востока Украины.
Информационная война	55745	
Молись за Киевскую Русь — Украину	1963	
Крымские татары — гордость Крыма	2879	Депортация 1944 года и ее последствия, мобилизация установок на социальное дистанцирование по этническому признаку, ущемление прав крымских татар, ухудшение материального положения крымских татар, усиление экономических проблем в российском Крыму.
Крымские татары. Сила и Мы всегда будем вместе!!!	162	
Крымские татары в Исламе	410	
Крымские татары — коренной народ Крыма	600	

Согласно данным таблицы 1, очевидно, что наибольшую пользовательскую аудиторию имеют сетевые сообщества, формирующие так называемую «украинскую повестку» и создающие целевые информационные потоки, направленные на деконсолидацию и дезинтеграцию крымского общества, на подрыв социальной стабильности и дисгармонизацию социальных отношений, а также на усиление уровня конфликтности в крымском и в целом в российском обществе.

Для формирования у российских пользователей недоверия к решениям действующей власти, усиления критичного отношения к мотивам, движимым первыми лицами государства, в рассматриваемых группах используются два основных контекста: «неминуем политический крах Российской Федерации» и «россиян ждут серьезные экономические проблемы». Эти контексты отражены в таких наиболее типичных высказываниях:

«Членство Украины в НАТО будет катастрофой», «Россиянам станет жить сложнее из-за санкций.... стабильности больше не будет.... россияне «затянут пояса» (club69583597), «Мобилизационный ресурс России иссяк» ((club6569643), «Они (представители российской власти) в самом деле верят в заговор Запада... что у него больше нет никаких целей, как навредить России», «Крах «блестящей внешней политики» (России)... Кремль вкатал более двадцати миллиардов долларов в «черную дыру» Венесуэлы, повторяя худшие ошибки СССР» (club4121067).

Онлайн-сообщества, конструирующие крымскотатарские проблемы, в целом, гораздо менее влиятельны, вместе с тем они довольно интенсивно генерируют радикальную риторику, связанную с притеснением прав крымских татар российской властью.

В ходе анализа данных сетевых групп выявлены три базовых типа дискурсивных практик, имеющих значительную привязку к этнической принадлежности своих участников. Онлайн-группы, объединенные названием, включающим указание на этническую принадлежность участников, в данном случае, крымских татар, заведомо ориентированы на их социальное дистанцирование, обособление и замкнутость. Примерами названий таких групп могут служить: «Крымские татары. Сила и Мы всегда будем вместе!!!» (<https://vk.com/club82500334>), «Крымские татары — гордость Крыма» (<https://vk.com/club82148811>), «Крымские татары в Исламе» (https://vk.com/crimean_islam), «Крымские татары — коренной народ Крыма» (<https://vk.com/public73551522>) и т.д. Многие из онлайн-сообществ крымских татар — закрытые, примеры названий этих групп: «Крымские татары Всего Мира — ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ!!!» (<https://vk.com/club1713475>), «Крымские татары Севастополя» (https://vk.com/sevas_tatar), «Крымские татары Санкт-Петербурга» (<https://vk.com/crimeantat>) и др. Закрытость этих групп (невозможность свободно вступить в число ее участников) в совокупности с подчеркнутой национальной идентифи-

кацией указывает на ориентированность данных сообществ на социальное дистанцирование и замкнутость внутри этнической общности.

Тематическая палитра дискурса, формируемого главным образом представителями крымскотатарской национальности в указанных онлайн-сообществах, довольно широка: от победы певицы Джамалы на международном конкурсе «Евровидение» с песней о депортации крымских татар в 1944 году до упразднения Меджлиса и признания его экстремистской организацией; от обсуждения деятельности М. Джемилева до оценки поступков Р. Чубарова в качестве эксперта по проблемам крымских татар в Крыму и Севастополе и многие другие.

Риторика несогласия с присоединением Крыма к Российской Федерации проявляется в следующих высказываниях в онлайн-чатах: «...эту землю дедов я не могу им (россиянам) отдать, ... я от Крыма не отрекусь никогда» (<https://vk.com/club82500334>); «крымские татары — единственные хозяева Крыма» (<https://vk.com/public73551522>).

В этих фрагментах прослеживается как минимум две коннотации: конструирование идеи «захвата» и аннексии Крыма Россией, а также выражение убежденности в единоличном праве крымских татар на владение полуостровом. Чаще всего такие высказывания сопровождаются визуализацией украинского и крымскотатарского флагов с подчеркнутым единством цветовой гаммы, что наряду с дискурсивными практиками отражает идею о возврате Крыма в состав Украины.

Довольно распространен в анализируемых онлайн-сообществах контент, образующий в негативном дискурсе межнациональных отношений на полуострове концепты отрицательной государственной идентификации и негативной исторической памяти крымских татар. Примеры постов и репостов такого содержания: «Вечная боль крымских татар: депортация крымских татар из Крыма Екатериной II, депортация крымских татар из Крыма Александром III, депортация крымских татар из Крыма по постановлению Госкомитета обороны СССР, 2014 год — намерение признать Меджлис крымскотатарского народа террористической организацией. Что? Нас ждет очередная депортация?» (<https://vk.com/club82500334>). С помощью подобного рода сообщений у крымских татар формируется страх, негативные ожидания и тревога в отношении своего будущего в российском Крыму.

Отдельный семантический блок рассматриваемого дискурса содержит высказывания, выражающие негативное отношение к россиянам, российской власти и русским. Приведем фрагменты такого рода постов: «Татарин, верь, взойдет она, звезда пленительного счастья... и на обломках русовластия напишут Ваши имена!» (<https://vk.com/club82500334>); «Слава Всевышнему, что я — не русский!» (<https://vk.com/club82148811>); «Татары рулят!» (<https://vk.com/club82148811>).

Для выявления приемов и механизмов формирования рассмотренных дискурсов, используемых сетевыми лидерами наиболее влиятельных онлайн-сообществ был рассмотрен показатель среднего количества связей в группах (Рис. 1). Данный показатель демонстрирует связность группы. Участники группы общаются не только в группе, но и за ее пределами. Кроме того, участники группы с наибольшим количеством связей формируют ядро группы. В ряде случаев они также становятся лидерами общественного мнения, размещая на своих страницах контент, схожий по тематике, но отличный по фактическому материалу от того, что размещается в группах. Таким образом, рассмотренные группы имеют достаточно стабильную структуру со сложившейся иерархией связей.

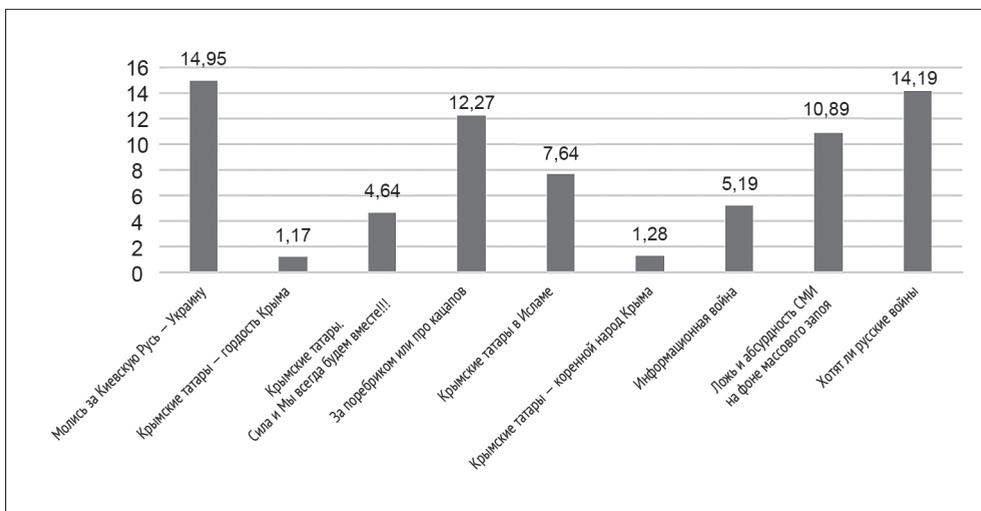

Рисунок 1.
Показатели среднего количества связей в сетевых группах

Также может быть рассмотрен относительный показатель связности. Он отражает связь между количеством пользователей в группе и средним количеством связей между пользователями таких групп. Исходя из этого критерия, могут быть выделены группы с сильной связностью пользователей, а также сообщества, не обладающие сильной связностью. Разделение сообществ представлено на рисунке 2.

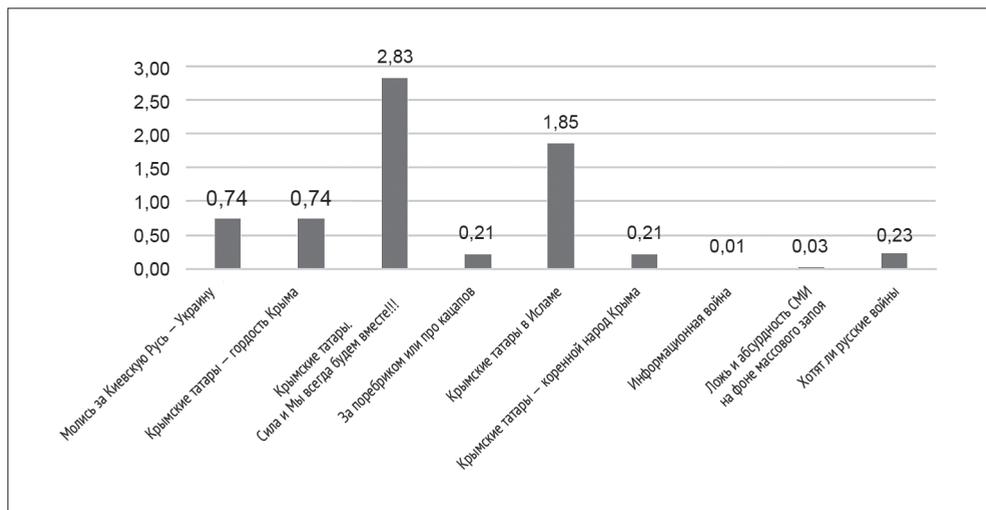
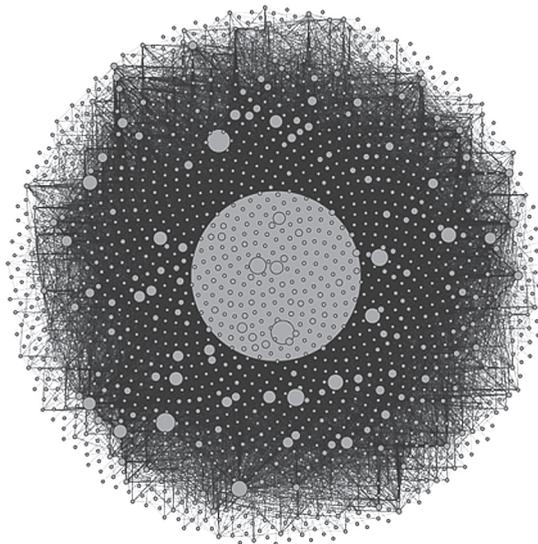

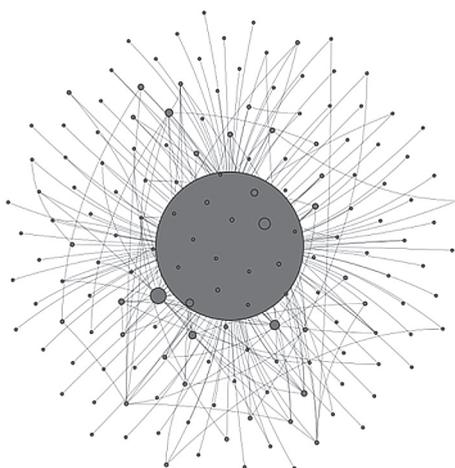
Рисунок 2.
Относительные показатели среднего количества связей в сетевых группах

Для отображения структуры связности групп представляется целесообразным построение графов связности. Представленные графы содержат вершины и дуги. Под вершинами понимаются пользователи таких групп, а под дугами – связи между пользователями. Кроме того, каждой вершине сопоставлен вес. Под «весом» в текущей задаче понимается валовое количество публикуемых пользователем материалов (новостей, комментариев, лайков, репостов). При анализе полученных графов могут быть выделены группы с отдельными центрами «общественного мнения», формирующими повестку таких сообществ. Также выделяются группы с несколькими мелкими центрами общественного мнения. Необходимо отметить, что в большинстве групп единым центром формирования общественного мнения является административное звено группы, публикующее новости от имени сообщества. Исходя из представленного на рисунке 1 распределения, группы разделены на сильно и слабо связанные группы.

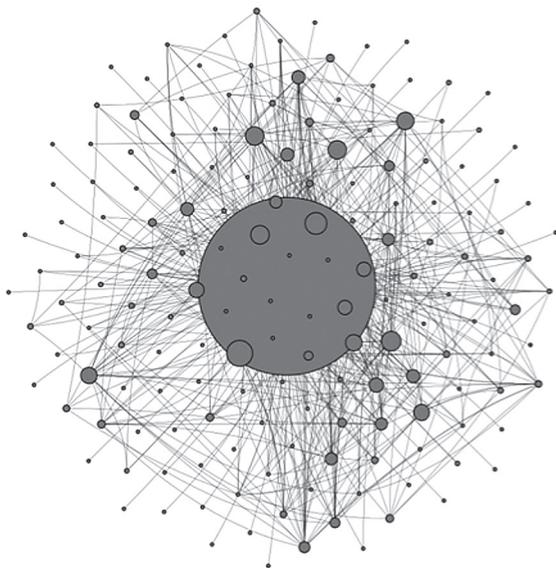
**Рисунок 3. Структура связей группы
«Молись за Киевскую Русь – Украину»**

Группа «Молись за Киевскую Русь – Украину» (Рис. 3) имеет средний показатель связности пользователей. Также наблюдается единый центр формирования общественного мнения в данном сообществе. Может быть констатирована относительно невысокая активность пользователей, хотя заметно достаточное количество пользователей, ведущих активную деятельность в группе.

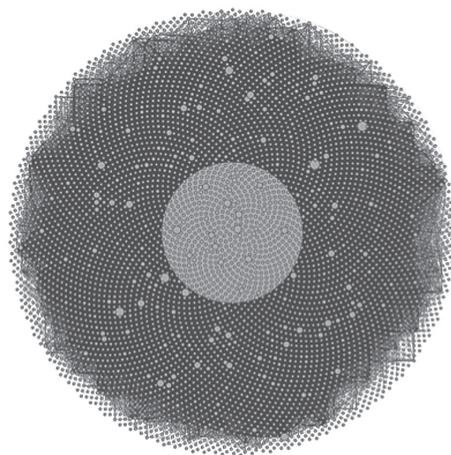
**Рисунок 4. Структура связей группы
«Крымские татары – гордость Крыма»**

В группе «Крымские татары – гордость Крыма» (Рис. 4.) наблюдается незначительное число пользователей, вместе с тем она обладает средним показателем связности пользователей и отличается наличием единого центра формирования общественного мнения. Ее пользователи крайне неактивны, лишь некоторые из них проявляют себя в группе. Подобное разделение может говорить о том, что общение между пользователями данной группы происходит вне группы – в личных и/или коллективных чатах, исходя из достаточно высокого показателя связности группы.

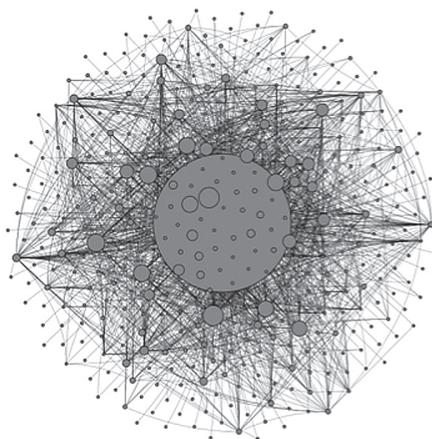
*Рисунок 5. Структура связей группы
«Крымские Татары. Сила и мы всегда будем вместе!!!»*

Для группы «Крымские Татары. Сила и мы всегда будем вместе!!!» (Рис. 5) характерно незначительное число пользователей, в то же время она обладает крайне высоким показателем связности пользователей. В ней содержится достаточно большое количество пользователей, определяющих повестку обсуждений и новостную ленту данной группы. В последнее время активность внутри нее крайне низкая, что в среде высокой связности группы позволяет утверждать о переносе обсуждений из группы в личные и/или коллективные чаты.

**Рисунок 6. Структура связей группы
«За поребриком или про кацапов»**

Показатель связности пользователей группы «За поребриком или про кацапов» (Рис. 6) имеет довольно невысокие значения. Последнее время наблюдается низкая активность как среди ее пользователей, так и в целом группы. Из представленного графа видно, что в ней не так много пользователей, ведущих активную деятельность и формирующих новостную ленту.

**Рисунок 7. Структура связей группы
«Крымские татары в Исламе»**

Значение показателя связности пользователей группы «Крымские татары в Исламе» (Рис. 7) относительно высокие. Большая часть ее новостной ленты состоит из репостов, посвященных аналогичной тематике. Уникальный контент, формируемый ею, незначителен. Исходя из вышеперечисленного, а также достаточно высокой активности пользователей, проявляемой в виде

лайков и комментариев к публикуемым материалам, можно сделать вывод о формировании данной группы как сообщества единомышленников — дискуссионной площадки, что по каким-то причинам не достигается в тех группах, из которых делаются репосты, и которые формируют новостную ленту рассматриваемой группы.

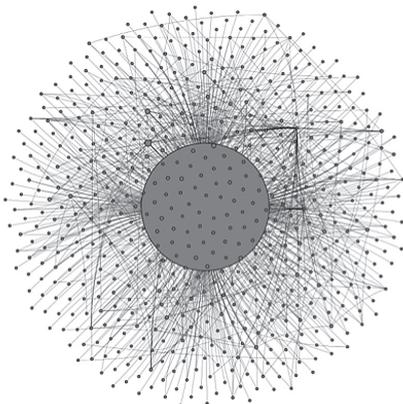

Рисунок 8. Структура связей группы «Крымские Татары — коренной народ Крыма»

Группа «Крымские Татары — коренной народ Крыма», связи которой показаны на рисунке 8, имела наиболее интенсивное функционирование в 2014 году. В настоящее время сообщество обладает относительно небольшим количеством пользователей и имеет низкие показатели связности. Это пример группы, растратившей свой радикальный потенциал без целенаправленной работы по формированию мнений сетевыми лидерами.

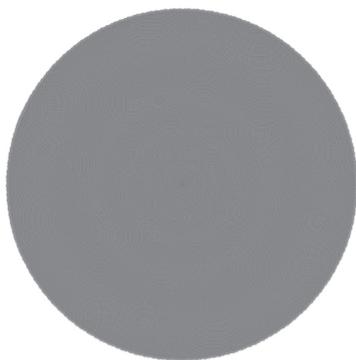

Рисунок 9. Структура связей группы «Информационная война»

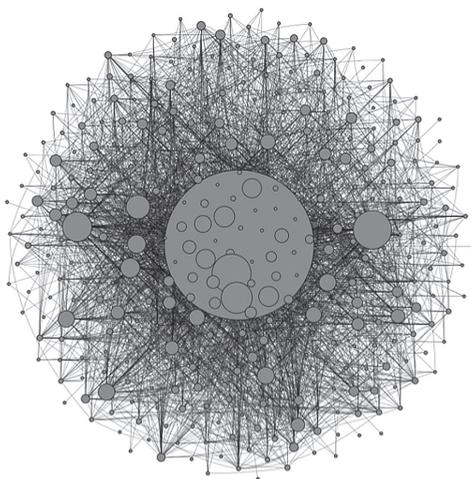
Группа «Информационная война» (Рис. 9) имеет крайне низкий показатель связности пользователей. Формированием новостной ленты в данной группе занимаются пользователи сообщества. В ней наблюдаются оппозиционные (антиправительственные) публикации как антироссийской,

так и антиукраинской направленности. В основном, публикуемые новости имеют характер критики тех или иных решений, принимаемых руководством упомянутых стран.

**Рисунок 10. Структура связей группы
«Ложь и абсурдность СМИ на фоне массового запоя»**

По связности пользователей и формированию новостной ленты группа «Ложь и абсурдность СМИ на фоне массового запоя» (Рис. 10) сходна с предыдущим сообществом. Но отличается от него наличием активных пользователей, публикующих большее количество новостей и чаще других участвующие в конструировании «новостной повестки» сообщества. Чаще всего в группе наблюдаются оппозиционные публикации антироссийской направленности, имеющие характер критики тех или иных решений, принимаемых руководством России. Зачастую пользователями публикуются новости, отражающие мнения «экспертов» о событиях, происходящих на территории Российской Федерации.

**Рисунок 11.
Структура связей группы «Хотят ли русские войны»**

Группа «Хотят ли русские войны» (Рис. 11) располагает довольно низким показателем связности пользователей. Графы показывают значительное число центров формирования общественного мнения, создающих новостную ленту сообщества. В группе наблюдается яркая антироссийская риторика и широко используется украинский язык.

* * *

Подытоживая анализ наиболее влиятельных и/или активных сетевых групп, нацеленных на антироссийскую риторика и обсуждающих проблемы Крыма, можно отметить, что для них характерно 2 основных типа связей:

горизонтальные связи с полным отсутствием явных лидеров или очень небольшим числом активно публикующих сообщения участников (Рис. 1 и 2). Для этих сетевых групп характерна наименьшая плотность связей — в среднем — не более 8.

другой тип связей представлен в группах, показанных на рисунках 3–8 и 10. Эти структуры связей отличаются наличием большого числа лидеров мнений, вокруг которых образуются микросообщества с интенсивной коммуникацией, и довольно большой плотностью связей — в среднем этот показатель имеет значение 13.

Таким образом, в наиболее влиятельных группах антироссийской направленности действуют 2 типа механизмов распространения идей: горизонтальный, представляющий собой паритетные связи единомышленников, не объединенных явно выраженными лидерами мнений, и вертикальный, заключающийся в выстраивании влиятельными лидерами интенсивной целенаправленной коммуникации.

Заключение

Исследования выявили триггеры развития в сетевых группах, обсуждающих проблемы Крыма, и использующих антироссийскую и антиправительственную риторика: кризисные события на Юго-востоке Украины; официальные заявления представителей западных государств о «российской агрессии», усилении санкционного режима против Российской Федерации; освещение в новых медиа актов поддержки западными государствами украинской позиции разрыва экономических, культурных, социальных связей с российским обществом и противостояния российскому государству.

Тематические контексты анализируемых групп чаще всего отражаются в дискурсивных практиках, связанных с паттернами «российская агрессия», «российское вторжение», «российский терроризм», «российский вандализм», «аннексия Крыма»: «российская оккупация», «нарушение гражданских прав в Крыму».

В группах оппозиционной направленности чаще всего применяются приемы формирования негативных установок у российских пользователей

лей, в первую очередь, у крымчан и севастопольцев в отношении позиции российского правительства по полуострову посредством распространения стереотипных представлений о действиях российской власти, упрощения и примитивизации мотивов ее представителей. Это обеспечивает риск развития у российской пользовательской аудитории иррациональных, аффективных, неконвенциональных аттитюдов. Одним из средств повышения социальной напряженности является фактор «уязвимых социальных групп» и, прежде всего, этнических общностей; используются механизмы «стигматизации» положения крымских татар, наклеивания «ярлыков» притеснения этнических общностей в Крыму и Севастополе.

Наиболее влиятельные оппозиционные сетевые силы, нацеленные на деконсолидацию российского общества, используют приемы формирования сетевых групп вертикальной направленности. В них лидеры мнений целенаправленно и авторитарно формируют антиправительственные установки, усиливают мобилизационный потенциал участников сообщества, повышая их связность декларацией единства интересов общностей, «чьи интересы уязвлены действующей властью».

Задачи консолидации общества и преодоления вызовов коммуникационного пространства, связанных с риском социальной дестабилизации, требуют применения поэтапной технологии противодействия в цифровой среде. Прежде всего, необходимо осуществлять мониторинг аккаунтов в социальных сетях учащихся учебных заведений, выявлять онлайн-сетевые группы, вовлеченные в экстремистские, националистические и террористические сообщества, проводить психолого-педагогическое сопровождение представителей молодого поколения, осуществлять их цифровую навигацию. Кроме того, новым медиа, политическим партиям и объединениям гражданского общества важно формировать и распространять альтернативные конструктивные социально-медийные потоки, противостоящие массивам сообщений, не соответствующих целям социального развития и ставящих под угрозу единство и согласие в российском обществе.

Методами противодействия деструктивной позиции, выявленной в ходе анализа социальных сетей, могут быть следующие:

- формирование положительной повестки дня, освещающей различные позитивные явления, связанные с воссоединением страны. При этом подобные новости должны быть интересны различным возрастным, гендерным и другим категориям населения. Для их распространения должны быть определены наиболее часто используемые пути получения информации каждой категорией граждан.

- анализ аккаунтов пользователей-подписчиков сообществ, в которых публикуются новости, направленные на социальную дестабилизацию и развитие дезинтеграционных процессов на полуострове. В первую очередь, должна быть проведена сегментация таких групп и определение в их составе реальных пользователей социальных сетей. Затем должны быть выделены

общие паттерны поведения таких пользователей. Понимание особенностей их поведения позволит формировать на них таргетированное воздействие с целью привлечения их внимания к позитивным новостям, связанным с воссоединением страны.

Перспективы настоящего исследования могут быть связаны, прежде всего, с разработкой словарей маркеров для аккумуляции социально-медийных сообщений украинских медиа о проблемах развития Крыма на украинском и крымско-татарском языках, что позволит проанализировать приемы, используемые украинскими сетевыми лидерами для мобилизации дезинтеграционных установок этнических украинцев и крымских татар и разработать предложения по противостоянию данному деконсолидирующему влиянию в сетевом пространстве.

Перспективой анализа также может стать глубокий и широкий охват социальных сетей с целью выявления сообществ, коммуницирующих на украинском и крымско-татарском языках о проблемах Крыма и направленных на социальную дестабилизацию и развитие дезинтеграционных процессов на полуострове.

Список литературы

1. Beck U. World at Risk. Cambridge: Polity Press, 2009.
2. Тоффлер Э. Третья волна = TheThirdWave, 1980. М.: АСТ, 2010.
3. The Network Society: From Knowledge to Policy /Ed. By M. Castels. N.-Y.: Center for Transatlantic Relations, 2006.
4. McLuhan M., Hutchon K., McLuhan E. City as Classroom: Understanding Language and Media. The Book Society of Canada Limited, 1977.
5. Mack J. The World is a Dangerous Place: Images of the Enemy on Children's Television // The Psychology of War and Peace. New York, 1991.
6. Gerbner G. The Image of Russians in American Media and the "New Epoch"// Beyond the Cold War. Soviet and American Media Images. Newbury Park, 1991.
7. Dower J.W. War Without Mercy: Race and Power in the Pacific War. New York, 1986.
8. Шиллер Г. Манипуляторы сознанием. М.: Мысль, 1980.
9. Nolan R. L. The Strategic Potential of Information Technology. // Financial Executive 7. 1991. N 4. P.25–27.
10. Fogg B.J. Mobile Persuasion / B.J. Fogg, D. Eckles. Stanford, CA: Persuasive Technology Lab. 2008.
11. Шмидт Э., Коэн Дж. Новый цифровой мир. М.: Изд-во Манн, Иванов и Фербер. 2013.
12. Epstain R. An Island for Itself: Economic Development and Social Change in Late Medieval Sicily. Oxford: Exeler College, 2003.
13. Рейнгольд Г. Умная толпа: новая социальная революция / [пер. с англ. А. Гарькавого]. Москва: Изд.-торговый дом ГРАНД: Фаир пресс, 2006.
14. Blatter J. Beyond Hierarchies and Networks: Institutional Logics and Transboundary Spaces // Governance: An International Journal of Policy Administration Institutions. 2003. Vol. 16. N 4. P. 17–28.

15. Latour B. Reassembling the Social: An Introduction to Actor-Network-Theory. 1st ed. N.Y.: Oxford University Press, 2005.
16. Nye J. Cyber Power. Cambridge: Belfer Center for Science and International Affairs, 2010.
17. Friedman T. The Lexus and the Olive Tree. N.Y.: Farrar Straus and Giroux, 1999.
18. Laclau E., Mouffe C. Hegemony and the Socialist Strategy. London: Verso. Google Scholar, 1985.
19. Alker H. Rediscoveries and Reformulations. Humanistic Methodologies for International Studies. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.
20. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: УРСС Эдиториал, 2004.
21. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2017. N 5. С. 79–104.
22. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Чередник А.В. Состояние и динамика русскоязычных потоков о межнациональных и межрелигиозных отношениях в Крыму и Севастополе: киберметрия и дискурс-анализ сообщений социальных медиа Рунета // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. N 4. С. 23–35.
23. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н. Коммуникационная структура украинских социально-медийных потоков о развитии Крыма в составе РФ: социально-медийная аналитика и дискурсивный анализ // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). 2018. N 4. URL:<https://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/923>.

ПЕРСПЕКТИВЫ ПРАВЫХ ПОПУЛИСТОВ В НОВОМ СОСТАВЕ ЕВРОПАРЛАМЕНТА (2019–2024)

***Аннотация.** В статье обсуждаются перспективы право-популистских партий в девятом составе Европейского парламента (2019–2024). На сегодня в Европарламенте представлены три евроскептические фракции, составляющие порядка 20 процентов от общего числа евродепутатов. Согласно прогнозам, цифра может подняться до 30 процентов. Неясно, смогут ли евроскептики преодолеть внутренние противоречия и объединиться в одну фракцию. Тем не менее, националистические и антииммигрантские настроения в европейских странах, скорее всего, будут расти, а, следовательно, правые популисты будут в значительной степени определять ключевые политические тренды в Европейском союзе.*

***Ключевые слова:** евроскептицизм, популизм, крайне-правые, национализм, Европейский парламент, европейская политика.*

PROSPECTS OF RIGHT-WING POPULISTS IN THE EUROPEAN PARLIAMENT (2019–2024)

***Abstract.** The paper contemplates the prospects of right-wing populist parties in the ninth composition of the European Parliament (2019–2024). As of now, there are three eurosceptic fractions in the EP constituting around 20%. According to various projections, the number could rise up to 30% in the coming elections. It's unclear whether the eurosceptics will be able to overcome contradictions and establish a united fraction. Nevertheless, nationalist and anti-mass migration sentiments in European states will likely grow, hence right-wing populists will to a great extent define the key political trends in the EU.*

***Keywords:** Euroscepticism, populism, far-right, nationalism, European Parliament, European politics.*

23–26 мая 2019 года состоятся очередные выборы в Европейский парламент — в девятый раз, начиная с первых прямых выборов, состоявшихся в 1979 года, 27 стран Европейского союза будут выбирать своих представителей. Согласно прогнозам [1], новый состав парламента будет отражать общую тенденцию европейской и, если шире, западной политики последних лет: сужение влияния традиционных (истеблишментарных) право- и левоцентристских сил вкуже с усилением обоих крайних секторов поли-

тического поля, преимущественно правого [2]. Данный тренд в настоящее время находится в центре внимания и академических исследователей, и политических комментаторов. Среди причин политического смещения называют как объективные факторы, связанные с проблемами глобализации, миграции и медленным выходом из мирового экономического кризиса 2008 года, так и сознательные усилия отдельных государств, прежде всего России и, в меньшей степени, Китая, направленные на дестабилизацию либерально-демократического Запада [3; 4; 5; 6].

* * *

Изначально евроскептицизм считался сугубо британским явлением, связанным с существенной оппозицией внутри значительной части политического спектра страны по отношению к присоединению к континентальному интеграционному проекту, начатому как Европейское объединение угля и стали (1952), продолженному как Европейское экономическое сообщество (1957) и, собственно, Европейский союз (1993). Через два года после формального вступления Великобритании в ЕЭС (в 1975 году) в стране, где так и не было достигнуто консенсуса относительно европейской интеграции, прошел референдум о необходимости сохранения членства Британии в общеевропейской организации. Тогда две трети участников голосования страны поддержали продолжение ее членства в Европейском экономическом сообществе [7].

Собственно общеевропейским явлением евроскептицизм начал становиться в начале 1990-х годов, что было связано с усилением европейской интеграции и внесением в экономический проект элементов политического союза. Переформатирование Европы из конгломерата национальных государств в федерацию было в первоначальных планах «отцов-основателей» Европейского проекта Р. Шумана и Ж. Монне. Волна континентального, как и британского евроскептицизма в обозначенный период была связана с Маастрихтским договором 1992 года, предполагавшим усиление наднационального элемента интеграционного проекта (единая валютно-денежная политика, переход к евро, координация общей внешней и оборонной политики, создание Европейского центрального банка и наделение большими полномочиями Европейской комиссии и Европейского парламента). Вторая волна — с непризнанием общеевропейской конституции, которая, согласно Римскому договору 2004 года, должна была зафиксировать переход к европейской федерации. Договор не вступил в силу, так как против его ратификации проголосовали граждане Франции и Нидерландов на референдумах в 2005 года. Несмотря на результаты волеизъявления французов и нидерландцев, в 2007 году лидеры ЕС подписали не требующий референдума Лиссабонский договор, ставший «облегченной» заме-

ной европейской конституции и включавший, в частности, положения о новом порядке функционирования институтов Европейского Союза.

В 2004 году прошло крупнейшее разовое расширение ЕС. В объединение были приняты десять новых членов, преимущественно посткоммунистических государств Центральной и Восточной Европы. Расширение проекта за пределы собственно «западного» мира вызвала существенное недовольство в странах «старой» Европы, опасавшихся наплыва готовых работать за меньшие деньги восточноевропейских рабочих, на которых должна была также распространяться и устоявшаяся система социальной защиты процветающих западных государств.

Экономическое беспокойство европейцев усилилось в контексте мирового финансового кризиса 2008 года, когда формально относящиеся к единой зоне евро страны Евросоюза оказались в разной степени затронуты неурядицами. Произошло неформальное разделение на Север и Юг, или центр и периферию ЕС, причем более экономически устойчивые государства севера должны были, как считалось, спасти терпящие бедствие страны юга. При этом на самом юге процедуры «спасения» воспринимались зачастую как попытка экономического закабаления со стороны севера, преимущественно ассоциировавшегося с Берлином — неформальным центром Европейского союза.

Финальная и, как представляется, наиболее сильная и долгая волна евроскептицизма связана с миграционным кризисом, начавшимся в 2015 году. Проблемы с интеграцией все увеличивающегося количества инокультурных, преимущественно мусульманских, мигрантов в европейских странах начались существенно раньше [8; 9]. Вместе с тем единоразовое прибытие более чем миллиона мигрантов, причем фактически санкционированное со стороны руководства Германии, вызвало недовольство и ощущение предательства собственных элит со стороны значительного числа европейских граждан даже в странах, не задетых миграционными потоками, например, в Польше и Словакии. Вопросы национальной и цивилизационной идентичности, до этого частично табуированные на Западе, стали все более актуальными в общем политическом дискурсе [10; 11], а концепция Сэмюэля Хантингтона о столкновении цивилизаций [12] стала обретать актуальность.

Определенную роль в росте евроскептицизма сыграл также украинский кризис и обострение отношений между ЕС и Россией. В возникновении кризиса на Украине европейские оппоненты Брюсселя винят, прежде всего, стремящуюся к экспансии интеграционного проекта «брюссельскую бюрократию», фактически поддержавшую государственный переворот на Украине [13]. Большинство правых евроскептиков при своем весьма различном отношении к России считают санкционное противостояние с Мос-

квой невыгодным для европейцев и обвиняют Брюссель в нежелании идти на компромиссы и восстанавливать взаимовыгодные отношения с Россией, особенно касающиеся торговли, энергетической сферы и борьбы с международным терроризмом [14].

* * *

Евроскептицизм в основном относится к правому спектру политического поля, однако существуют и левые евроскептики, критикующие ЕС, прежде всего, за навязываемую Брюсселем политику жесткой экономики и тенденцию к сужению социальных гарантий. Левые евроскептики представляют, в основном, страны юга Европы, — это испанский «Подemos» и правящая греческая партия «Сириза» [15]. Правые евроскептики шире представлены в Европейском парламенте и органах власти европейских государств, сегодня в известной мере и они задают общеевропейские политические тренды [16]. Правые популисты находятся у власти или входят в правящие коалиции в таких странах, как Австрия, Болгария, Венгрия, Италия, Польша, Финляндия и Чехия. После британского референдума 2016 года о выходе из ЕС и избрания популиста Дональда Трампа президентом США евроскептицизм и в целом правый тренд стали «новой нормой» западного мира [17].

Евроскептики делятся, помимо правых и левых, также на жестких (hard) и реформистских (soft). Если первые настроены на выход своих стран из Европейского союза, который они считают изначально провальным проектом, то реформисты в целом принимают идею европейской интеграции, однако убеждены, что ЕС должен быть серьезно перестроен: трансформация Европейского проекта должна идти по линии возвращения значительной части полномочий от Брюсселя на уровень национальных государств, прежде всего в том, что касается миграционной политики, экономических и монетарных вопросов. Весьма популярна идея отказа от евро и возвращения к национальным валютам [18] или создания двух типов евро, соответствующих двум скоростям экономического развития государств ЕС — Севера и Юга.

В Европейском парламенте восьмого созыва (2014–2019) присутствуют три евроскептические фракции: жесткие «Европа наций и свободы» (Europe of Nations and Freedom) и «Европа свободы и прямой демократии» (Europe of Freedom and Direct Democracy) и группа мягких евроскептиков «Европейские консерваторы и реформисты» (European Conservatives and Reformists). «Европа наций и свободы» была создана в 2015 году и включает в себя французское «Национальное объединение» (бывший «Национальный фронт»), Австрийскую партию свободы, бельгийский «Фламандский интерес», итальянскую «Лигу», нидерландскую Партию

свободы, польский Конгресс новых правых и немецкую Синюю партию (отделившуюся от «Альтернативы для Германии» в 2017 г.). Во фракции 35 депутатов, что составляет 5 процентов от общего числа парламентариев. Фракцией руководят два сопредседателя — Николя Бэ из «Национального объединения» и Марсель де Грааф, представляющий Партию свободы.

Фракция «Европа свободы и прямой демократии» существует еще с седьмого состава Европейского парламента (2009–2014). Тогда она называлась короче — «Европа свободы и демократии» (Europe of Freedom and Democracy). Лидирующей партией здесь является Партия независимости Соединенного Королевства (UKIP), которая была одним из «моторов» Brexit. Также во фракции представлены «Альтернатива для Германии», итальянское «Движение пяти звезд», чешская Партия свободных граждан, ряд небольших партий, отколовшихся от французского «Национального фронта», литовский «Порядок и справедливость» и польская «Вольность». Во фракции 43 депутата, это — 6 процентов от числа европарламентариев. Фракцию возглавляет экс-лидер UKIP Найджел Фарадж.

Мягко-евроскептическая фракция «Европейские консерваторы и реформисты» также существует с 2009 года. Ее создание было связано с переходом британской Консервативной партии и ее тогдашнего лидера Дэвида Кэмерона на евроскептические позиции, что привело к выходу партии из проевропейской фракции «Европейская народная партия» (European People's Party). Также во фракции представлены Датская народная партия, Партия финнов, бельгийский «Новый фламандский альянс», польское «Право и справедливость», чешская Гражданская демократическая партия, немецкие «Либерально-консервативные реформисты» и ряд других партий, в том числе «Шведские демократы», вышедшие в 2018 году из «Европы свободы и прямой демократии». Во фракции 73 депутата, что составляет 10 процентов членов Европейского парламента. Фракцию возглавляет представитель британских консерваторов Саид Камаль.

Вместе с тем имеются право-популистские партии, которые существуют вне собственно евроскептических групп. К таким партиям относится, прежде всего, венгерский «Фидес», находящийся в правоцентристской и проевропейской Европейской народной партии, самой большой фракции в Европарламенте. Радикально-националистические партии, такие как Национал-демократическая партия Германии и венгерский «Йоббик», имеющие по одному евродепутату, и греческая «Золотая заря» с двумя депутатами, находятся вне фракций.

* * *

За две последние декады поддержка правых популистов в Европе увеличилась втрое. Так, в 1998 году в 31 европейской стране популисты в сред-

нем набирали на выборах различного уровня 7 процентов, а в 2018 году — уже около четверти голосов. Правый тренд начался несколько лет назад в Восточной Европе, а затем стал продвигаться западнее [19].

Вместе с этим в рамках общеевропейских выборов существует тренд на снижение уровня явки. Количество голосующих на выборах в Европейский парламент снижается с конца 1970-х годов. Так, в 1979 году явка составила 62 процента, а в 2009 и 2014 годах — 43 процента. Низкая явка обычно приводит к увеличению процента голосов за крайние политические силы (сторонники крайних позиций обычно голосуют активнее, чем конформистски настроенные граждане), которые, как правило, получают на общеевропейском уровне больше голосов избирателей, чем на национальном. Так, на выборах в Европарламент в 2014 году первым среди британских партий стал право-популистский UKIP (26,6% голосов), среди датских — Датская народная партия (26,6%), среди французских — «Национальный фронт» (24,9%).

Несоответствие голосов на общеевропейских и национальных выборах связано с рядом факторов. Прежде всего речь идет о двух моментах: о специфике восприятия Европарламента рядовыми избирателями и об особенностях электоральной системы на общеевропейских выборах. Европейские избиратели не всегда понимают, какие решения принимает Европарламент, поэтому на национальных выборах, они, проявляя консерватизм, могут позволить себе большую свободу выбора: голосуют за немейнстримовые, крайние партии на тех выборах, результаты которых, по их мнению, не сказываются сколько-либо серьезно на их жизни.

Выборы в Европарламент проходят по пропорциональной системе в отличие, например, от сложных мажоритарных систем национальных выборов в таких странах, как Великобритания и Франция. Низкая представленность правых популистов в национальных парламентах последних во многом связана со спецификой мажоритарных систем, когда избиратели, не желая, чтобы их голоса, отданные за антиистеблишментарные партии, были разделены между партиями истеблишмента, изначально голосуют за заведомо проходные политические силы.

Выборы в Европарламент IX созыва состоятся менее чем через два месяца после даты выхода Великобритании из ЕС, намеченной на 29 марта 2019 года. В настоящее время за Великобританией закреплены 73 места в Европейском парламенте. После Brexit 27 из них будут разделены между 27 странами-членами ЕС, а оставшиеся 46 будут сокращены. В итоге парламент уменьшится с 751 до 705 мест.

Вице-премьер Италии и лидер право-популистской партии «Лига» Маттео Сальвини назвал предстоящие выборы «референдумом, где избиратели будут выбирать между Европой элит, банков, финансистов, им-

мигрантов и безработицы и Европой народов и труда» [20]. По мнению венгерского премьера, лидера право-консервативного «Фидеса» Виктора Орбана, новые выборы — повод попрощаться «не только с либеральной демократией, но со всей элитой 1968 года» (имеется в виду год леворадикальных протестов в Париже и других европейских столицах, знаменовавших собой, по мнению правых, серьезное «полевение» европейского политического ландшафта в последующие декады) [21].

Сегодня в Европейском парламенте представлено восемь фракций и политических групп. До 1999 года крупнейшей из них было объединение социалистов и демократов (Progressive Alliance of Socialists and Democrats), после пальму первенства перехватила правоцентристская Европейская народная партия. Вместе с тем большая проевропейская коалиция право- и левоцентристов до настоящего времени занимала большинство в Европейском парламенте и определяла общее направление европейской политики на этом уровне. В частности, консенсусом выбирался президент Европарламента и одобрялись кандидатуры на иные должности.

Согласно соцопросам, в Европарламенте IX созыва ситуация изменится. Право- и левоцентристы потеряют до 20 процентов голосов и тем самым лишатся комфортного большинства, хотя и останутся большинством относительным [22]. Проблемы у партий истеблишмента связаны, в частности, с уходом британских лейбористов (у левоцентристов) и неопределенностью с партией «Фидес» (у правоцентристов).

* * *

Рассмотрим подробнее прогнозы по существующим евроскептическим фракциям. «Европа наций и свободы», согласно различным соцопросам, получит 51–62 места (7–9%) [23; 24; 25; 26]. Рост фракции может происходить, в первую очередь, за счет популярности партии «Лига» (М. Сальвини даже прочат на пост президента Европейской комиссии [27], хотя такой сценарий представляется маловероятным) и возможного раскола в других евроскептических фракциях, часть депутатов из которых присоединятся к «Европе наций и свободы». Кроме того, к фракции могут примкнуть новые партии, если им удастся впервые попасть в Европарламент. В частности, речь идет о чешской «Свободе и прямой демократии», болгарской «Воле», греческих «Новых правых» и испанский партии Vox [28]. Сальвини также ведет переговоры с польской правящей партией «Право и справедливость», которая в настоящее время находится во фракции «Европейские консерваторы и реформисты» [29].

Судьба фракции «Европа свободы и прямой демократии» представляется менее определенной. Исследователи прочат ей 45–50(7%) [30; 31] и даже 90 (13%) мест [32], при этом некоторые комментаторы, напротив, го-

ворят о возможности ликвидации фракции из-за невозможности набрать необходимое количество депутатов из семи стран ЕС, как того требует регламент Европарламента [33]. Пессимистические прогнозы связаны, прежде всего, с тем, что с Brexit Европарламент покинет британский UKIP и его харизматичный экс-лидер Н. Фарадж. Кроме того, фракцию уже покинули «Шведские демократы» и, возможно, покинет еще итальянское «Движение пяти звезд». С другой стороны, если итальянцы останутся во фракции, это сможет обеспечить ее рост, как и достаточно высокая популярность «Альтернативы для Германии», если партия решит остаться во фракции. Если популистское «Движение пяти звезд» останется во фракции, то оно может даже претендовать на ее лидерство. При этом в конкурирующей «Европе наций и свободы» первенство может перейти к «Лиге», что создаст ситуацию, способствующую слиянию с фракцией «Европа свободы и прямой демократии», если в ней в лидерах будут «звезды».

Обе партии являются партнерами по правительственной коалиции в Италии, поэтому логичным представляется и их объединение в рамках одной фракции в Европейском парламенте [34]. Некоторые эксперты обращают внимание на то, что при усилении итальянской составляющей в евроскептических фракциях Европарламента, парадоксальным образом будет ослабевать посыл «жестких» евроскептиков, стремящихся к выходу своих стран из ЕС. При всей критике в адрес Брюсселя, Италия остается страной, которая является netto-получателем помощи Европейского союза, а значит, поддержка итальянскими политическими силами, тем более входящими в правительственную коалицию, кардинального антиевропейского курса маловероятно [35].

«Европейские консерваторы и реформисты», согласно опросам, смогут получить 46–50 мандатов (7%) [36; 37]. Факторы снижения для фракции — уход британских консерваторов и, возможно, переход польского «Права и справедливости» в другую фракцию. Рост же возможен за счет «Движения пяти звезд» и «Шведских демократов», однако до выборов, скорее всего, останется неясным, к какой фракции примкнут эти партии [38]. Как и «Европа свободы и прямой демократии», «Европейские консерваторы и реформисты» были созданы британской политической силой (UKIP и консерваторами соответственно), и неясно, будет ли политический или практический смысл в сохранении данных фракций после Brexit.

Проевропейская фракция «Европейская народная партия» сохранит свое относительное большинство, но потеряет определенный процент голосов. Среди причин потери голосов называется, в частности, возможный раскол, связанный со все более евроскептическим и суверенистским венгерским «Фидесом» [39]. В начале осени 2018 года Европарламент одобрил штрафную процедуру в отношении Венгрии из-за нарушения Буда-

пештом принципов правового государства и, в частности, притеснения неправительственных организаций. Около половины фракции «народников» одобрили штрафные меры против Венгрии. В ответ депутаты от «Фидеса» смогут покинуть фракцию в следующем созыве Европарламента.

Венгерская партия не останется без фракции. Так, к В. Орбану уже обратился лидер «Европы свободы и прямой демократии» Н. Фарадж с предложением присоединиться к фракции. Такое же предложение поступило и от представителей «Европы наций и свободы» [40]. Пока В. Орбан отказался покидать свою фракцию, хотя в дальнейшем обстоятельства могут подтолкнуть венгерского премьера к изменению своего решения. С одной стороны, в идеологическом отношении «Фидес» сегодня стоит на той же платформе, что и правые евроскептические фракции, — с «Европейской народной партией» у него мало общего. С другой стороны, будучи правящей партией в Венгрии, покидать крупнейшую фракцию Европарламента и присоединяться к меньшей и не имеющей пока возможности выбиться в лидеры политической группе, было бы неосмотрительно. Вместе с тем и у руководства правоцентристской фракции выбор сложный: «Фидес» явно идет вразрез с политическими установками «народников», но, в то же время, «отпускать» эту партию к правым популистам, и так имея снижение электоральной поддержки, фракции не хотелось бы. «Фидес» был бы серьезной потерей для «Европейской народной партии», но также и огромным приобретением для любой из евроскептических фракций.

* * *

Накануне выборов в Европейский парламент IX созыва истеблишмент в ключевых европейских странах находится не в лучшей позиции для предвыборной гонки, что связано как с апатией избирателей [41], так и с общими кризисными тенденциями в Старом свете. Выход Британии из ЕС оказался сложным и болезненным процессом, который может затянуться на годы. Во Франции президент Эммануэль Макрон бьет национальные рекорды антирейтинга популярности, а недовольство его налоговой политикой сближает правую и левую оппозицию. В Германии растет недовольство канцлером Ангелой Меркель даже после того, как она объявила о том, что после нынешнего срока уйдет из политики. Вместе с тем государства, где у власти находятся правые популисты, прежде всего Италия и Венгрия, как представляется, чувствуют себя более чем комфортно, а их лидеры только набирают популярность на национальном и международном уровне. Популизм диктует свою повестку [42].

Истеблишмент теряет большинство голосов, но не проигрывает. Популисты же приобретают голоса, но не выигрывают, по крайней мере, в рам-

ках Европарламента. Правый популизм — по своей природе гетерогенная антиистеблишментарная идеология или, если иначе, — форма политического поведения. Запрос на националистическую повестку, как минимум, не снижается. Несмотря на то, что европейские лидеры еще в 2010–2011 годах, то есть до масштабного миграционного кризиса, признали, что политика мультикультурализма не сработала [43; 44; 45], взамен европейцам не было предложено ничего определенного. Более того, признавая неудачу построения мультикультурного общества канцлер А. Меркель сама «открыла двери» Германии и Европы новым инокультурным экономическим мигрантам и беженцам в 2015 году.

Правые популисты традиционно используют платформу Европейского парламента не для законотворческой деятельности, а для донесения своей позиции до большего числа избирателей. Присутствуя в Европарламенте, они скорее работают на внутреннюю аудиторию своих стран. Учитывая планируемое расширение полномочий общеевропейского законодательного органа [46], евроскептики, оставаясь при своих позициях относительно Европейского проекта как такового, могут начать проявлять большую активность и в законотворчестве. Поскольку новый состав Европарламента станет более разнообразным и большая коалиция право- и левоцентристских проевропейских фракций не сможет одна принимать все ключевые решения, у малых политических групп появится возможность играть более значимую роль в данном институте.

Вопрос о перспективах объединения правых популистов в одну относительно гомогенную фракцию остается открытым. С точки зрения возможности участия в работе Европейского парламента, большая фракция целесообразна. Кроме того, чем больше фракция, тем с большей вероятностью она сможет притягивать отдельных депутатов из других политических групп, не разделяющих позиции своих фракций. В случае сохранения раздробленности евроскептиков на три малые фракции с минимальным влиянием, переход в них из больших фракций будет существенно менее привлекательной опцией для политических диссидентов Европарламента.

С другой стороны, между евроскептическими партиями, образующими фракции, остаются разногласия по ряду принципиальных моментов, связанных, в частности, с будущим евро, с вопросом о квотах на прием мигрантов для различных стран ЕС, с отношением к экономическому протекционизму, к НАТО и США, а также к антироссийским санкциям [47; 48]. Несмотря на то, что евроскептики не предрасположены воспринимать Европейский парламент как серьезный и легитимный орган наднационального управления, для многих из них даже формальное вхождение в одну фракцию с партиями, с которыми имеются расхождения по важным для

политиков вопросам, неприемлемо ввиду возможных негативных последствий для собственного имиджа на национальном уровне. При интернационализации популистской повестки национализм остается национальным явлением.

Список литературы

1. Baume, de La M. Populist plan for 2019 election puts EU in crosshairs // Politico. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/populist-plan-for-2019-election-puts-eu-in-cross-hairs/>.
2. Lehne S., Grabbe H. 2019 European Parliament elections will change the EU's political dynamics // Carnegie-Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://carnegieeurope.eu/2018/12/11/2019-european-parliament-elections-will-change-eu-s-political-dynamics-pub-77922>.
3. Вайнштейн Г.И. Современный популизм как объект политологического анализа. — Полис. Политические исследования. 2017. № 4. С. 69–89.
4. Goldberg J. Suicide of the west: how the rebirth of tribalism, populism, nationalism, and identity politics is destroying American democracy. New York: Crown Forum, 2018.
5. Judis J. The populist explosion: how the great recession transformed American and European politics. Columbia, Global Reports, 2017.
6. Snyder T. The road to unfreedom: Russia, Europe, America. New York: T. Duggan, 2018.
7. Gifford C. The making of Eurosceptic Britain. UK: Ashgate, 2008.
8. Саррацин Т. Германия. Самоликвидация. М.: Рид групп, 2012.
9. Phillips M. Londonistan: how Britain is creating a terror state within. London: Encounter Books, 2007.
10. Fukuyama F. Identity: the demand for dignity and the politics of resentment. New York: Farrar, Straus and Giroux, 2018.
11. Lilla M. The once and future liberal: after identity politics. New York: Harper, an imprint of Harper Collins Publishers, 2017.
12. Huntington S. The clash of civilizations and the remaking of world order. New York: Simon & Schuster, 1996.
13. Бышок С.О. Оценка украинского кризиса евроскептическими партиями ЕС // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). 2018. № 2. [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.evestnik-mgou.ru.
14. Бышок С.О. Русские в риторике правых популистских партий Западной Европы // Вестник российской нации. 2018. № 2. С. 210–223.
15. Mudde C. Syriza: the failure of the populist promise. Cham, Switzerland : Palgrave Macmillan, 2017.
16. Wagnerand M., Meyer T. Decades under influence // Foreign Affairs. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.foreignaffairs.com/articles/western-europe/2018-04-04/decades-under-influence>.
17. Mudde C. How populism became the concept that defines our age // The Guardian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/nov/22/populism-concept-defines-our-age>.

18. Саррацин Т. Европе не нужен евро. М.: Neoclassic, АСТ, 2015.
19. Support for populists in Europe tripled in past 20 years – report // Sputnik. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://sputniknews.com/europe/201811201069978633-populists-support-europe/>.
20. Rankin J. How rising populism could shake up European elections // The Guardian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/28/how-rising-populism-could-shake-up-european-elections>.
21. Rankin J. How rising populism could shake up European elections // The Guardian. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.theguardian.com/world/2018/dec/28/how-rising-populism-could-shake-up-european-elections>.
22. Stone J. Europe’s centre-left parties poll below 20% for the first time ahead of EU elections // The Independent. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.independent.co.uk/news/uk/politics/european-parliament-elections-2019-polls-centre-left-eu-brussels-latest-angela-merkel-a8608261.html>.
23. European Elections 2019 – Pollofpolls // Politico. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.eu/interactive/european-elections-2019-poll-of-polls/>.
24. Psaledakis D., Macdonald A. Polls suggest far-right to gain ground in 2019 EU vote // Reuters. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-eu-election-polls/polls-suggest-far-right-to-gain-ground-in-2019-eu-vote-idUSKCN1LS16F>.
25. Subirà I.I. Projection for 2019 European elections // The New Federalist. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thenewfederalist.eu/projection-for-2019-european-elections-projection>.
26. Subirà I.I. Spitzenkandidaten and projections for the Europeane lection 2019 // The New Federalist. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thenewfederalist.eu/spitzenkandidaten-and-projections-for-the-european-election-2019>.
27. Lehne S., Grabbe H. 2019 European Parliament elections will change the EU’s political dynamics // Carnegie-Europe. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://carnegieeurope.eu/2018/12/11/2019-european-parliament-elections-will-change-eu-s-political-dynamics-pub-77922>.
28. Vaume, de La M. Populist plan for 2019 election puts EU in crosshairs // Politico. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/populist-plan-for-2019-election-puts-eu-in-cross-hairs/>.
29. Italy’s Salvini to meet polish conservative leader to discuss potential alliance // Breitbart. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.breitbart.com/europe/2019/01/04/italys-salvini-to-meet-polish-conservative-leader-to-discuss-potential-alliance/>.
30. Subirà I.I. Projection for 2019 European elections // The New Federalist. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thenewfederalist.eu/projection-for-2019-european-elections-projection>.
31. Subirà I.I. Spitzenkandidaten and projections for the Europeane lection 2019 // The New Federalist. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thenewfederalist.eu/spitzenkandidaten-and-projections-for-the-european-election-2019>.

- thenewfederalist.eu/spitzenkandidaten-and-projections-for-the-european-election-2019.
32. Pope S. In 2019, European populism will assert more power // Forbes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/stephenpope/2018/12/28/in-2019-european-populism-will-assert-more-power/#f158fbd2cbec>.
 33. Subirà I.I. Projection for 2019 European elections // The New Federalist. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thenewfederalist.eu/projection-for-2019-european-elections-projection>.
 34. Joaninn P. European Elections 2019: what will the new Parliament's composition be? // Foundation Robert Schuman. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0491-european-elections-2019-what-will-the-new-parliament-s-composition-be>.
 35. Clarkson A. Thought populists want to kill the EU? It's worse than that // Politico. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/populist-attitude-to-eu-matteo-salvini-far-right/>.
 36. European Elections 2019 – Pollofpolls // Politico. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.eu/interactive/european-elections-2019-poll-of-polls/>.
 37. Subirà I.I. Spitzenkandidaten and projections for the Europeane lection 2019 // The New Federalist. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.thenewfederalist.eu/spitzenkandidaten-and-projections-for-the-european-election-2019>.
 38. Psaledakis D., Macdonald A. Polls suggest far-right to gain ground in 2019 EU vote // Reuters. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.reuters.com/article/us-eu-election-polls/polls-suggest-far-right-to-gain-ground-in-2019-eu-vote-idUSKCN1LS16F>.
 39. Позднякова Н., Ригерт Б. Выборы в Европарламент-2019. У кого больше шансов? // Deutsche Welle. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/выборы-в-европарламент-2019-у-кого-больше-шансов/a-45500061>.
 40. Позднякова Н., Ригерт Б. Выборы в Европарламент-2019. У кого больше шансов? // Deutsche Welle. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.dw.com/ru/выборы-в-европарламент-2019-у-кого-больше-шансов/a-45500061>.
 41. Stearns J. EU faces a risk in 2019 that has nothing to do with populists // Bloomberg. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-04/eu-faces-a-risk-in-2019-that-has-nothing-to-do-with-populists>.
 42. Pope S. In 2019, European populism will assert more power // Forbes. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.forbes.com/sites/stephenpope/2018/12/28/in-2019-european-populism-will-assert-more-power/#f158fbd2cbec>.
 43. Merkel says German multicultural society has failed // BBC. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/world-europe-11559451>.
 44. Nicolas Sarkozy declares multiculturalism had failed // The Telegraph. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/>

- europe/france/8317497/Nicolas-Sarkozy-declares-multiculturalism-had-failed.html.
45. State multiculturalism has failed, says David Cameron // BBC. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bbc.com/news/uk-politics-12371994>.
 46. Stearns J. EU faces a risk in 2019 that has nothing to do with populists // Bloomberg. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2018-11-04/eu-faces-a-risk-in-2019-that-has-nothing-to-do-with-populists>.
 47. Baume, de La M. Populist plan for 2019 election puts EU in crosshairs // Politico. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.politico.eu/article/populist-plan-for-2019-election-puts-eu-in-cross-hairs/>.
 48. Joannin P. European Elections 2019: what will the new Parliament's composition be? // Foundation Robert Schuman. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.robert-schuman.eu/en/european-issues/0491-european-elections-2019-what-will-the-new-parliament-s-composition-be>.

А.А. ИЩЕНКО

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС КАК ФОРМИРОВАНИЕ ОБЩЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВОЛИ

Аннотация. В статье на основе анализа научной литературы, а также особенностей конституционно-правового статуса субъектов законодательного процесса исследован процесс формирования общей государственной воли в российском законодательстве. Показано, что в основе законодательного процесса лежит не только взаимодействие уполномоченных субъектов законодательного процесса по созданию и согласованию текстов законов, но также воля государства и избирательного корпуса, провозглашенная в ст. 3 Конституции Российской Федерации. Особое внимание в работе уделяется определению роли и функций Apparata Государственной Думы в обеспечении общей государственной воли в российских законах, проведении необходимых экспертиз законопроектов и соблюдения стадий законодательного процесса.
Ключевые слова: Конституция России, законодательный процесс, законодательная инициатива, субъекты законодательной инициативы, формирование общей государственной воли, Apparat Государственной Думы, Правовое управление Apparata, Регламент Государственной Думы.

THE LEGISLATIVE PROCESS AS A FORMATION OF GENERAL GOVERNMENT WILL

Abstract. In the article on the basis of the analysis of scientific literature, as well as the features of the constitutional and legal status of the subjects of the legislative process, the process of formation of the General state will in the Russian legislation is investigated. It is shown that the basis of the legislative process is not only the interaction of the authorized subjects of the legislative process to create and harmonize the texts of laws, but also the will of the state and the electoral corps, proclaimed in article 3 of the Constitution of the Russian Federation. Particular attention is paid to the definition of the role and functions of the state Duma Apparatus in ensuring the General state will in Russian laws, carrying out the necessary examinations of draft laws and compliance with the stages of the legislative process.
Keywords: the Constitution of Russia, legislative process, legislative initiative, subjects of legislative initiative, formation of the General state will, the state Duma Apparatus, Legal management of the Apparatus, Regulations of the State Duma.

О законодательном процессе принято говорить, как о процедуре принятия законов. Но не менее важно рассмотреть его еще и как форму реа-

лизации конституционного принципа народовластия, как процесс формирования общей государственной воли в процедуре принятия закона. Тем более что основные изменения концепции закона в Российской Федерации в настоящее время идут по пути «все большей ассимиляции законодательства с иными социальными регуляторами (мораль, этика, обычаи, традиции, религия), замещения последних правовыми нормативами. Это делает необходимым углубление и расширение не только правовой, но и социально-нравственной, профессиональной, религиозной, культурно-исторической адекватности законопроектов» [1, с. 19].

Данное обстоятельство с особой настоятельностью требует от всех без какого-либо исключения участников законодательного процесса объединения усилий на формирование общей государственной воли не только в процедуре принятия закона, но в еще большей степени — в формулировании его положений.

Этому во многом способствует и правовая природа законодательного процесса, которая зиждется на ряде конституционных принципов. Важнейшими из них являются принципы народовластия, выборности и разделения властей (ст. 3 и 10 Конституции Российской Федерации). В соответствии с конституционным принципом народовластия носителем суверенитета и единственным источником власти в Российской Федерации является ее многонациональный народ, который осуществляет свою власть непосредственно, а также через органы государственной власти и органы местного самоуправления. Высшим непосредственным выражением власти народа являются референдум и свободные выборы. Не случайно поэтому, давая определение понятия Российского парламента, статья 94 Конституции установила, что Федеральное Собрание — парламент Российской Федерации — является представительным и законодательным органом Российской Федерации.

Анализируя нормы статьи 94 Конституции, Б.С. Эбзеев справедливо замечает, что она «в этих положениях определенно указывает на две задачи парламента — законодательствование и представительство многонационального народа Российской Федерации» [2, с. 395].

Более того, термин «представительный» в данном понимании указывает как на способ формирования Федерального Собрания, так и на непосредственную форму реализации конституционного принципа народовластия — выборы. Понятие «парламент» говорит об осуществлении депутатами своих полномочий на профессиональной основе и о представительной форме реализации Государственной Думой принципа народовластия. Термином «законодательный» Конституция определяет Федеральное Собрание как орган государственной власти, осуществляющий свои полномочия на основе принципа разделения властей, поскольку в соответствии со

статьей 10 Конституции государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе ее разделения на законодательную, исполнительную и судебную ветви.

В разных ветвях государственной власти представлены разные социальные интересы, которые в законодательном процессе могут добиться своей реализации только путем поиска и выработки компромиссных формулировок тех или иных положений закона. Тем самым в законах формируется общая государственная воля.

Видимо, с этим расчетом составители Конституции формулировали положения ее статьи 104, установившей, что право законодательной инициативы принадлежит Президенту России, Совету Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации, законодательным (представительным) органам субъектов Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения.

Таким образом, право внести законопроект в Государственную Думу и отстаивать содержащиеся в нем формулировки на всех последующих стадиях законодательного процесса принадлежит Президенту Российской Федерации (через прямые всеобщие выборы и особенности правового статуса он выражает общенациональные и общегосударственные интересы), Совету Федерации, членам Совета Федерации (через особенности формирования палаты, особенности ее правового статуса и статуса ее членов ими выражаются интересы субъектов Федерации), депутатам Государственной Думы (благодаря применению смешанной избирательной системы выборов депутатов нижней палаты парламента, они выражают политико-территориальные и общегосударственные интересы), Правительству, а также, Конституционному Суду и Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения (в соответствии с принципом разделения властей указанные органы государственной власти выражают интересы ветвей федеральной государственной власти). В лице законодательных (представительных) органов субъектов Федерации в законодательном процессе представлены интересы законодательной ветви власти субъектов Федерации, а также граждан России, проживающих на их территории.

В этой связи мы солидарны с Б.С. Эбзеевым в том, что «Конституция Российской Федерации одновременно предусматривает рациональную организацию политического процесса и обеспечение политического единства народа в условиях не только разделения властей, но также многопартийности и политического плюрализма» [2, с. 394].

Помимо положений Конституции и Регламента Государственной Думы необходимость формирования общей государственной воли полу-

чила юридическое закрепление в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации. Например, в постановлениях Конституционного Суда от 01.02.2005 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности абзацев второго и третьего пункта 2 статьи 3 и пункта 6 статьи 47 Федерального закона "О политических партиях" в связи с жалобой общественно-политической организации "Балтийская республиканская партия", от 21.12.2005 г. № 13-П "По делу о проверке конституционности отдельных положений Федерального закона "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" в связи с жалобами ряда граждан»¹ указано на необходимость достижения баланса в защите соответствующих конституционных ценностей.

Это означает, что Российское государство — фактор общественного благополучия, основывающегося на принципах социального равенства, солидарности и взаимной ответственности членов общества, которые невозможно в полной мере осуществить, минуя законодательный процесс. Именно «взвешенная социальная политика государства, преследуя цель равномерного содействия благу всех граждан и распределения материальных тягот пропорционально их экономическому потенциалу. Политика социального государства направлена на создание юридических, организационных, экономических условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека» [3, с. 192].

В связи с этим мы разделяем позицию авторов, которые считают, что законодательные органы влияют на развитие Российской Федерации как демократического федеративного правового государства, определяют компетенцию других государственных органов, способствуют развитию политической и правовой активности граждан. Они участвуют в обеспечении территориальной целостности государства, определении правового статуса его субъектов. Всем этим обусловлена значимость законодательных органов и научных исследований, посвященных их формированию и деятельности.

Но, например, с мнением известного ученого С.А. Авакьяна, который полагает, что парламент может в определенных рамках и формах выполнять задачи объединения, содействия и организационно-методической помощи в отношении нижестоящих представительных органов, разумеется, не покушаясь на их самостоятельность [4, с. 31–32], можно согласиться только частично, поскольку законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Федерации никакими нижестоящими по отношению к Государственной Думе не являются. А будучи законода-

¹ СЗ РФ. 2006. № 3. Ст. 336.

тельными органами, и не могут являться. Это противоречило бы конституционному принципу разграничения предметов ведения и полномочий (ст. 5 Конституции).

Государственная Дума может выполнять и выполняет задачи объединения усилий всех субъектов законодательного процесса в формировании общей государственной воли в процессе принятия закона. В том числе, она оказывает содействие и организационно-методическую помощь в законодательном процессе в законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов Федерации только своим авторитетом, высокой квалификацией депутатского корпуса и сотрудников аппарата.

Важную роль в обеспечении деятельности субъектов законодательного процесса, в формировании ими общей государственной воли играет Аппарат Государственной Думы. Но данному факту требуется некоторое пояснение, так как формально Аппарат Государственной Думы среди субъектов законодательной инициативы и законодательного процесса не значится. Хотя по мнению некоторых авторов, законотворческий процесс якобы может осуществляться неограниченным кругом лиц (в том числе субъектами права законодательной инициативы, различными элементами гражданского общества, отдельными гражданами и пр.) и охватывать деятельность различных органов и лиц в ходе подготовительных работ, а также в дальнейшем — на различных стадиях законодательного процесса [5, с. 13–20; 6, с. 46–49; 7, с. 186–197].

Другие авторы так же формально подходят к определению состава субъектов права законодательной инициативы. Они чисто механически «суммируют» субъектов права законодательной инициативы, указанных в ст. 104 Конституции Российской Федерации. И в зависимости от количества субъектов Федерации в тот или иной период времени существования Российского государства у них формально получается от 705 до 723 субъектов права законодательной инициативы.

Подобный формальный подход не может с достаточной точностью и полнотой охарактеризовать активность субъектов законодательного процесса в Государственной Думе. Не только потому, что трудно себе представить 170 членов Совета Федерации и 85 представителей законодательных (представительных) органов субъектов Федерации стоящими в очереди с законопроектами для осуществления права законодательной инициативы в Государственную Думу. Но и потому, что среди депутатов Государственной Думы найдутся депутаты, которые за многолетний период пребывания в указанной палате, не только не воспользовались правом законодательной инициативы, но даже ни разу не выступали на пленарном заседании.

Думаю, будет правильно определять состав субъектов законодательной инициативы, указанных в статье 104 Конституции Российской Фе-

дерации не путем их механического «суммирования» в надежде получить впечатляющие цифры, а отношения к ним, как к видам субъектов права законодательной инициативы. Основанием для данного предложения является статистика законодательной деятельности разных видов субъектов законодательной инициативы за относительно продолжительный период времени.

К примеру, И.В. Гранкин отмечает, что законодательные (представительные) органы субъектов Федерации «с 1995 по 2005 год в Государственную Думу внесли 3305 законопроектов. При этом к началу 2006 года на рассмотрении Государственной Думы находилось 2892 проекта, но законами стали всего лишь 110».

Не будем касаться эффективности и качества законопроектной деятельности законодательных органов субъектов Федерации как субъектов права законодательной инициативы — это отдельная тема. Но из приведенных сведений получается, что за 11 лет все субъекты Федерации (суммарно) вносили 300 законопроектов в год. То есть, каждый субъект Федерации вносил в Государственную Думу в среднем по 3,45 законопроекта в год.

Исследуя столь разнообразный круг субъектов законодательной инициативы по количеству и правовому статусу, установленных Конституцией Российской Федерации, их анализ другими исследователями, а также сравнивая столь широкий и разнообразный круг субъектов законодательной инициативы в России с аналогичными положениями зарубежных конституций, мы приходим к неутешительным выводам. Один из них состоит в том, что широкий круг субъектов законодательной инициативы является одной из причин принятия законов с низким качеством их содержания и пробельностью в регулировании, поскольку каждому из субъектов законодательной инициативы нет особой надобности предварительно обсуждать и согласовывать свой вариант текста с другими субъектами.

Чтобы исключить или хотя бы уменьшить масштаб указанного явления, мы предлагаем ограничить круг субъектов законодательной инициативы. Для этого необходимо внести изменение в часть 1 статьи 104 Конституции Российской Федерации и изложить ее в следующей редакции: «Право законодательной инициативы принадлежит Совету Федерации, депутатам Государственной Думы, Правительству Российской Федерации. В приоритетном порядке законодательной инициативой обладает Президент Российской Федерации. Право законодательной инициативы принадлежит также Конституционному Суду, Верховному Суду Российской Федерации по вопросам их ведения, а законодательным (представительным) органам субъектов Российской Федерации — по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов». Аналогичные

изменения необходимо внести в статью 103 Регламента Государственной Думы.

Процедуру законодательного процесса и качество принимаемых федеральных законов можно было бы улучшить не только путем внесения изменений, отмеченных в предыдущем абзаце, но и изменением порядка реализации законодательной инициативы. Имеется в виду своеобразное уменьшение количества единоличных субъектов, обладающих правом законодательной инициативы, нацеленное на повышение качества содержания вносимых законопроектов.

Мы солидарны, например, с тем, что отмечают авторы учебного пособия «Законодательный процесс в зарубежных странах»: в целом ряде государств право законодательной инициативы принадлежит не отдельно взятым депутатам, как в России, а группе депутатов определенной численности. В разных государствах численность таких групп депутатов может быть разной, но это обязательно группа, а не отдельный депутат.

В Германии для выдвижения законопроекта из среды бундестага необходима поддержка со стороны той или иной фракции или, по меньшей мере, 5 процентов депутатов (30 человек), во Франции — 60 депутатов Национального собрания или 60 сенаторов, в Латвии — группы депутатов в количестве не менее 5 человек, в Китае — группы депутатов в количестве 30 человек, в Японии группы депутатов в количестве не менее 20 человек Палаты представителей и не менее 10 членов Палаты советников и так далее.

Подобные требования регламентов палат парламентов не только «уменьшают» количество субъектов законодательной инициативы путем их объединения в группы определенной численности, но и требуют предварительного согласия с содержанием предлагаемого в качестве законодательной инициативы законопроекта. Сказанное требует определенной консолидации, в то же время свидетельствует об определенной социальной поддержке законопроекта. Более того, в конечном счете, это может положительно отразиться не столько на скорости согласования его содержания при обсуждении в палатах и комитетах, создаваемых палатами, сколько на процессе формирования общей государственной воли и процедуре принятия закона. Указанная консолидация может повысить как скорость согласования его содержания при обсуждении в палатах и комитетах в ходе парламентских чтений и процесса формирования общей государственной воли в единой процедуре принятия закона, так и в последующем — эффективность реализации принятого таким образом закона.

Некоторые авторы предпринимают попытку классификации субъектов законодательного процесса (в зависимости от его стадии и степени выражения их воли): одни из подобных субъектов выражают ее «в активной

или пассивной форме», другие могут, но не обязаны это делать, что дает возможность классифицировать их на обязательные и возможные (допустимые) субъекты законодательного процесса.

Исходя из анализа указанных научных позиций, мы не можем согласиться с авторами, утверждающими, что законотворческий процесс может осуществляться неограниченным кругом лиц, поскольку они участвуют в нем не по своей воле, а на основании положений соответствующего законодательства, что, естественно, ограничивает и их состав, и степень участия в законодательном процессе. По этому вопросу можно говорить только об относительно ограниченном круге субъектов законодательного процесса.

Относительно предложения о классификации субъектов на обязательных и возможных (допустимых), считаем, что данная позиция лишена достаточных юридических оснований, поскольку в соответствии со статьей 104 Конституции Российской Федерации ни один из приведенных в ней субъектов законодательной инициативы не может быть однозначно отнесен к числу обязательных. Каждый из них участвует в законодательном процессе по своей воле, в той степени и в то время, какое сочтет для себя удобным. Более того, не ясно: кто такие возможные (допустимые) субъекты законодательного процесса, и кто, на каком основании и по каким критериям, допускает их в законодательный процесс?

На основании анализа российского законодательства и научных публикаций по указанной теме мы предлагаем классифицировать субъекты законодательного процесса, исходя из их места и роли в законодательном процессе, то есть на первичные и производные. В первую категорию субъектов следует включить субъекты, перечисленные в статье 104 Конституции, а в число производных субъектов целесообразно включить те органы, которые учреждаются субъектами законодательной инициативы для участия в законодательном процессе от их имени и по их поручению.

Предложенная классификация субъектов законодательной инициативы не только позволяет объяснить различие их правового статуса и особенности участия в законодательном процессе, но и дает возможность показать правомерность участия в нем Аппарата Государственной Думы, исходя из того, что он реально и весьма активно в нем участвует.

Но в том-то и парадокс, что с одной стороны, органы государственной власти, указанные в статье 104 Конституции как субъекты законодательной инициативы (и законодательного процесса), принимают в законодательном процессе только политические решения по соответствующим вопросам в конкретной стадии законодательного процесса. С другой, — Аппарат Государственной Думы, формально не являясь субъектом законодательного процесса, выполняет основную юридическую, организационно-техническую, консультативную, экспертную работу с тем, чтобы политическая воля указанных органов государственной власти — субъектов

законодательной инициативы — превратилась в реальные тексты законов и приобрела действительную юридическую силу².

Кроме того, специфика участия Аппарата Государственной Думы в законодательном процессе проявляется еще и в том, что, являясь производным государственным органом, он напрямую зависит от воли создающего его органа законодательной власти и самостоятельного участия в законодательном процессе не принимает.

Например, в соответствии с пунктами «г» и «д» статьи 11 Регламента Государственной Думы Председатель палаты осуществляет общее руководство деятельностью Аппарата Государственной Думы: назначает на должность и освобождает от должности Руководителя Аппарата Государственной Думы с согласия Совета Государственной Думы и по представлению Комитета Государственной Думы по Регламенту и организации работы Государственной Думы; назначает на должность и освобождает от должности первого заместителя Руководителя Аппарата и заместителей Руководителя Аппарата Государственной Думы по представлению Руководителя Аппарата Государственной Думы.

О роли Аппарата Государственной Думы свидетельствует, например, то, что, несмотря на отсутствие в ее Регламенте специального раздела, посвященного аппарату Государственной Думы, тем не менее, в его тексте Аппарат Государственной Думы упоминается 142 раза, а Правовое управление Аппарата Государственной Думы — 46 раз³.

В соответствии с пунктом 1 Положения об Аппарате Государственной Думы Аппарат палаты является постоянно действующим органом Государственной Думы, осуществляющим правовое, организационное, документационное, аналитическое, информационное, финансовое, материально-техническое, социально-бытовое обеспечение деятельности депутатов, депутатских объединений, Совета, комитетов и комиссий Государственной Думы, ее Председателя, первых заместителей Председателя, Руководителя Аппарата Государственной Думы и работников Аппарата⁴.

Регламентом Государственной Думы закрепление роли Аппарата и его Правового управления, к сожалению, сведено к минимуму. В соответствии с пунктом 6 статьи 94 правовая и лингвистическая экспертизы проекта

² Например, за время работы Государственной Думы второго созыва проведена экспертиза более 4,5 тысячи законопроектов и 5,2 тысячи проектов постановлений, обращений и заявлений. Число обращений к базе данных Правового управления, насчитывающей более 60 тысяч нормативных актов Российской Федерации и ее субъектов, за этот период составило более 17 тысяч. В порядке правового содействия депутатам, депутатским объединениям, комитетам и комиссиям Государственной Думы по вопросам подготовки законопроектов и проектов других актов, принимаемых палатой, Правовое управление провело более 1000 консультаций и представило более 600 тематических подборок по законодательству. // <http://duma2.garant.ru/apparat/prav.htm> (дата обращения: 21.09.2018).

³ <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> (дата обращения: 22.07.2018).

⁴ <http://www.gosduma.net/structure/machinery/status/> (дата доступа: 04.08.2018).

постановления Государственной Думы должны быть проведены не позднее, чем в трехдневный срок со дня поступления в Правовое управление письма о проведении указанных экспертиз. При отсутствии замечаний правового и лингвистического характера на проект постановления Государственной Думы, а также на проекты документов, которые принимаются или утверждаются постановлениями Государственной Думы, Правовое управление заключений не готовит. На указанных документах проставляется отметка (делается запись) об отсутствии замечаний за подписью начальника Правового управления либо одного из его заместителей⁵.

Видимо, это является одной из основных причин, отмечаемых в современной юридической литературе, приводящих к неустойчивости законодательства. Например, Федеральный закон № 131-ФЗ от 6 октября 2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления» «порядка 120-и раз подвергался изменениям и дополнениям»; характеризуется «наличием пробелов и неопределенности, порождающих проблемы», недостаточным финансированием, бесконтрольностью и отсутствием методического обеспечения. Некоторые авторы выделяют другие причины указанного негативного явления: «В системе органов государственной власти Российской Федерации имеет место специфическая особенность — властная «асимметрия», присущая только для Российской Федерации, которая выражается в существовании над «классической» властной триадой «президентской власти». Укрепление «вертикали» государственной власти в последний период времени привело к усилению этой «асимметрии», укрепив, в основном, «президентскую вертикаль власти». ...В этих условиях Президент Российской Федерации фактически исполняет роль направляющего, контролирующего и координирующего системного центра для органов государственной власти Российской Федерации».

С подобным утверждением вряд ли можно согласиться. Во-первых, потому, что объективно в соответствии с положениями Указа Президента Российской Федерации от 13.04.1996 г. № 549 организация взаимодействия структурных подразделений Администрации Президента в законодательном процессе гораздо выше, чем в Правительстве Российской Федерации и в Государственной Думе. И именно более качественная и слаженная работа структурных подразделений Администрации Президента позволяет ему положительно влиять на результаты законодательного процесса, а не мнимая властная «асимметрия», которая якобы присуща только для России.

Во-вторых, законодательный процесс является производным от общей системы организации государственной власти, на которую влияет мно-

⁵ <http://www.consultant.ru/law/review/lawmaking/reglduma/> (режим доступа: 04.08.2018).

жество более значимых факторов, чем на отдельно взятых субъектах законодательного процесса. Таких, например, как форма правления, избирательная и партийная системы, результаты голосования избирателей и пр. В связи с этим можно согласиться с тем, что в настоящее время основным фактором, оказывающим влияние на доминирование Президента (кстати, не только в России), является объективно складывающийся государственный режим.

Поэтому предлагаю классифицировать участников законодательного процесса, исходя из способа их участия в указанном процессе, на два вида: единоличные (Президент Российской Федерации, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации) и коллегиальные (Правительство, Конституционный Суд Российской Федерации и др.). Во-первых, потому что действующее законодательство по-разному регламентирует способы реализации ими права на участие в законодательном процессе. Например, в соответствии с пунктом 3 статьи 105 Регламента Государственной Думы при внесении законопроекта субъектом законодательной инициативы — коллегиальным органом (Советом Федерации, Правительством Российской Федерации, законодательным (представительным) органом государственной власти субъекта Федерации и т.д.) должно быть представлено решение соответствующего коллегиального органа о внесении законопроекта с указанием представителя субъекта права законодательной инициативы в Государственной Думе по данному законопроекту.

Это означает, что осуществлению права законодательной инициативы коллегиальным органом должно предшествовать его официальное заседание с соблюдением требований о кворуме и других процедур по принятию решения относительно содержания вносимого законопроекта, назначение официального представителя, которому поручено представлять коллегиальный орган в Государственной Думе и так далее, в то время как единоличным (индивидуальным) субъектам законодательной инициативы — Депутатам Государственной Думы, членам Совета Федерации, соблюдать подобные требования нет необходимости. К тому же, Регламент Государственной Думы по-разному регулирует работу Аппарата Государственной Думы и его структурных подразделений с указанными выше видами субъектов законодательного процесса.

Подводя некоторые итоги, следует сказать, что участие в законодательном процессе как Аппарата Государственной Думы, так и его структурных подразделений, особенно Правового управления Аппарата, позволяет решить две задачи. Во-первых, поможет обеспечить организационно-правовыми средствами процесс формирования субъектами законодательного процесса общей государственной воли через организацию их взаимодействия в процедуре принятия закона.

Во-вторых, позволит в значительной степени повысить профессионализм подготовки, экспертизы и согласования текстов нормативных правовых актов и других важных документов, выходящих из стен Федерального Собрания Российской Федерации, что может положительно сказаться на качестве содержания принимаемых документов.

Список литературы

1. Синоков В.Н. Законодательство в России: проблемы социальной интеграции // Lex Russica. 2018. № 10 (143). С. 18–27.
2. Эбзеев Б.С. Введение в Конституцию России. М.; Норма, 2013.
3. Эбзеев Б.С., Осавелюк А.М. Основы Конституции Российской Федерации: учебное пособие / под общ. ред. Б.С. Эбзеева. М.: Проспект, 2016.
4. Авакьян С.А. Федеральное Собрание – парламент России / С.А. Авакьян. М.: Российский издат. дом, 1999.
5. Разбаш О.Н. Федеральные законотворческий и законодательный процессы в современном российском конституционализме: единство и эволюция принципов // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 18. С. 13–20.
6. Хамуков А.В. Разработка концепции законопроекта как ключевая стадия законотворческого процесса // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 9. С. 46–49.
7. Осавелюк А.М. Форма правления и государственный режим: проблема эффективности законотворчества // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С. 186–197.

О ЗНАЧЕНИИ ЖЕРЕБЬЕВКИ НА ВЫБОРАХ В РОССИИ

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы использования различных устройств для жеребьевки в избирательном процессе Российской Федерации. Автор приходит к выводу о необходимости унификации требований к данным устройствам и выступает с инициативой внедрения в избирательный процесс клеротерия — первой механической машины для выборов, изобретенной более 2500 лет назад в Древней Греции. Современная модель клеротерия прошла апробацию в избирательных комиссиях и доказала работоспособность в условиях российского избирательного процесса. Использование клеротерия повысит прозрачность процедуры жеребьевки, легитимность выборов и авторитет избирательных комиссий.

Ключевые слова: жеребьевка, выборы, клеротерий, демократия, избирательная комиссия.

ABOUT THE DRAWING OF LOTS' IMPORTANCE IN THE RUSSIAN ELECTIONS

Abstract. The article deals with the issues of various devices using for drawing lots in the electoral process of the Russian Federation. The author concluded that the requirements to the devices should be unified. The author has initiated the introduction of the kleroterion — the first mechanical machine for the election, invented more than 2500 years ago in Ancient Greece. The modern model of kleroterion has been tested in the election commission and has demonstrated efficiency in the Russian electoral process. The use of kleroterion will increase the transparency of the draw procedure, the legitimacy of the elections and the authority of election commissions.

Keywords: sortition, election, kleroterion, democracy, election commission.

Процедура жеребьевки как один из первых способов избрания должностных лиц известна более 2500 лет, но и спустя столетия является неотъемлемым элементом в избирательном процессе как в России, так и за рубежом. Впервые для формирования публичных органов власти жеребьевка была введена в Афинах Солоном (640–650 гг. до н.э.), наиболее широкое распространение она получила к IV веку до н.э. В эпоху античности жеребьевка применялась как способ избрания должностных лиц в греческих полисах и Древнем Риме. В Великом Новгороде и Владимире в XI–XV веках жребием избирался архиепископ. Жеребьевка использовалась в Венеции в пе-

риод XIII–XVIII веков как один из элементов в сложной системе выборов дожа. Во Флоренции в XIV–XVI веках жребием избирались практически все должности законодательного совета, правительства и магистратов. Древний избирательный институт обеспечивал эффективную систему формирования публичных органов власти на основе принципов ротации, равноправия и прозрачности процедуры. Кажущаяся иррациональность жеребьевки компенсировалась предварительным отбором кандидатов на стадии выдвижения и последующего обсуждения кандидатур на эклессии, форуме или вечевом сходе.

Афины – родина жеребьевки

В «Афинской политике» Аристотеля можно найти истоки широко-го внедрения выборов по жребию, связанные с реформами Солона. Для уменьшения противоречий между различными социальными группами и территориями полиса он сделал практически все высшие должности избираемыми по жребию. «На все вообще должности, входящие в круг обычного управления, афиняне выбирают кандидатов по жребию, за исключением казначея воинских сумм, заведующего зрелищным фондом и попечителя водопроводов. На эти должности избирают поднятием рук, и избранные таким порядком исполняют обязанности от Панафиной до Панафиной. Кроме того, поднятием рук избирают и на все военные должности» [1, с. 64]. Жеребьевка в Афинах в V–IV веках использовалась при формировании законодательной (Экклесия), исполнительной (Буле) и судебной власти (Гелиэя). По современным критериям, срок полномочий выборных лиц был очень коротким. Народных судей в Гелиэю выбирали каждое утро сроком на один день. Членов совета пятисот (Буле) выбирали сроком на один год. При этом ранее избранное лицо могло быть избранно вновь при условии перерыва сроком на год. Таким образом, в Афинах к управлению государством привлекался максимально широкий круг граждан: от 50 до 70 процентов граждан старше 30 лет участвовали в работе Совета пятисот [2, с. 70].

Путем голосования Эклессии выбирались 100 высших должностных лиц, они могли быть переизбранными неограниченное число раз. В Афинах считалось, что на самых главных должностях должны быть самые выдающиеся граждане, которых следует избирать голосованием. Перикл избирался на должность архонта-полемарха, который руководил военной сферой 14 раз подряд. Солон был избран на должность архонта-эпонима только один раз сроком на один год, но за это время успел провести демократические реформы, и в том числе, ввел жеребьевку в качестве основного способа избирания должностных лиц.

В древнеафинском обществе между государственными деятелями и избирателями почти не было разницы, потому что каждый мог занять госу-

дарственную должность путем участия в жеребьевке. «Высшим носителем власти в древних Афинах являлась гражданская община, поэтому выработка управленческого решения с учетом множества мнений представлялась непростой задачей» [3, с. 34]. Подходящей для этого процедурой стало бросание жребия, который стал одним из символов афинского народовластия. «Клеросис» — выборы по жребию имел набор неотъемлемых элементов: таблички с именами кандидатов, число которых превышало количество вакансий; бобы белого и черного цвета, а позднее — камешки и шары тех же цветов. Число белых бобов равнялось числу вакансий, черные бобы символизировали разницу между количеством распределяемых должностей и соискателями. Так, при баллотировке десяти кандидатов на должность архонта в урну помещали девять черных и один белый боб. Центральным элементом процесса было оглашение табличек в произвольном порядке (они могли находиться в перемешанном виде в ящике или сосуде) одновременно с выемкой бобов. Извлеченная табличка выставлялась для обозрения и учета, а отклоненная, возвращалась в сосуд и могла повторно участвовать в жеребьевке.

Исход выборов должен был зависеть от жеребьевки, но уже в Древних Афинах процедура не была свободна от манипуляций со стороны организаторов. Для предупреждения фальсификации жеребьевки в Афинах впервые разработали механическое устройство для автоматизации выборов. Именно в Афинах в IV–II веках до н.э. для жеребьевки кандидатов на выборные должности использовалось механическое устройство — клеротерий (κλῆροτήριον) [4, р. 62], который представлял собой каменную стелу с вертикальным желобом. На стеле размещали таблички с указанием имен кандидатов, а в вертикальный желоб опускали шары белого и черного цвета. Если кандидатов на выборную должность было десять, то организаторы выборов опускали в желоб девять шаров черного цвета и один белый шар. Затем нижнюю часть желоба открывали, и оттуда появлялся первый шар, соответствующий первой именованной табличке, если он был черного цвета, то жеребьевка продолжалась, если белого, то кандидат считался избранным.

Увертюрой к автоматизации процесса голосования, развернувшегося на 2500 лет, и является античный клеротерий. Процедура жеребьевки при помощи механического устройства предупреждала избирательные споры, способствовала легитимации избранных лиц и наделяла выборы особым мистическим смыслом, в котором жители Аттики усматривали волю судьбы, неподвластную ни людям, ни богам. В наши дни несколько фрагментов клеротериев хранятся в музее афинской Агоры. Клеротерий можно считать предтечей современных устройств для электронного голосования. Как и современные российские КЭГ, клеротерий обеспечивал в Древних Афинах прямое, свободное, равное и тайное избирательное право.

Жребий в Древней Руси

О практике выборов князя на вечевых площадях в Великом Новгороде, Пскове и Владимире в IX–XV веках хорошо известно из сохранившихся летописей. Собрание свободных общинников на вече было высшим выражением воли народа. Древненовгородские выборы были наиболее широкими по кругу замещаемых должностей: князь, архиепископ, посадник, тысяцкий, кончакский староста и другие. «Жеребьевка при избрании архиепископа применялась в Великом Новгороде и Владимире в период XI–XV вв.», — сообщает выдающийся исследователь древнерусской истории И.Я. Фроянов [5, с. 135].

Выборы архиепископа проводились при освобождении престола владыки. Как отмечает И.В. Минникес [6, с. 143], причинами освобождения владычного престола могли быть смерть, самоотстранение и смещение. Поскольку самоотстранение зачастую было вызвано болезнью, эта причина сходна с первой. Выборы проводились только голосованием вече, либо предварительным голосованием на вече, где отбирались три наиболее достойных кандидата, среди которых проводилась жеребьевка. Три жребия с именами кандидатов вносили в Софийский собор Великого Новгорода, а затем посылали за ними слепцов или детей, которые брали по жребию и выносили его на вече. Избранным считался кандидат, жребий которого оставался на престоле в соборе. После завершения жеребьевки нового владыку должен был утвердить в должности митрополит, его решение окончательно оформляло результаты выборов. Традиции вечаевого народовластия Древней Руси и древнеафинской демократии можно найти на гербе и эмблеме ЦИК России, которые были утверждены постановлением комиссии в 2009 году [7].

Вечевоу колокол как атрибут, напрямую исторически связанный с понятием веча — легитимного народного собрания, старейшей формы прямой демократии, символизирует верховную власть народа и всеобщность выборов в России, а его серебряный (белый) цвет обозначает чистоту и прозрачность выборов. Колокол не только созывает всех на общее дело (лат. *respublica*) — выборы, но и извещает об их результатах.

Жеребьевка в современной России

В избирательном процессе России предусмотрено три случая применения жеребьевки: 1) для определения порядка размещения наименований и эмблем политических партий в избирательном бюллетене; 2) при распределении бесплатного эфирного времени и печатной площади на государственных теле- и радиоканалах и в периодических печатных изданиях; 3) для определения победителя, если кандидаты получили равное количество голосов избирателей. Тип устройства, используемый для жеребьевки, законодателем не определен. В связи с этим каждый раз порядок проведения жеребьевки уточняется постановлением избирательной комиссии. При этом существует

известная свобода при выборе устройства для жеребьевки. ЦИК России для определения порядка размещения наименований и эмблем политических партий в избирательном бюллетене применяет лототрон, а избирательные комиссии субъектов отличаются неординарными инициативами.

Например, на выборах депутата Белоусовской городской Думы Калужской области 10 сентября 2018 года два кандидата набрали равное количество голосов избирателей. На следующий день после выборов в помещении территориальной избирательной комиссии Жуковского района кандидатам пришлось тянуть жребий из картонной коробки.

Не единичны случаи, когда кандидаты набирают равное количество голосов избирателей. По данным ФЦИ при ЦИК России, за период с января 2013 по сентябрь 2015 года равенство голосов было зафиксировано на 536 выборах. В связи с этим член ЦИК России С.М. Шапиев справедливо отмечает: «Эти цифры говорят не только о высокой конкурентной борьбе кандидатов, но и свидетельствуют о необходимости очень внимательно относиться к каждому голосу избирателя» [8, с. 93].

Аквариумы с конвертами использовались 16 августа 2016 года в качестве устройства для жеребьевки по распределению между зарегистрированными кандидатами бесплатного эфирного времени на дополнительных выборах депутатов Законодательного Собрания Ростовской области по Азовскому одномандатному избирательному округу № 20 и Ленинскому одномандатному избирательному округу № 28. Капсулы для бахил применялись в избирательной комиссии Рязанской области 10 августа 2015 года при проведении жеребьевки по распределению порядка размещения наименований партий в избирательном бюллетене по выборам депутатов Рязанской областной Думы.

Таким образом, на важном этапе избирательной кампании или после подсчета голосов избирателей может сложиться абсурдная, комичная ситуация, которая не добавляет уважения избирательным комиссиям и самому институту выборов. Кроме того, отсутствие единых стандартов порядка проведения и устройства для жеребьевки приводит к подозрениям в фальсификации процедуры. Пример тому — серия публикаций на сайте 33polit.info, который посвящен политической жизни Владимирской области: «Ловкость рук и никакого мошенства», «Жеребьевка во Владимирской области прошла вопреки законам математики», «Жеребьевка: заветный первый номерок». Автор этих публикаций высказывает сомнения в честности жеребьевки и намекает на ангажированность членов избирательных комиссий.

В связи с этим необходимо выработать единые требования к процедуре и устройству для жеребьевки, закрепив их в разрабатываемом Кодексе о выборах и референдумах Российской Федерации. Вопросам совершенствования правового обеспечения жеребьевки нужно посвятить отдельную главу кодекса. В действующем избирательном законодательстве дополнить необходимо: часть 14 статьи 65, часть 6 статьи 66, часть 5 статьи 79 Феде-

рального закона от 22 февраля 2014 года № 20-ФЗ «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации»; пункты 13 и 16 статьи 52, пункты 6 и 8 статьи 53 Федерального закона от 10 января 2003 года № 19-ФЗ «О выборах Президента Российской Федерации»; законы субъектов Российской Федерации о выборах высших должностных лиц, законодательных собраний субъектов, представительных органов муниципалитетов.

Что избиратели знают о жеребьевке?

Для того чтобы выяснить отношение избирателей к жеребьевке и лототрону в качестве устройства для жеребьевки был проведен социологический опрос. Генеральная совокупность исследования: избиратели Астраханской и Тамбовской областей. Выбор этих регионов обусловлен наличием рабочих контактов с коллегами на местах. Выборка — 665 респондентов. Погрешность — 5 процентов. Опрос проводился с 17 по 26 сентября 2018 года. Распределение по возрасту: 18–25 лет — 19 процентов; 26–40 лет — 26 процентов, 41–55 лет — 25 процентов, 56–70 лет — 22 процента, старше 71 года — 8 процентов. Разделение по образованию: среднее специальное — 35 процентов, высшее — 35 процентов, среднее — 30 процентов.

Опрос показал, что у 95 процентов респондентов лототрон ассоциируется с азартными играми и случайными денежными призами. О том, что лототрон используется на выборах в качестве устройства для жеребьевки, не знали 98 процентов респондентов. Неподходящим устройством для проведения жеребьевки лототрон назвали 86 процентов респондентов. Хотели бы изменить устройство для жеребьевки 72 процента респондентов. На вопрос: «С чем у Вас ассоциируется лототрон?» — 90 процентов респондентов ответили, что для них он связан с обманом и деньгами. Могут ли избиратели доверять результатам выборов, если в одном ряду с ними стоят обман и деньги? Вывод из полученных ответов однозначен: если лототрон ассоциируется с обманом и азартными играми, то это устройство не должно использоваться в избирательном процессе. Лототрон является антонимом слову честность.

Показательно и то, как СМИ пишут об использовании лототрона для жеребьевки. Броские заголовки задают читателю вектор недоверия: «Кандидаты в Госдуму сыграли в лото»; «Избирком «прелототронил» партии»; «Председатель облизбиркома: «Жеребьевка партий — это не лототрон, а лототрон!».

Машина для жеребьевки «Честный жребий»

Как обеспечить необходимую строгость, единообразие и прозрачность жеребьевки? Почему до сих пор не выработаны единые требования к устройству для жеребьевки? И наконец, можно ли процедуру жеребьевки сделать более цивилизованной и придать ей важное значение для канди-

датов и избирателей? Ответ на эти вопросы был найден в древнеафинском классическом народовластии, где для жеребьевки кандидатов на выборные должности использовалось первое устройство для автоматизации выборов — клеротерий.

В 2018 году автор разработал чертеж и построил модель клеротерия, которая является первой реконструкцией греческого устройства для жеребьевки, сделанной в России. Источником информации для реконструкции древнейшего устройства для автоматизации выборов стал артефакт, хранящийся в музее Агоры в Афинах. Построенная модель клеротерия представлена на Всероссийский конкурс по избирательному праву и процессу РЦОИТ при ЦИК России.

Современный избирательный процесс потребовал адаптации устройства под реалии XXI века. В древнеафинском устройстве для жеребьевки использовались шары диаметром 20–25 мм белого и черного цвета. Это не подходит для нужд избирательного процесса в России. Поэтому было принято решение увеличить диаметр шаров до 52 мм и сделать их раскручивающимися. Это позволит использовать их для жеребьевки по определению порядка размещения названий и эмблем политических партий в бюллетене. Внутри шара можно поместить записку с номером или текстом. Кроме того, не нужно забывать, что афиняне изготавливали клеротерий из камня, это сильно затрудняло его мобильность. Современная модель изготовлена из более легких материалов. Машина для жеребьевки будет использоваться в качественно иных условиях, чем 2500 лет назад, поэтому было принято решение о присвоении нового русскоязычного названия — «Честный жребий». Из этого названия понятно предназначение и главный принцип устройства.

«Честный жребий» в отличие от всевозможных аквариумов, картонных коробок и лототронов, которые сейчас используются в России, сможет обеспечить необходимую строгость и единообразие процедуры жеребьевки, применяемой на выборах федерального, регионального и муниципального уровня. Устройство адаптировано для избирательного процесса России во всех случаях, когда законодатель предусмотрел использование жеребьевки, а именно: для определения порядка размещения наименований и эмблем политических партий в избирательном бюллетене; при распределении бесплатного эфирного времени и печатной площади на каналах общероссийских и региональных государственных организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание, в периодических печатных изданиях; при определении победителя, если кандидаты набрали одинаковое количество голосов избирателей.

На рабочей площадке модели устройства размещено 50 ячеек, упорядоченных в 5 рядов по 10 ячеек в каждом. В ячейки вставляются таблички с названиями политических партий, именами кандидатов или названиями теле- и радиоканалов, периодических печатных изданий. Желоб вмещает

до 20 шаров диаметром от 50 до 58 мм. В опытном образце используются раскручивающиеся шары диаметром 52 мм.

Модель реконструированного клеротерия должна пройти апробацию в регионах, чтобы учесть замечания от членов избирательных комиссий, кандидатов и представителей политических партий. На 2018 год запланированы презентации устройства в избирательной комиссии Тамбовской области и образовательных учреждениях.

Клеротерий должен заменить лототрон, используемый для жеребьевки по определению порядка размещения наименований и эмблем политических партий в избирательном бюллетене. По состоянию на 3 сентября 2018 года министерством юстиции Российской Федерации зарегистрировано 64 политических партии. При этом в выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации VII созыва принимали участие 14 политических партий. Технические возможности устройства должны обеспечивать одновременное участие всех политических партий в жеребьевке. Для жеребьевки по распределению эфирного времени на общероссийских государственных теле- и радиоканалах будут использоваться раскручивающиеся шары, в которых помещены листы бумаги, содержащие сведения о дате и времени предоставления соответствующей организацией телерадиовещания каждой политической партии или кандидатам эфирного времени для размещения предвыборных агитационных материалов.

Клеротерий найдет применение для жеребьевки по распределению бесплатного эфирного времени и печатной площади на выборах федерального и регионального уровня. По состоянию на 1 октября 2018 года в Российской Федерации зарегистрировано 15 общероссийских государственных периодических печатных изданий и 8 каналов общероссийских государственных организаций, осуществляющих теле- и (или) радиовещание. Так, на выборах Президента Российской Федерации 2018 года на одно общероссийское государственное периодическое печатное издание приходилось по две публикации от одного кандидата и по две публикации политической партии, выдвинувшей зарегистрированного кандидата. На президентских выборах 2018 года семь кандидатов были выдвинуты политическими партиями, а один кандидат был самовыдвиженцем. Таким образом, для жеребьевки бесплатной печатной площади с использованием клеротерия потребовалось бы 16 и 14 шаров соответственно. Один теле- и (или) радиоканал предоставлял кандидату 17 дат выхода в эфир, поэтому потребовалось бы 17 шаров для жеребьевки бесплатного эфирного времени.

При определении победителя, если кандидаты набрали одинаковое количество голосов избирателей, также подойдет клеротерий. Для проведения жеребьевки потребуются две таблички с именами кандидатов и два шара: белый и черный. Белый будет означать избрание, а черный — не избрание. Очередность открытия желоба кандидатами определяется по

дате и времени их регистрации. Каждый кандидат в порядке очередности подходит к клеротерию и открывает запорное устройство желоба. Кандидат показывает выпавший шар всем участникам жеребьевки, а член комиссии заносит сведения о жеребьевке в протокол.

Жеребьевка в избирательном процессе России нуждается в совершенствовании правового и технологического обеспечения. Необходимо законодательное закрепление требований к процедуре и устройству для жеребьевки. Отсутствие правовой нормы создает эклектику форм и видов, что не добавляет уважения к выборам.

Реконструированный клеротерий обеспечивает необходимую технологическую инфраструктуру для строгой и единообразной процедуры жеребьевки, делая ранее незаметный этап избирательного процесса знаковым событием для избирателей, кандидатов, общественных наблюдателей и экспертов. В отличие от лототрона, который нашел широкое применение для жеребьевки, клеротерий не ассоциируется с азартными играми и случайными деньгами. Автор выступает против лототрона для жеребьевки на выборах в России и видит решение невыдуманной проблемы в повышении культуры жеребьевки. Этого можно добиться, укоренив в российском избирательном процессе один из символов афинской демократии.

Список литературы

1. Аристотель. Афинская полития. М.: Социально-экономическое издательство, 1937.
2. Рейбрук Д. Против выборов. М.: Ад Маргинем Пресс, 2018.
3. Очерки по истории выборов и избирательного права: Учебное пособие / Под ред. Ю.А. Веденеева и Н.А. Богодаровой. Калуга, 2002.
4. Staveley E.S. Greek and Roman Voting and Elections. Cornell UnivPr, 1972.
5. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980.
6. Минникес И.В. Выборы в истории Российского государства в IX — начале XIX века. СПб.: Юридический центр, 2010.
7. Постановление Центральной избирательной комиссии Российской Федерации от 09.12.2009 № 184/1294-5 «О геральдической символике Центральной избирательной комиссии Российской Федерации» // Вестник Центральной избирательной комиссии Российской Федерации. 2009. № 12.
8. Уголовно-правовая охрана избирательных прав и права на участие в референдуме / Под ред. С.М. Шапиева. Центральная избирательная комиссия Российской Федерации. М., 2016.

ДЕМОКРАТИЧЕСКИЙ КОНТРОЛЬ: ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ ПРОБЛЕМЫ

Аннотация. В статье рассматриваются теоретико-концептуальные аспекты феномена демократического контроля. Автор приходит к выводу о том, что в политической системе общества демократический контроль обеспечивает функцию обратной связи субъекта государственного управления с объектом. Ключевыми акторами при этом выступают законодательные органы, общественные палаты, профсоюзы, правозащитники, «фабриками мысли» — органы местного самоуправления, СМИ и религиозные институты. Демократический контроль реализуется параллельно с обязательным властным самоконтролем, который обеспечивается бюрократией, правоохранительными структурами, государственными инспекциями, органами официальной статистики, счетными палатами и т.д.

Ключевые слова: демократический контроль, общественный контроль, государственное управление, гражданское общество, государство.

DEMOCRATIC CONTROL: THE THEORETICAL DIMENSION OF THE PROBLEM

Abstract. The article reviews the conceptual aspects of the phenomenon of democratic control. The author comes to the conclusion that in the political system of society, democratic control provides the feedback function of the subject of state administration with the object. The key actors are the legislators, public chambers, trade unions, human rights activists, «think tanks», local governments, the media and religious institutions. Democratic control is implemented in parallel with the mandatory power of self-control, which is ensured by the bureaucracy, law enforcement agencies, state inspectorates, official statistics bodies, the counting chambers, etc.

Keywords: democratic control, public control, state administration, civil society, state.

В современной России вопросы, связанные с реализацией гражданским обществом его контрольных функций, приобретают особую актуальность. Как правило, данная проблема поднимается представителями научно-экспертного сообщества в контексте мониторинга выполнения «майских» указов Президента Российской Федерации. Вместе с тем, до сих пор сохраняется семантическая неопределенность в отношении ряда базовых понятий, без уточнения которых невозможен переход к практическим аспектам соответствующего вопроса. Во-первых, сама формулировка «демократический кон-

троль» является сравнительно новой для российской политической науки и характеризуется неоднозначностью подходов к ее интерпретации. Во-вторых, явление, которое с ней ассоциируется, зачастую обозначается целым рядом синонимических конструкций: «политический контроль», «гражданский контроль», «народный контроль», «общественный контроль». При этом в российском законодательстве нормативную фиксацию получила именно последняя формулировка, что позволяет оценить ее как наиболее устоявшуюся, привычную и широко употребляемую в отечественном публичном дискурсе. Наконец, в-третьих, любые вопросы, связанные с осуществлением функции общественного надзора за деятельностью институтов власти, неизбежно становятся острыми, дискуссионными и противоречивыми.

Существующие в научной литературе подходы к интерпретации феномена демократического контроля целесообразно подвергнуть структурированию и типологизации. В данном контексте, прежде всего, следует выделить подход, который мы обозначим как *«государственно-управленческий»*. Под государственным управлением зачастую понимается деятельность институтов государственной власти, ориентированную на создание условий для максимальной реализации властных функций; обеспечения базовых прав и свобод граждан, а также согласования различных групповых интересов; обеспечения общественного развития посредством использования имеющихся ресурсов. Раскрывая природу и сущность контроля применительно к государственному управлению, ученые акцентируют внимание на том, что контроль представляет собой чрезвычайно многогранное и многоаспектное явление. Однако его можно охарактеризовать как функцию, основополагающий принцип, форму и специфический вид деятельности. Иными словами, контроль есть не что иное, как общая функция управления, наряду с такими функциями, как планирование и принятие решений, организация эффективного производства, руководство деятельностью и мотивация деятельности субъектов.

Определяя понятие контроля в системе управления, американский исследователь Г.И. Райт утверждает, что данный феномен представляет собой «взвешивание показателей и цели, определение причин отклонений и в случае необходимости принятие мер для исправления положения» [1, с. 47]. При этом очевидно, что контроль как функция государственного управления имеет весьма специфический характер, поскольку его субъектами выступают политические и государственные институты (в том числе группы интересов, когда речь идет о контроле за властью со стороны социальной периферии). Не случайно в юридической литературе контроль предстает как одно из средств обеспечения законности тех или иных властно-политических практик. Таким образом, в рамках рассматриваемой парадигмы, общественный/гражданский/демократический контроль (отождествление соответствующих понятий в данном случае уместно) выступает как вынесенная за рамки властных институтов функция государственного

управления. При этом объектом контроля выступает совокупность политико-управленческих мер, реализуемая государственными институтами. Подобное делегирование в данном случае обуславливается рядом факторов. Во-первых, это может способствовать экономии государственных средств, расходуемых на финансирование деятельности разного рода контролирующих структур, инстанций и инспекций. Во-вторых, институты гражданского общества как субъекты контроля зачастую бывают более объективными и мотивированными к выявлению нарушений, чем официальные органы власти. В-третьих, вовлечение общества в реализацию государственного контроля способствует рекрутированию политических элит из числа так называемых «народных экспертов».

Второй подход к интерпретации феномена демократического контроля имеет более глубокие корни и может быть охарактеризован как *«политико-философский»*. В рамках данного подхода центральное внимание уделяется роли, функциям и значимости демократических процедур в процессе управления обществом. Еще Платон в классической работе «Государство» исследовал вопросы соотношения частного и общественного в контексте разнообразных форм государственного устройства, в числе которых оптимальной он считал аристократию, характеризующуюся правлением философов-мудрецов. К числу последних должны были относиться те, кто менее всего стремится к власти, отличаясь доблестью и выдающимися интеллектуальными способностями, так как лишь в этом случае можно было бы преодолеть распри и междоусобные войны, подрывающие основы политической стабильности и государственной целостности. При этом главная задача в сфере контроля возлагалась на наиболее достойных и способных к философско-политической деятельности граждан. Однако тот факт, что в «идеальном государстве» Платона философы одновременно выступают и акторами государственного управления и субъектами контроля (сами правят и сами оценивают степень законности своих действий), заставляет усомниться в эффективности их гипотетического правления.

Проблема демократического контроля стала одним из центральных аспектов так называемых «теорий общественного договора». Т. Гоббс писал о естественном состоянии человеческого общежития как о «войне всех против всех». В известном труде «Левиафан» он обращает внимание на полное подчинение воли индивида государственной машине, возникшей на договорной основе и призванной поддерживать общественное согласие. Однако, неотъемлемым условием сохранения баланса интересов в любом государстве является, с его точки зрения, четкое отделение последнего от гражданского общества. Возникшее в результате заключения общественного договора государство располагает приоритетным правом на проведение в жизнь своих институциональных интересов, превалирующих над потребностями обычных граждан. Несмотря на наличие определенной гражданской свободы в обеспечении своего жизненного пространства (выборе крова,

пищи, порядка воспитания потомства и т.д.), государство-Левиафан все же практически не ограничено в возможностях. Данная позиция вполне соотносится с основополагающими положениями макиавеллизма. В рамках подобной парадигмы не общество (не народ), а государство выступает субъектом контроля за политической ареной, где непрерывно сталкиваются и конфликтуют конкурирующие групповые интересы.

Споря с концепцией Т. Гоббса, другой английский мыслитель Дж. Локк отмечал, что государство не должно замыкать на себе все политико-управленческие функции и наделяться таким образом безграничной властью. Точка зрения Дж. Локка, доминирующая сегодня на Западе, наметила либеральную традицию в понимании демократического контроля. В соответствии с данной традицией демократический (общественный) контроль в отношении деятельности государства предполагает постоянную инспекцию законности и эффективности функционирования властных институтов. В работах авторов, представляющих либеральную идеологическую платформу, нередко фигурируют идеи о гипотетическом расторжении общественного договора в случае нарушения или ущемления права граждан со стороны государства. Да и сам Дж. Локк утверждает следующее: «Когда законодатели пытаются отнять и уничтожить собственность народа или повергнуть его в рабство деспотической власти, то они ставят себя в состояние войны с народом, который вследствие этого освобождается от обязанностей какого-либо дальнейшего повиновения» [2, с. 231]. Таким образом, общество не только наделяется функцией контроля, но и силовым аппаратом, который может быть использован в случае нарушения условий общественного договора со стороны государства. В данном случае уместной представляется аналогия с первичной профсоюзной организацией, которая имеет право объявить забастовку, если работодатель в одностороннем порядке отказывается выполнять условия коллективного договора с сотрудниками.

Говоря о тех или иных политико-философских аспектах феномена демократического контроля, нельзя обойти вниманием труды И. Канта и Г. Гегеля. Если для первого из указанных авторов гражданское общество представляет собой вместилище человеческой добродетели, то для второго дело обстоит несколько иначе. В работах Г. Гегеля античная социально-политическая мысль сочетается с парадигмой восприятия права как формализованной идеи свободы. Немецкий философ уделял центральное внимание существованию трех элементов социума: семье; праву; гражданскому обществу. Последнее, по мнению философа, невозможно без наличия правового государства, законодательно подкрепляющего деятельность всех своих институтов и социальных субъектов. В системе ценностных координат Гегеля демократический контроль можно определить как «дополнение контроля сверху контролем снизу» (подобная точка зрения согласуется с государственно-управленческой парадигмой). Иными словами, продвижение общественных интересов и воспроизводство государственного порядка

должно сочетаться с защитой его граждан от произвола и противозаконной деятельности корпораций, фракций, властных институтов. Следовательно, в процессе выполнения контрольных функций обязательным становится политическое и государственное управление на основе верховенства права. При этом демократический контроль становится продуктом некоего симбиоза общественных и частных интересов в условиях легитимности власти, правового равенства и защищенности граждан.

Французский исследователь Э. Дюркгейм рассматривает государство и общество как многосоставные институциональные структуры, эволюция которых представляет собой плавный переход от чисто механической к органической солидарности. Возникновение институтов демократического контроля при этом неизбежно сопрягается с дифференциацией социума по профессиональной принадлежности его членов, а ослабление общественного контроля, априорно присущего обществу, ведет к социальной дефрагментации и дивергенции. Тезис о потребности человека в механизмах коллективного отстаивания групповых интересов получил свое отражение в учении марксистской школы. Отталкиваясь от философско-методологических предпосылок Г. Гегеля, К. Маркс и Ф. Энгельс разработали революционную концепцию, согласно которой, наряду с официальными правительствами, пролетарии должны учреждать параллельные властно-контрольные институты в форме органов местного самоуправления, муниципальных советов, рабочих клубов или комитетов. В данном случае общественный контроль принимает форму силового давления на власть со стороны граждан.

Подобные идеи получают развитие в трудах Г.В. Плеханова и В.И. Ленина. В частности, последний писал о системном и планомерном общественном контроле в процессе становления нового социалистического государства, подчеркивая необходимость соответствующих инструментов в борьбе с бюрократизмом. Можно предположить, что в данном конкретном случае речь идет о специфической форме коммуникации между органами государственного управления, партийными и общественными институтами. Концепция «приводного ремня», сформулированная советским руководством по отношению к профсоюзам в первой половине XX века наглядно характеризует подобную модель. На практике она ведет к формированию некоего суррогата демократического контроля, при котором функции надзора и ревизии передаются «марионеточным» структурам, полностью подконтрольным политической элите. В данном случае выстраиваются симулякры институтов общественного контроля, которые формально являются независимыми, однако не имеют ничего общего с демократией.

О мотивах, которые потенциально могут побудить индивида к действию, пишет австрийский исследователь А. Шюц. Ключевым концептуальным положением его теории служит тезис о том, что человеческое знание о мире представляет собой лишь набор конструктов, то есть совокупность абстракций, идеализаций и обобщений, соответствующих определенному

уровню организации мышления личности. Заметим, что демократический контроль по своему характеру можно с уверенностью воспринимать как согласованную коллективную деятельность или политическую коммуникацию. Последняя, согласно А. Шюцу, сопряжена с понятием так называемой интерсубъективности, в которой коллективное «мы» понимается не просто как группа людей, а как единство индивидов, имеющих общие интересы. При этом участие граждан в контрольной деятельности должно предопределять частичное или полное совпадение их мотивов или даже конечных целей. Из этого следует, что реализация функции демократического контроля невозможна в условиях раздробленности общества на враждующие идеологические фракции [3].

В значительной мере понятие общественного контроля пересекается с понятием социального или гражданского контроля, которое, предположительно, является более широким и не ограничивается надзором за деятельностью институтов государственной власти. Верной представляется концепция английского социолога П. Бергера, по мнению которого современный человек вписывается в многоярусную систему социального контроля, реализуемого самыми разными институтами обществ [4]. С точки зрения П. Бергера, социальный контроль должен реализовывать охранительную и стабилизирующую функции, охватывая практически все компоненты и сферы общественной жизни. При этом действия социального субъекта всегда ограничены жесткими рамками сложившейся реальности, но в то же время предопределены личными установками и мотивами. Следовательно, можно заключить, что демократический и общественный контроль являются частными случаями социального контроля, объектами которого выступают все процессы, протекающие в обществе (как политические, так и неполитические).

За последние 50 лет в политико-правовой и общественной мысли понятие контроля существенным образом трансформировалось. Зачастую оно воспринимается как инструмент демократического волеизъявления граждан или экспертиза законности функционирования органов государственной власти, проведения выборов, осуществления процедуры государственных закупок и так далее. Нередко так называемый «гражданский активизм» воспринимается как индикатор протестного потенциала. Однако следует заметить, что наличие развитой системы общественного контроля, скорее, свидетельствует об обратном. Следуя данной концептуальной установке, российский исследователь А.В. Новиков предлагает трактовать общественный контроль как:

- 1) набор конкретных действий по надзору за органами власти (проверка качества выполнения политико-управленческих решений и поручений, мониторинг соблюдения правового порядка и т.п.);
- 2) совокупность процессов, направленных на обеспечение стабильности государства (в том числе соблюдения существующего социального порядка) [5].

Полагаем, что аналогичные направления реализуются в рамках процедуры демократического контроля, если в качестве надзирающих субъектов выступают органы законодательной власти и парламентские фракции. В условиях доминирования либеральной идеологии общественный контроль может претендовать на роль так называемой «четвертой силы». При этом его функционал максимально разнообразен: от работы в медийном поле до реализации антикоррупционных мероприятий или участия граждан в обсуждении наиболее судьбоносных законопроектов. Следует также отметить, что зрелость институтов общественного контроля детерминирует состояние гражданского общества в целом. Понимание данного обстоятельства позволяет нам выделить две ключевые формы общественного контроля: формализованную и неформализованную. Первая из них реализуется в рамках существующих политико-правовых институтов (в нашей стране роль данного института выполняет Федеральный закон от 21 июля 2014 г. № 212-ФЗ «Об основах общественного контроля в Российской Федерации»), а вторая — осуществляется институтами гражданского общества за рамками четко установленных процедур и регламентов.

Феномен демократического контроля все чаще исследуется в контексте эволюции публичного политического пространства. Анализ современных коммуникативных механизмов и практик позволяют говорить об изменении механизмов общественного участия и, как следствие, о возникновении новых инструментов общественного контроля. Нельзя игнорировать тенденцию постепенного «ухода» механизмов демократического контроля в виртуальное пространство. В актуальных научных источниках особое значение уделяется смыслу коммуникации, а также субъективным особенностям и мотивам социальных действий. В частности, Ю. Хабермас в своих наиболее известных работах пишет о дискурсе, как о социальной обусловленности речевого взаимодействия [6, s. 158]. С его точки зрения, сама возможность разрешения потенциальных конфликтов между государством и обществом зависит от специфики и содержания речевой коммуникации. Соответственно, условием достижения консенсуса в процессе вертикальной политической коммуникации является не столько истинность получаемого сторонами знания, сколько достижение взаимного понимания [6, s. 523]. Таким образом, наличие публичных дискуссионных площадок, наделенных функционалом демократического контроля (в том числе в Интернете), способствует поддержанию политической стабильности и целостности общества.

Еще одним чрезвычайно важным аспектом феномена демократического контроля является его роль в повышении конкурентоспособности государства на мировой арене. Наличие качественной системы общественного мониторинга эффективности работы бюрократии и расходования общенародных средств стимулирует истеблишмент к более интенсивной, прозрачной и качественной деятельности. В данном случае функционал демократического контроля может лежать в области выявления случаев ошибочного

или недобросовестного исполнения государственными служащими своих непосредственных обязанностей, включая комплекс антикоррупционных мероприятий. Подобная работа не может вестись в условиях авторитаризма и при отсутствии основополагающих демократических прав и гарантий (свободы слова, плюрализма СМИ, независимости судебных инстанций и т.д.).

Весьма существенные результаты могут быть получены посредством использования структурно-функционального подхода к изучению демократического контроля и технологий его реализации. В данном случае автор настоящей статьи считает необходимым задаться четырьмя вопросами: 1) кто контролирует, то есть, кто является субъектом демократического контроля; 2) что контролируется, следовательно, что является объектом и предметом контроля; 3) при помощи чего контролируется, иначе говоря, каковы инструменты контроля; 4) что делает демократический контроль возможным?

Применительно к демократическому контролю ответы на соответствующие вопросы представляются нам следующими:

1) Субъектом демократического контроля могут выступать либо парламентские структуры (выборные органы, фракции, комитеты, отдельные депутаты), либо институты гражданского общества (органы местного самоуправления, общественные палаты, профсоюзы, некоммерческие организации, правозащитники, СМИ, активисты-общественники и т.д.)

2) Объектом демократического контроля служит государственная политика, а предметом — эффективность и законность мер, применяемых органами власти для ее реализации.

3) Технологии демократического контроля включают совокупность формализованных и неформализованных инструментов общественного мониторинга, экспертизы и корректировки решений, принимаемых органами власти.

4) Демократический контроль становится возможным лишь при наличии развитого гражданского общества и соответствующей правовой базы для его осуществления, а также в условиях реальной политической конкуренции, свободы слова и плюрализма групп интересов. Помимо прочего, его осуществление требует существования эффективной и отлаженной системы обратной связи между властью и социальной периферией.

Таким образом, можно утверждать, что в политической системе общества демократический контроль обеспечивает функцию обратной связи субъекта государственного управления с объектом. По своей сути, демократический контроль является подвидом социального контроля, так или иначе направленного на все процессы, протекающие в социуме (как политические, так и неполитические). При этом демократический контроль осуществляется параллельно с обязательным властным самоконтролем, обеспечиваемым бюрократией, правоохранительными структурами, государственными инспекциями, органами официальной статистики, счетными палатами и так далее.

В свою очередь, понятие «демократический контроль» шире понятия «общественный контроль», поскольку первый может осуществляться парламентскими институтами, интегрированными в систему законодательной власти, а второй — реализуется структурами, вынесенными за ее пределы (общественными палатами, профсоюзами, непарламентскими партиями, «фабриками мысли», органами местного самоуправления, религиозными институтами, СМИ и т.д.). Если ревизионно-надзорная функция осуществляется непосредственно гражданскими активистами, а не организациями, то имеет место гражданский контроль (разновидность общественного). Следует, однако, помнить, что в условиях авторитаризма или тоталитаризма общественный контроль может утратить свою демократическую природу и превратиться в институт механической легитимации правящего курса, полностью подконтрольный политической элите. Таким образом, демократический контроль возможен лишь при наличии республиканской формы правления, развитой политико-правовой системы и полноценного гражданского общества, обладающего должным уровнем суверенитета. Он может осуществляться как в рамках формальных политико-правовых институтов (например, института общественной экспертизы законопроектов), так и при помощи широкого спектра неформализованных процедур. Эффективное функционирование публичных дискуссионных площадок и ресурсов для осуществления демократического контроля (в том числе в Интернете) способствует поддержанию политической стабильности и целостности общества.

Список литературы

1. Райт Г. Государственное управление. К.: Основы, 1994.
2. Локк Дж. Сочинения: В 3 т. Т. 3. М.: Мысль, 1988.
3. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
4. Бергер П. Приглашение в социологию: Гуманистическая перспектива. М., 1996.
5. Новиков А.В. Контроль в социально-политической системе российского общества. М.: Современная экономика и право, 2005.
6. Habermas J. Technik und Wissenschaft als Ideologie. Frankfurt: Suhrkamp Verlag, 1968.

С.В. КОРОЛЕВ

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ СИСТЕМА – ФАКТОР СОВЕРШЕНСТВАНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Алексеев Р.А. Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование): монография.
М.: ИНФРА–М, 2019. 211 с.

Аннотация. Статья представляет собой рецензию на монографию Р.А. Алексеева «Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование)».

Ключевые слова: избирательная система, демократия, избирательное право, избирательный процесс, концепции демократии, политико-правовой аспект, электоральное поведение, электоральный абсентеизм.

THE ELECTORAL SYSTEM AS A FACTOR OF FORMATION AND DEVELOPMENT OF RUSSIAN DEMOCRACY

[Review of the book: Electoral system as a factor of formation and development of Russian democracy (comparative political and legal research): monograph / R. Alekseev.
Moscow: INFRA–M, 2019. 211 с. (In Russ.)]

Abstract. The article is a review of the monograph of Alekseev R. A. “Electoral system as a factor of formation and development of Russian democracy” (comparative political and legal research).

Keywords: electoral system, democracy, electoral law, electoral process, concepts of democracy, political and legal aspect, electoral behavior, electoral absenteeism.

Монография Р.А. Алексеева «Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии» (сравнительное политико-правовое исследование) посвящена проблемам функционирования избирательной системы в советский период отечественной истории и ее становления в современной России. Большое внимание в работе уделено характери-

КОРОЛЕВ Сергей Викторович — доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права юридического факультета Государственного университета по землеустройству, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, г. Москва

ке таких институтов конституционного права, как избирательное право и избирательный процесс, анализу различных концепций демократии в юридической и политической науке, взаимосвязи и взаимодействии избирательной системы и демократии.

Актуальность исследования обусловлена рядом факторов. Во-первых, она обусловлена необходимостью совершенствования народовластия в современной России посредством избирательной системы, которая, в свою очередь, требует качественного улучшения на базе имеющихся научных разработок как в советских, так и в современных юридических и политологических источниках. Во-вторых, на актуальность работы указывает высокая значимость демократии вообще, как формы государственной власти, ибо в ее основе лежит выборность всей власти снизу доверху посредством вполне конкретной избирательной системы, устанавливаемой государством. С данной точки зрения избирательная система выступает одним из главных инструментов развития и совершенствования демократии, тогда как народовластие в качестве вполне определенной формы правления в демократическом государстве определяет сущность и содержание избирательной системы страны. Таким образом, демократия и избирательная система диалектически взаимосвязаны друг с другом как политико-правовые процессы, и изменение одного из них ведет к обязательному изменению другого.

И, наконец, актуальность исследования связана с естественным несовершенством избирательной системы в современной России, вступившей с начала 1990-х годов на путь коренного реформирования конституционного строя. Несмотря на то, что этот процесс продолжается более четверти века, остается целый ряд вопросов, нуждающихся в аргументированных ответах. Базовым представляется вопрос о том, насколько оправдано безоглядное заимствование западных аналогов демократии и избирательной системы при полном игнорировании отечественного опыта? Этот вопрос возникает еще и потому, что процессы реформирования в современной России протекают сложно и противоречиво. Следовательно, от выбора путей реформирования государственного строя в целом, демократии в особенности и избирательной системы в частности, зависит и процесс дальнейшего развития современной России.

При написании монографии автором был использован широкий спектр источников, в том числе утратившее юридическую силу избирательное законодательство советской России и действующие в современной России законодательные акты электорального направления, научно-исследовательские работы таких авторов, как С.А. Авакьян, А.В. Абрамов, А.С. Автономов, Л.А. Агеев, С.М. Бродович, Ю.А. Веденеев, А.А. Вешняков, В.В. Водовозов, А.В. Зиновьев, А.В. Иванченко, В.В. Игнатенко, М.В. Казакова, Б.Д. Катков, Е.В. Корчиги, А.И. Ким, Е.И. Козлова, О.Е. Кутафин, В.В. Комарова, Б.А. Страшун, С.Н. Федорченко и другие.

В работе использованы и иные виды источников, в числе которых периодические издания, данные по выборам депутатов Государственной Думы Федерального Собрания и Президента Российской Федерации, электоральная статистика, кандидатские и докторские диссертации, посвященные избирательной системе и демократии, и энциклопедические издания.

Изложенный в работе анализ публикаций и диссертационных работ свидетельствует, что монографических исследований по исследуемой проблеме в том виде, как она представляется автору, в настоящее время нет. Как в области избирательных систем, так и в области демократии изучались лишь отдельные аспекты проблем, во взаимосвязи же эти явления и процессы не исследовались. В представленной монографии роль избирательной системы в становлении и развитии народовластия впервые раскрыта с точки зрения политико-правового аспекта в их диалектической взаимосвязи и взаимообусловленности в разных по типу и форме государствах, на примере, главным образом, Советской и современной России.

* * *

Монография имеет четкую структуру, включает в себя предисловие, три главы, заключение и список использованных источников. В первой главе под названием «Сущность и содержание «избирательной системы» в юридической и политологической литературе», избирательная система, во-первых, рассматривается с точки зрения ее соответствия требованиям системного подхода, во-вторых, дается анализ значительного количества определений этого понятия и особенностей ее понимания в советский период, западных странах и современных энциклопедических источниках, действующем законодательстве Российской Федерации.

На основе сравнительно-правового анализа избирательное право исследуется как источник развития избирательной системы и демократии в государстве с его принципами и цензами; избирательный процесс, — как механизм реализации избирательного права граждан; а избирательные способы (т.е. избирательные системы), — как основные показатели развитости избирательной системы в современных государствах.

Во второй главе, обозначенном как «Сущность и содержание «демократии» в разных направлениях политико-правовой мысли», рассматриваются методологические основы демократии в истории гуманитарных знаний. Обобщены основополагающие принципы построения концепций демократии и рассмотрены ее конкретные определения в российских энциклопедических исследованиях разных лет и научных работах некоторых авторов. С целью выявления взаимосвязи и взаимообусловленности разных концепций народовластия, раскрытия с разных мировоззренческих позиций этого многогранного явления, дан сравнительный анализ теорий плебисцитарных и представительных демократий. Проанализированы теории демократии как одного из важнейших видов и способов правления, политической формы

классовой диктатуры и управленческого механизма; а также либерально-плюралистических, консервативно-элитарных форм демократии и демократии участия. Особое внимание уделено анализу демократии как системы «народовластия»; отмечается значимость выборов как средства избрания в государственную власть; анализируется соответствие мировым стандартам принципов «западной» демократии в российском исполнении.

В третьей главе, посвященной «Роли избирательной системы в становлении и развитии демократии», рассматриваются проблемы создания и повышения значение электоральных систем в эволюции современных форм народовластия. Анализируются причины несовершенства существующей российской избирательной системы, обозначаются меры, направленные на модернизацию и развитие действующего избирательного законодательства. Предлагается авторский подход к совершенствованию избирательной системы, прежде всего, через развитие народной демократии (т.е. «народовластия»).

Вопросы, касающиеся функционирования и развития избирательной системы исследованы с учетом длительного периода, начиная от особенностей выборных процессов СССР и заканчивая ныне действующей избирательной системой России. Выявлено влияние избирательной системы на процесс становления и развития российской демократии. При изучении вышеуказанных государственно-правовых институтов автор исследования руководствовался, прежде всего, такими всеобщими методами научного познания, как анализ и синтез, аналогия и моделирование, диалектическим методом исследования, методом дедукции и индукции, которые помогли ему сформулировать теоретико-познавательную составляющую работы. Также широко использовались способы и приемы, характерные для юридической и политической науки: метод сравнительно-правового анализа (юридическая компаративистика), формализации, системный подход, структурно-функциональный анализ и исторический анализ. Перечисленные способы исследования помогли рассмотреть избирательную систему, избирательное право и демократию не как установившиеся «костные» явления, не способные к самоорганизации и моделированию, а как активно развивающиеся и эффективно функционирующие государственно-правовые институты (т.е. рассмотреть эти институты не в статике, а в динамике), которые характеризуют политическую систему общества.

Отметим, что избирательная система рассматривается автором исследования с позиций системного (структурно-функционального) подхода. Следовательно, изучается как одна из разновидностей социальных систем, представленная источником развития — избирательным правом в единстве его принципов и цензов, механизмом развития — избирательным процессом со всеми его стадиями, начиная от формирования списков избирателей и заканчивая процедурой голосования, результативностью развития — взятые в единстве мажоритарные и пропорциональные способы подсчета голосов избирателей. В свою очередь демократия определяется автором

как форма управления государством, то есть подлинное «народовластие», функционально включающее такие принципы, как выборность всех органов государственной власти, начиная от низовых звеньев и заканчивая самыми высшими государственными институтами; подотчетность избранных органов власти избирательному корпусу страны; действие таких способов контроля над исполнением «воли народа», как наказания избирателей; отчет депутатов о проделанной работе и отзыв депутатов представительных органов власти за неисполнение ими своих предвыборных обещаний и программ.

В исследовании предлагаются конкретные пути по реформированию избирательной системы современной России, что в последующем должно привести к становлению в Российской Федерации подлинной, а не управляемой демократии, осуществляемой финансово-олигархической элитой, рекрутируемой из числа «избранных» власть имущих и кредитоспособных граждан нашей страны.

Монография представляет ценность и интерес для самого широкого круга читателей: юристов-государствоведов, изучающих вопросы конституционного права и его подотрасли — избирательного права; членов избирательных комиссий различного уровня; политологов, занимающихся политическими исследованиями в сфере власти и властных отношений; историков и социологов, занимающихся исследованием института выборов и электоральной статистикой избирательных кампаний России двух последних десятилетий, а также для рядовых граждан — избирателей России.

Автором монографии корректно используются различные виды источников: законодательная база, научные монографии, периодические издания, данные социологических опросов и анкет, электоральной статистики, энциклопедическая литература и иные источники. Монография Р.А. Алексеева «Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование)» отвечает всем предъявляемым к изданиям такого рода требованиям. Значимость исследования состоит и в том, что его теоретические положения, выводы и рекомендации позволяют использовать полученные результаты в исследовательской работе по избирательной тематике, при подготовке учебных пособий и спецкурсов по избирательному праву, конституционному праву и политологии.

Литература:

1. Алексеев Р.А. Избирательная система как фактор становления и развития российской демократии (сравнительное политико-правовое исследование): монография. М: ИНФРА-М., 2019. 211 с.

А.Г. ГОЛОВИН
А.А. ГОЛОВИНА

ТЕОРИЯ ПРАВА В ПОИСКЕ НОВОЙ ПАРАДИГМЫ РАЗВИТИЯ

Веденеев Ю.А. Грамматика правопорядка: монография / науч. ред.

В.В. Лазарев.

М.: РГ-Пресс, 2018. 232 с.

***Аннотация.** Рецензия написана на многогранное концептуальное теоретико-правовое исследование — монографию проф. Ю.А. Веденеева «Грамматика правопорядка», в котором автор поднимает существенные, весьма значимые для современной юриспруденции вопросы. Работа автора, изложенная в присущей ему яркой манере и глубокомысленном стиле, привлекает внимание к сложнейшим аспектам правовых явлений и процессов, к осмыслению юридической наукой самой себя и собственных актуальных задач. Отмечается, что исследование представляет несомненный научный интерес и обогащает отечественную правовую науку.*

***Ключевые слова:** теория права, монография «Грамматика правопорядка», теоретическая юриспруденция, парадигмы правовой науки, «понимающая юриспруденция», современное правопонимание.*

THEORY OF LAW IN SEARCHING FOR A NEW PARADIGM OF DEVELOPMENT

[Review of the book: Grammar of Law: monograph / Yu. Vedeneev.
Moscow: RG-Press, 2019. 232 p. (In Russ.)]

***Abstract.** It is a review on a multifaceted conceptual theoretical and legal study is a monograph by prof. Yu.A. Vedeneev “Grammar of Law”, in which the author raises the essential, very significant issues for modern jurisprudence. The paper outlined in characteristic bright style of the author and profound style, draws attention to the most complex aspects of legal phenomena and processes, to the legal science understanding of itself and its own pressing problems. It is noted that the study is of undoubted scientific interest and enriches the domestic legal science.*

***Keywords:** legal theory, monograph “Law grammar”, theoretical jurisprudence, paradigms of legal science, “understanding jurisprudence”, modern law understanding.*

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич — кандидат юридических наук, заместитель руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера, г. Москва

ГОЛОВИНА Анна Александровна — кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, г. Москва

Важнейшей составляющей любой науки является ее постоянная рефлексия, изучение самой себя и своего места на карте научного мира, в системе отношений с другими науками, роли в общественном прогрессе, непрерывающееся осмысление и переосмысление исторических путей и перспектив дальнейшего развития. В данном восприятии юридическая наука не является исключением, она, выходя на новые горизонты, всякий раз тоже «оглядывается», всматривается как по сторонам, так и вглубь себя в поисках парадигмы, которая даст ей устойчивый фундамент для такого развития, станет надежным ориентиром в неустойчивом мире всеобщей мировоззренческой турбулентности. Как правило, такие поиски осуществляются в рамках дискуссий о понятии права, но часто далеко выходят за ее пределы и вторгаются в пространства совсем уж чистого, почти метафизического осмысления права и его судеб в человеческом обществе.

За последние годы появилось или актуализировалось немало течений в области теоретической юриспруденции, в которых делаются попытки разработать такую парадигму: интегративная теория права (В.В. Лазарев, В.Г. Графский, В.В. Ершов и др.), коммуникативная (А.В. Поляков), постклассическая (И.Л. Честнов) и т.д. Происходила оживленная полемика между представителями достаточно популярного в современной юридической науке либертарно-юридического правопонимания В.С. Нерсесянца (В.А. Четвернин, В.В. Лапаева, Н.В. Варламова и др.) и сторонниками традиционного нормативного правопонимания (М.И. Байтин, Т.Н. Радько, Д.Е. Петров и др.), которое вовсе не собирается сдавать своих позиций. Однако консенсуса так и не было достигнуто, в том числе по сакраментальному для юриспруденции вопросу «что такое право?». Тем самым в который раз подтверждаются выводы Т. Куна, заложившего основы понятия парадигмы в известной работе «Структура научных революций», о том, что если в естественных науках наблюдается смена парадигм (например, гелиоцентрическая модель в астрономии сменила геоцентрическую), то удел наук социальных — конкуренция парадигм, их одновременное существование.

Еще одно глубокое концептуальное исследование, которое неслучайно вышло под научной редакцией известного специалиста в области концепций правопонимания и методологии юриспруденции, проф. В.В. Лазарева, продолжает этот ряд и является оригинальной попыткой теоретической юридической науки ответить на самые насущные вопросы о том, что же она из себя представляет в современном мире, каковы ее мировоззренческие, парадигмальные основы и так далее. Символично, что одна из глав монографии так и называется: «Наука права в поисках самой себя: от юриспруденции повседневности к метатеории».

Итак, в 2018 году вышла книга известного ученого, доктора юридических наук, профессора, профессора кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА) Юрия Алексеевича Веденеева под звучным названием «Грамматика

правопорядка». Приступая к обзору этой книги, хочется подробнее остановиться на ее названии. Ведь не секрет, что обозначение любой книги, будь то научная или художественная, настраивает читателя на определенный лад и порождает соответствующие ожидания. И если судить по названию, от монографии Ю.А. Веденеева ожидаешь, что это будет либо книга по юридико-технической проблематике, либо книга о правопорядке (а эта категория в научной литературе достаточно разработана и имеет определенный «бэкграунд»), либо все вместе. Однако автор удивляет. И это является одновременно и достоинством, и в некотором аспекте — недостатком работы. Достоинством, потому что не так часто выходят фундаментальные работы по теоретическим или даже мировоззренческим основам правовой науки. Причем такие, где явственно прослеживается оригинальная авторская концепция. Недостатком, ибо все же лучше, чтобы название книги отражало ее содержание, тогда она быстрее найдет свою «целевую аудиторию» и не вызовет уточняющих вопросов у читателей.

В данном случае автор сам описывает цели и задачи, с которыми писалась книга, следующим образом: «Доктринальный аспект содержания юридического знания традиционно является частью предмета истории политических и правовых учений. ... Вместе с тем другая часть исторических систем юридического знания, а именно практический и аналитический язык юриспруденции, разрывы и преемственность исторических форм аргументации юридического знания и его концептуализации, находится на периферии исследовательских интересов теоретиков и историков правовой науки. ... Представленные очерки призваны в известной мере восполнить этот пробел. На наш взгляд, новая эпистемологическая перспектива в изучении права как языковой и когнитивной реальности, одновременно образной, символической и понятийной, включает актуальное направление и подходы в исследовании исторических форм развития самой юридической науки. Она позволяет проблематизировать вопросы, касающиеся разработки общей теории предмета и структуры правовой науки как системы юридических знаний» [1, с. 22–23].

Так может быть, стоило и книгу назвать «Эпистемология права», «Концептуальная история юриспруденции» и т.д.? Однако, разумеется, автору виднее, и в любом случае, название достаточно звучное и запоминающееся, чтобы привлечь внимание заинтересованных читателей.

Обращают на себя внимание с первых же страниц язык и стиль автора — достаточно сложные в восприятии, но вместе с тем интеллектуально и концептуально «наполненные», заставляющие читателя сосредоточиться и встроиться в совместную работу с автором по «расшифровке» глубинных секретов юридической науки, той самой «тайны и силы права», о которой писал С.С. Алексеев. Те, кто знаком с Юрием Алексеевичем лично и присутствовали на его занятиях со студентами или слушали выступления на конференциях, знают, что такова и устная манера научной речи автора — всегда

глубоко оригинальная, многослойная, отражающая своеобразие авторских идей и концепций. Так что стоит заранее предупредить: «Грамматика правопорядка» предполагает напряженный интеллектуальный труд не только автора, но и читателя, ее вряд ли назовешь легкой в прочтении книгой. Но и результат ее осмысления для вдумчивого читателя может быть очень плодотворным и перспективным с точки зрения выхода на новый уровень научного и повседневного правопонимания.

* * *

Монография предваряется обширным введением, которое само по себе уже имеет нестандартный формат. Это скорее не введение, а «нулевая глава», включающая три параграфа. Введение имеет подзаголовок «Концептуальная история юридической науки» и делится на такие структурные части, как «1. Постановка вопроса», «2. Историография вопроса: общий обзор развития дисциплины» и «3. Современное состояние разработки темы».

Основная часть книги включает семь глав, само перечисление названий которых дает определенное представление о широте и красочности материала, который в них обобщен: «1. Юридическая теория: предмет и структура», «2. Наука права в поисках самой себя: от юриспруденции повседневности к метатеории», «3. Юридическая картина мира: правовые воззрения эпохи и институты», «4. Правовая реальность: онтология и эпистемология», «5. Антропология права: между культурными традициями и институциональными нововведениями», «6. Юридическая наука в системе междисциплинарных связей», «7. Интерпретационная теория права как феномен социогуманитарного юридического знания».

Интересны концептуальные подходы автора к постановке базовых вопросов исследования и к раскрытию новых сторон юридической науки и практики в их взаимосвязи. Он рассматривает «юридическую картину мира» и «правовую реальность», рассуждает о «новой юриспруденции», «понимающей юриспруденции», в контексте которых подчеркивает, в частности, что юридическая наука «может и должна стать для себя самой предметом саморефлексии в части собственных теоретико-методологических оснований» [1, с. 47]. Раскрывая концепцию «понимающей юриспруденции», Ю.А. Веденеев пишет, что правопонимание образует метатеорию государства и права, его базовый социокультурный концепт. «Различные версии понимания права» — отмечает автор, — «образуют собственные аналитические и юридические пространства, выстроенные в логике породившей их социокультуры, свою онтологию, аксиологию и эпистемологию. Каждой из них корреспондирует свой собственный теоретический и практический язык, свое собственное право и определение права. Это место встречи официального, т.е. санкционированного системой юридического образования понимания права, и практической и концептуальной критики его структурных оснований» [1, с. 52].

Автор подробно обращается к проблематике самого языка юридической науки — языка дисциплины, правовых текстов, языка рассуждения о праве (и государстве). В монографии этот язык рассматривается в своей эволюции, прослеживается его внутренняя логика, влияние на структурные изменения права и теории права, исследуются различные формы «практического и теоретического существования» языка. «Это и язык юридических конструкций и решений» — пишет автор, — «это и язык юридических понятий и концепций, это и язык юридических образов и символов» [1, с. 39]. Рассматривается взаимосвязь правовой реальности и юридического языка, как категории с исторически меняющимся нормативным содержанием и формами своего выражения, а также «поэтика юридического текста», раскрываемая автором как весьма многогранная и комплексная теоретическая категория.

Горизонты интеграции юриспруденции с другими социальными и естественными науками раскрываются автором, в частности, через такие исключительно интересные плоскости исследования, как «антропология права», «правовая археология», «юридическая социология».

Многие тезисы автора представляются дискуссионными, однако работы такого формата и масштаба обязательно должны давать повод для научных диспутов в профессиональной среде. Монография предоставляет множество материала для размышлений и дальнейших исследований, способных подтвердить или же опровергнуть выдвинутые автором гипотезы и предложенные им конструкции.

* * *

Книга имеет три любопытных приложения. В первом содержится Рабочая программа учебной дисциплины «Культурно-историческая юриспруденция». Автор предполагает, что «цели преподавания учебной дисциплины «Культурно-историческая юриспруденция» или антропологически ориентированная юриспруденция («Антропология права») — последовательное освоение ключевых понятий и категорий, образующих теоретико-методологические основания изучения первоначальных форм социально-нормативного регулирования общественных отношений и их трансформации в развитые концептуальные и институциональные правовые системы» [1, с. 185]. При этом подчеркивается, что «изучение «Антропологии права» позволяет выйти за узкие рамки позитивистской версии понимания права, помогает ориентироваться в ситуации одновременного и параллельного воздействия на поведение субъектов множества институциональных комплексов, порожденных плюралистической природой реальных систем социально-нормативного регулирования» [1, с. 185–186].

Второе приложение включает крайне полезные любому исследователю материалы: «Междисциплинарную библиографию». Ее ценность особенно высока потому, что в современной юридической науке, как и во многих других дисциплинах, обострилась проблема дифференциации и разобщения

научного знания. В некоторых своих исследованиях [2, с. 336; 3] мы уже подчеркивали, что в условиях современного гиперинформационного общества ученый, по сути, оказывается перед дилеммой: либо осваивать выборочно имеющуюся информацию по широкой сфере знаний, либо сужать область научного исследования с тем, чтобы изучить предмет более полно и глубоко. Поскольку, как правило, выбор делается в пользу второго варианта, современная наука сталкивается с небывалой прежде дифференциацией научного знания, раздроблением научной картины мира. Еще в XX веке были сказаны слова В.И. Вернадского о том, что «мы специализируемся не по наукам, а по проблемам» [4, с. 89]¹; в веке XXI этот тезис особенно справедлив. Уместно вспомнить и слова Л.Н. Гумилева: «В XVIII–XIX вв., благодаря дифференциации наук, было накоплено огромное количество сведений, к началу XX в. ставшее необозримым. Образно говоря, могучая река Науки была пущена в ирригационные арыки. Животворная влага оросила широкую территорию, но озеро, ранее ею питаемое, т.е. целостное мирозерцание, высохло. И вот осенний ветер вздымает донные отложения и засеивает соленой пылью разрыхленную землю полей (...) так и в науке: узкая специализация полезна лишь как средство накопления знаний: дифференциация дисциплин была этапом, необходимым и неизбежным, который станет губительным, если затянется надолго» [5, с. 34].

Учитывая отмеченные тенденции, современная наука, в том числе и юридическая, для того, чтобы обеспечить успешное дальнейшее развитие, встает перед необходимостью совместить две противоположности: а) узкую специализацию, все же необходимую для получения глубоких знаний по предмету исследования, и б) реинтеграцию научного знания, в том числе путем проведения междисциплинарных исследований и развития интегрирующих наук.

В связи с этим нельзя не воздать должное автору рассматриваемой книги за комплексный, междисциплинарный, основанный на широте научных знаний и глубине анализа подход к исследованию фундаментальных теоретико-правовых проблем. Исследование имеет системный характер, выходит на позиции философии права, что необходимо для осмысления поднятых автором проблем, ибо, как справедливо отмечает, например, В.И. Карасев, «ответ на вопрос о правовой реальности — это прямая компетенция философии права» [6, с. 101].

Наконец, в третьем приложении собраны тематические рецензии автора на авторефераты диссертаций, в которых также ярко проявляется авторская позиция по затронутым в книге вопросам.

¹ Ученый писал: «В наше время рамки отдельной науки, на которые распадается научное знание, не могут точно определять область научной мысли исследователя, точно характеризовать его научную работу. Проблемы, которые его занимают, все чаще не укладываются в рамки отдельной, определенной сложившейся науки, мы специализируемся не по наукам, а по проблемам».

Обращает на себя внимание отсутствие заключения, хотя оно было бы более чем уместным в подобной фундаментальной, нагруженной различными смыслами и концепциями книге. Четкое перечисление основных выводов, к которым пришел автор по итогам исследования, позволило бы более ясно представлять авторскую концепцию, которую в книге порою может быть трудно увидеть за довольно сложными построениями фраз и подробным изложением дискуссий на ту или иную теоретико-философскую проблематику. Хотя это — исключительно вопрос авторского видения структуры изложения научного материала.

* * *

Мы уже отмечали особую важность сохранения и развития фундаментального компонента научных исследований и подчеркивали, что работы, ориентированные на конкретные практико-правовые проблемы (при всей их несомненной важности и необходимости), не должны полностью вытеснять собой теоретико-методологические изыскания и научный поиск новых смыслов, которые могут быть востребованы в будущем [7, с. 7]. Работа Ю.А. Веденева является именно таковым фундаментальным исследованием, ориентированным на смелый поиск новых подходов и точек зрения на, казалось бы, уже неоднократно описанные и исследованные правовые явления, которые, однако, демонстрируют новые свои грани благодаря нетривиальному подходу автора монографии.

Книга, о которой можно было бы сказать еще многое, представляет несомненный научный интерес и будет, безусловно, полезна всем неравнодушным к концептуальной проблематике современной юриспруденции — юристам-практикам, ученым-исследователям, увлеченным теорией права студентам и аспирантам. Исследование Ю.А. Веденева призывает не скользить по привычной глади правовых понятий, конструктов и формально-юридических подходов, а смотреть вглубь базовых категорий юриспруденции, испытывать их природу, постигать саму сущность явлений правовой действительности в их динамике, диалектическом развитии, пытаться прогнозировать пути дальнейшей эволюции правопонимания. Подобные работы обогащают отечественную правовую науку и достойны самого серьезного внимания научного юридического сообщества.

Список литературы

1. Веденев Ю.А. Грамматика правопорядка: монография / науч. ред. В.В. Лазарев. М.: РГ-Пресс, 2018.
2. Головина А.А. Проблемы взаимодействия теории государства и права и отраслевых юридических наук // Теория государства и права в науке, образовании, практике: монография / Ю.Г. Арзамасов, В.М. Баранов, Н.В. Варламова и др.; пред. ред. совета Т.Я. Хабриева. Институт законодательства и

сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: ИД Юриспруденция, 2016.

3. Головина А.А. Критерии образования отраслей в системе российского права: монография. М.: РУСАЙНС, 2018.
4. Вернадский В.И. Размышления натуралиста. Кн. 2. Научная мысль как планетарное явление. М., 1977.
5. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М.: Эксмо, 2008.
6. Карасев В.И. Философия права в контексте глобальной социальной трансформации // Гражданин. Выборы. Власть. 2018. № 3. С. 100–122.
7. Головин А.Г. О науке избирательного права и ее актуальных задачах // Избирательное законодательство и практика. 2016. № 1. С. 3–11.

Е.Н. РЫЖКОВ
Ю.В. АНИСИМОВА

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО- ПРАКТИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «МОЛОДЫЕ ИЗБИРАТЕЛИ И КАНДИДАТЫ: ОТ ПРАВА ИЗБИРАТЬ К ПРАВУ БЫТЬ ИЗБРАННЫМ»

Аннотация. Публикуется обзор международной научно-практической конференции «Молодые избиратели и кандидаты: от права избирать к праву быть избранным». Конференция состоялась 12 февраля 2019 года в Межпарламентской Ассамблее СНГ. **Ключевые слова:** молодежный электорат, электоральное поведение, институт выборов, избирательный процесс, избирательное законодательство, парламентаризм, информационные технологии, молодежные проекты.

SCIENTIFIC AND PRACTICAL CONFERENCE “YOUNG VOTERS AND CANDIDATES: FROM THE RIGHT TO ELECT TO THE RIGHT TO BE ELECTED”

Abstract. An overview of the scientific and practical conference “Young voters and candidates: from the right to elect to the right to be elected” is published. The conference was held on February 12, 2019 at the Interparliamentary Assembly of the CIS.

Keywords: youth electorate, electoral behavior, institute of elections, electoral process, electoral legislation, parliamentarianism, information technologies, youth projects.

12 февраля 2019 года в Парламентском центре на площадке Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ в Санкт-Петербурге прошла международная конференция «Молодые избиратели и кандидаты: от права избирать к праву быть избранным».

Организаторами мероприятия выступали Молодежная межпарламентская ассамблея СНГ (ММПА СНГ) и Международный институт мониторинга развития демократии, парламентаризма и соблюдения избирательных прав граждан государств — участников МПА СНГ (МИМРД МПА СНГ).

РЫЖКОВ Евгений Николаевич — начальник аналитического отдела МИМРД МПА СНГ, г. Санкт-Петербург
АНИСИМОВА Юлия Владимировна — начальник отдела мониторинга выборов МИМРД МПА СНГ, г. Санкт-Петербург

Конференция собрала более 100 участников из 7 государств — участников МПА СНГ, в ее работе приняли участие молодые парламентарии, представители национальных и региональных парламентов Азербайджанской Республики, Республики Армения, Республики Беларусь, Республики Казахстан, Кыргызской Республики, Республики Молдова, Российской Федерации, члены ЦИК Азербайджанской Республики, Республики Казахстан, Российской Федерации, руководители избирательных комиссий Санкт-Петербурга и Ленинградской области, научные сотрудники и преподаватели ведущих региональных вузов, члены молодежных общественных организаций, эксперты. В ходе круглых столов прозвучало более 30 докладов и выступлений, в том числе — директоров Бакинского, Бишкекского, Ереванского и Кишиневского филиалов МИМРД МПА СНГ.

Пленарное заседание открыл директор МИМРД МПА СНГ Д.Г. Гладей, подчеркнувший неподдельный интерес, который вызвала молодежная тематика у всех участников электорального процесса.

Приветствуя собравшихся, координатор ММПА СНГ, член Комитета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации по социальной политике Т.Р. Лебедева отметила важность усилий по максимально раннему формированию у молодых людей осознанного отношения к выборам.

Временно исполняющий должность Генерального секретаря — руководителя Секретариата Совета МПА СНГ Д.А. Кобицкий сообщил, что МПА СНГ является инициатором ряда регулярно проводимых в странах Содружества мероприятий, направленных на развитие молодежной политики и способствующих активному межгосударственному диалогу, в том числе в электоральной сфере. В последние годы заметную роль в этой деятельности играют филиалы МИМРД МПА СНГ, которые напрямую выстраивают взаимоотношения с молодежной аудиторией в тех государствах, где функционируют.

Секретарь Центральной избирательной комиссии Республики Казахстан С.С. Мустафина огласила приветствие Председателя ЦИК Республики Казахстан Б.М. Имашева, отметившего партнерские отношения ЦИК Республики Казахстан и МИМРД МПА СНГ и высоко оценившего вклад МПА СНГ и МИМРД МПА СНГ в совершенствование законодательной базы выборных процессов на пространстве Содружества.

Член Центральной избирательной комиссии Российской Федерации А.Н. Клюкин рассказал о системной работе ЦИК России и подведомственных учреждений по привлечению молодых избирателей на участки, формированию осознанного отношения к институту выборов. Председатель Санкт-Петербургской избирательной комиссии В.А. Миненко привел примеры мероприятий по повышению правовой культуры молодежи города.

Содержательную часть конференции открыл доклад заместителя директора МИМРД МПА СНГ Е.В. Голоулиной «Электорат завтрашнего дня:

ожидания и реальность». В нем был приведен анализ социальной активности, правовой культуры, гражданской ответственности, мотивации и иных характеристик молодежного сегмента общества, а также прогнозировалась наиболее вероятная модель поведения этой социально и экономически активной его части в ближайшем будущем.

Доклад базировался на результатах социологического исследования, проведенного МИМРД МПА СНГ и его филиалами среди студентов ведущих вузов Азербайджанской Республики, Республики Армения, Кыргызской Республики, Республики Молдова и Российской Федерации. Научное руководство исследованием осуществляли специалисты кафедры политической психологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Отметив важность института демократических выборов как основного инструмента реализации политической воли большинства, докладчик подчеркнула стратегическую необходимость активного вовлечения молодого поколения в легальные формы участия в политической жизни своих стран для обеспечения их социально-экономического развития.

Особое внимание было уделено социальным изменениям, связанным с цифровизацией общества, и в первую очередь, — способам восприятия информации. По данным исследования, интернет перехватил инициативу и сегодня в полном объеме выполняет функции традиционных СМИ и политической рекламы, в том числе в период непосредственного проведения выборов, оказывая значительное влияние на молодежную аудиторию в политической среде, что необходимо учитывать политическим партиям и органам государственной власти, претендующим на роль провайдера в доведении контента до молодых стейкхолдеров. Доклад Е.В. Голоулиной, вызвав интерес у представителей экспертного сообщества и молодежных общественных объединений, определил общую направленность дальнейшей дискуссии.

Руководитель Департамента прикладной политологии Санкт-Петербургского филиала НИУ «Высшая школа экономики» А.Ю. Сунгуров представил свое видение реальных и имитационных форм общественного контроля избирательных процессов.

Далее работа продолжилась в формате круглых столов.

Модератор круглого стола «Избирательный инфантилизм: реальность или миф?» — Председатель Избирательной комиссии Ленинградской области М.Е. Лебединский — представил доклад на тему «Муниципальные выборы как возможность реализации избирательных прав молодежи Ленинградской области».

Исполнительный директор Российского фонда свободных выборов М.А. Лесков рассказал об успешных региональных практиках молодежных избирательных комиссий Российской Федерации, пользующихся поддержкой Центральной избирательной комиссии Российской Федерации,

избирательных комиссий субъектов Российской Федерации и Российского фонда свободных выборов.

Председатель Ассоциации социологов и демографов Республики Молдова В. Мокану ознакомил участников мероприятия с результатами проведенного Ассоциацией при содействии Кишиневского филиала МИМРД МПА СНГ исследования на тему влияния институциональных изменений на электоральное поведение граждан.

Тезис о необходимости активно вовлекать молодежь в избирательные процессы и политическую деятельность получил практическое развитие в докладе заместителя начальника отдела мониторинга и совершенствования избирательных технологий Российского центра обучения избирательным технологиям при Центральной избирательной комиссии Российской Федерации (РЦОИТ) Д.А. Ежова, который рассказал о молодежных проектах РЦОИТ — всероссийском конкурсе «Атмосфера» и всероссийской интернет-олимпиаде для школьников по вопросам избирательного права и избирательного процесса.

Выступление заведующей кафедрой политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета О.В. Поповой было посвящено сравнительному анализу потенциального и реального уровня электоральной активности молодежи различных регионов Российской Федерации, в частности, факторам включенности молодежи в электоральный процесс или отказа от участия в голосовании.

И.С. Алёхина, доцент кафедры конституционного и административного права СЗИУ РАНХиГС, представила результаты анализа норм конституций и законодательства государств — участников СНГ по вопросам статуса и системы избирательных органов и выступила с предложением к МПА СНГ инициировать законотворческую инициативу квотирования для представителей молодежных парламентских структур в избирательных комиссиях среднего и нижнего уровня.

Директор Бакинского филиала МИМРД МПА СНГ Э.Б. Имамалиев поделился опытом государственной поддержки участия молодежи в общественно-политической жизни Азербайджанской Республики.

Директор Кишиневского филиала МИМРД МПА СНГ Е.С. Штирбу рассказал о путях повышения правовой культуры и гражданской ответственности молодых избирателей Республики Молдова.

Генеральный директор Центра социальных проектов «Белый дом» И.С. Бурикова обрисовала необходимые качества современного политического лидера, который, в частности, должен быть сильной личностью, независимой от системы и владеющей современными методами коммуникации.

Участники круглого стола «Вовлечение молодежи в политический процесс через институт выборов» провели обмен мнениями об изменении электорального поведения молодежи под влиянием информационных тех-

нологий и признали необходимость эффективной государственной поддержки и предоставления пассионарным молодежным лидерам социальных лифтов, из которых, как прозвучало на конференции, «необходимо изгнать лифтеров», сдерживающих их движение.

В этой парадигме были выдержаны доклады заместителя председателя Комитета Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации по образованию и науке Б.А. Чернышова, который подчеркнул, что в нынешних условиях максимальное использование возможностей сети Интернет является необходимой составляющей формирования политической культуры молодежи; директора филиала Академии государственного управления при Президенте Республики Казахстан по Павлодарской области Г.К. Исеновой, сформулировавшей основные характеристики «поколения Z» — молодых людей, родившихся в 90-е годы прошлого столетия и в первое десятилетие нынешнего, и указавшей на необходимость применять к ним новые методы электорального обучения, и директора Ереванского филиала МИМРД МПА СНГ В.Д. Аветисяна, который сделал акцент на значимости использования социальных сетей в современной политической, в особенности предвыборной, борьбе на примере прошедших в декабре 2018 года в Республике Армения внеочередных парламентских выборов.

Председатель Центральной избирательной комиссии Автономного территориального образования Гагаузия И.П. Комура (Молдова) рассказал о социально-политической обстановке в регионе и о методах работы с молодежью с учетом национальных особенностей.

Директор Бишкекского филиала МИМРД МПА СНГ И.М. Мурсабеков проинформировал собравшихся об опыте Кыргызской Республики в формировании молодежного представительства в парламенте с использованием системы квот.

По окончании обсуждения на круглых столах участники мероприятия приняли резолюцию, в которой заявили о своей готовности использовать МИМРД МПА СНГ в качестве постоянно действующей дискуссионной, научно-практической и интеграционной площадки для диалога профильных комиссий национальных парламентов и парламентских организаций, общественных молодежных организаций и объединений, научных и образовательных организаций и объединений, организаторов выборов государств СНГ и международных организаций, осуществляющих деятельность в электоральной сфере, а также обратились с предложением к МПА СНГ проводить конференцию по вопросам участия молодежи в электоральном процессе с регулярностью один раз в два года для поддержания актуального обмена позитивным опытом, результатами исследований и разработками.

Во второй половине дня в продолжение мероприятий конференции в Таврическом дворце прошла встреча ее участников с Молодежным парламентом и Молодежной избирательной комиссией Ленинградской области. Модератором встречи стала руководитель аппарата Общественной палаты

Ленинградской области, член Палаты молодых законодателей при Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации М.А. Григорьева, которая до этого представила на втором круглом столе доклад, посвященный деятельности Палаты молодых законодателей при Совете Федерации.

Доцент кафедры психологии человека Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена Т.В. Анисимова посвятила свое выступление необходимости трансформации результатов научных исследований в лучшие практики активного вовлечения молодежи в избирательный процесс.

Лейтмотивом встречи стало живое общение представителей Молодежного парламента и Молодежной избирательной комиссии Ленинградской области с участниками конференции, молодыми депутатами из государств — участников МПА СНГ, представителями филиалов МИМРД МПА СНГ.

Высказанные в рамках конференции идеи и предложения, а также презентации результатов научных исследований могут быть полезны для парламентариев и представителей парламентских организаций, молодежных организаций и объединений, организаторов выборов государств Содружества, научных и образовательных организаций и объединений, а также членов международного экспертного сообщества.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

OUR AUTHORS

АЗАРОВ Артур Александрович, кандидат технических наук, начальник отдела информатизации и связи Администрации Центрального района Санкт-Петербурга; AZAROV Arthur Aleksandrovich, candidate of technical sciences, Head of Informatization Department of the Central Administration District of St. Petersburg; artur-azarov@yandex.ru

АНИСИМОВА Юлия Владимировна, начальник отдела мониторинга выборов МИМРД МПА СНГ; ANISIMOVA Yuliya Vladimirovna, Head of Election Monitoring Department, IIMDD IPA CIS; ayv@iacis.ru

БРОДОВСКАЯ Елена Викторовна, доктор политических наук, доцент, профессор Департамента политологии и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, главный научный сотрудник Института перспективных исследований Московского педагогического государственного университета (МПГУ); BRODOVSKAYA Elena Viktorovna, doctor of political sciences, professor of Department of Political Science and Mass Communications, Financial University under the Government of the Russian Federation, senior researcher of Institute for Advance Studies, Moscow Pedagogical State University (MPSU); brodovskaya@inbox.ru

БЫШОК Станислав Олегович, исполнительный директор Автономной некоммерческой организации «Международная организация по наблюдению за выборами «CIS-ЕМО»; BYSHOK Stanislav Olegovich, executive director of Autonomous non-profit organization «International organization for election monitoring «CIS-ЕМО»; sbyshok@gmail.com

ВЕДЕНЕЕВ Юрий Алексеевич, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права Московского государственного юридического университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА); VEDENEEV Yuri Alekseevich, doctor of law, professor of the department of theory of state and law, Kutafin Moscow State Law University (MSAL); vedpol45@gmail.com

ГОЛОВИН Алексей Геннадьевич, кандидат юридических наук; заместитель руководителя аппарата Комитета Совета Федерации по федеративному устройству, региональной политике, местному самоуправлению и делам Севера; GOLOVIN Aleksei Gennad'evich, candidate of law, Deputy Secretary General, Federation Council Committee on Federal Structure, Regional Policy, Local Government and Northern Affairs; aggolovin@mail.ru

ГОЛОВИНА Анна Александровна, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела теории права и междисциплинарных исследований законодательства Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; GOLOVINA Anna Aleksandrovna, candidate of law, senior researcher of the Department of the Theory of Legislation, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; aagolovina@mail.ru

ДЕВИЦКИЙ Эдуард Иванович, кандидат юридических наук, доцент, начальник отдела научных исследований Иркутского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); Devitskii, Eduard Ivanovich, candidate of law, assistant professor, head of the Department of Scientific Researches, Irkutsk Institute (Branch), All-Russian State University of Justice; irf@rpa-mjust.ru

ДОМБРОВСКАЯ Анна Юрьевна, доктор социологических наук, доцент кафедры социально-политических исследований и технологий Московского педагогического государственного университета (МПГУ); DOMBROVSKAYA Anna Yurievna, Doctor of Sociological Sciences, Associated Professor of the Department of Social and Political Studies and Technologies, Moscow Pedagogical State University (MPSU); an-doc@yandex.ru

ИЩЕНКО Анна Александровна, соискатель кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука ФБГОУ ВО «Российский государственный университет правосудия»; ISCHENKO Anna Aleksandrovna, applicant of the department of constitutional law named N.V. Vitruk, Russian State University of Justice; anutka26rus@mail.ru

КАРАСЕВ Валентин Иванович, доктор философских наук, член-корреспондент Академии педагогических и социальных наук, руководитель департамента Всеобщей конфедерации профсоюзов (ВКП); KARASEV Valentin Ivanovich, doctor of philosophy, associate member of the Academy of pedagogical and social sciences, head of department of General Confederation of Trade unions; karasev_vi_52@inbox.ru

КАРЗУБОВ Дмитрий Николаевич, оператор 5-й научной роты Московского высшего Общевоинского командного училища, рядовой; KARZUBOV Dmitry Nikolaevich, Operator of 5th Scientific Group Moscow Higher Combined Arms Command School; karzubovdn@gmail.com

КОРОЛЕВ Сергей Викторович, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой государственного права юридического факультета Государственного университета по землеустройству, главный научный со-

трудник Института государства и права РАН; KOROLEV Sergei Victorovich, doctor of law, professor, head of the state law department of the faculty of law, State University of Land Use Planning, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Science; sko.05@mail.ru

РОГОВА Алена Александровна, старший преподаватель кафедры государственно-правовых дисциплин АНО ВО «Московский гуманитарный университет»; ROGOVA Alena Aleksandrovna; senior lecturer, Department of State Law, Moscow University for the Humanities; alenalexrogova@gmail.com

РЫЖКОВ Евгений Николаевич, начальник аналитического отдела МИМРД МПА СНГ; RYZHKOV Evgenii Nikolaevich, Head of Analytical Department, IIMDD IPA CIS; evgueni_rjtkov@mail.ru

ФЕДОРОВ Владислав Иванович, аспирант факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова; FEDOROV Vladislav Ivanovich, post-graduate student of Political Science faculty; Lomonosov Moscow State University; vladislavfedorov.t@gmail.com

ХАПЧАЕВ Султан Таласович, кандидат юридических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин, председатель предметной комиссии административно-правовых дисциплин Северо-Кавказской государственной гуманитарной технологической академии (СКГГТА); KHAPCHAEV Sultan Talasovich, candidate of law, Associate professor of the Department of state and legal disciplines, Chairman of the Subject commission of administrative and legal disciplines of the North Caucasian State Humanitarian Technological Academy (NCSHTA); hapchaev82@yandex.ru

ХОРХОРДИНА Наталия Павловна, аспирант кафедры философии и социологии социально-гуманитарного факультета ОУП ВО «Академия труда и социальных отношений»; KHORHORDINA Natalia Pavlovna; post-graduate student of the department of philosophy and sociology of the faculty of social and humanitarian sciences, Academy of Labour and Social Relations; stasi_45@mail.ru

ЧИСТОБОРОДОВ Илья Григорьевич, кандидат юридических наук, начальник факультета подготовки научных и научно-педагогических кадров Академии управления МВД России; CHISTOBORODOV Ilya Grigor'evich, candidate of law, head of the faculty for the training of scientific and scientific-pedagogical personnel, Academy of the Interior Ministry of Russia; I.Chistoborodov@mail.ru

Правила направления, рецензирования и опубликования статей

Направляемые для публикации в журнале «Гражданин. Выборы. Власть» статьи должны соответствовать следующим требованиям.

Тема и содержание статьи должны соответствовать профилю, научному уровню и тематическим направлениям журнала, обладать научной новизной и представлять интерес для специалистов. Специфика издания — освещение наиболее важных аспектов избирательного процесса, современных достижений юридической и политической науки.

Статьи, ранее опубликованные или переданные в другие издания, в журнале не публикуются.

Объём статьи должен составлять не менее 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков), для раздела «Рецензии» — 0,25 авторского листа (10 тыс. знаков). Материалы, объем которых превышает 1 авторский лист (40 тыс. знаков) рассматриваются Редколлегией только в порядке исключения. При этом оптимальным вариантом, которому отдаётся предпочтение, является статья с отклонениями от указанного максимального объёма не более 5 тысяч знаков.

Название статьи должно соответствовать ее содержанию. Название печатается заглавными буквами на русском и английском языках, и не должно превышать трех строк.

Статья должна быть подготовлена в текстовом редакторе Microsoft Word for Windows (версии 6.0 и выше, в формате *.doc) с использованием стандартного шрифта Times New Roman размером № 14 через полтора межстрочных (компьютерных) интервала на русском языке для основного текста.

Все фактические данные, а также цитаты, приводимые в статье, должны иметь точные и исчерпывающие ссылки на источник. Авторы несут ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, экономико-статистических данных, имен собственных и иных сведений, за правомерность и корректность заимствований из других источников, а также за использование информации, не предназначенной для открытой печати, в соответствии с законодательством Российской Федерации.

Сноски на литературу размещаются по тексту статьи в ручных квадратных скобках: [1], [2], [3] и т.д.... Номер страницы цитируемого источника или их интервал указываются через запятую при необходимости [1, с. 15]; [1, с. 15–20] Библиографическое описание цитируемой литературы размещается в разделе «Литература» в конце текста статьи в порядке ее упоминания в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5-2008, с нумерацией без квадратных скобок: 1,2,3 и т.д.... В раздел «Литература» включаются только те публикации (монографии, научные статьи и т.д.), на которые есть ссылки в тексте статьи. Авторам рекомендуется избегать цитирования учебных изданий. Ссылки на нормативные правовые акты, статистические данные и результаты опросов приводятся в подстрочнике (в случае необходимости) или в тексте статьи. В разделе «Литература» указанные источники не упоминаются. Авторские пояснения приводятся в подстрочнике или в тексте статьи. Текст направляемого материала должен соответствовать стилистическим, орфографическим, синтаксическим и другим нормам русского языка. Сокращения слов не допускаются. Цитаты, приводимые в статье, должны быть тщательно выверены и подтверждены ссылками.

Особые требования предъявляются к иллюстративному материалу. Таблицы должны быть пронумерованы, озаглавлены и иметь сноску на источник, а рисунки, кроме этого, подписаны. Весь графический материал должен быть выполнен в чёрно-белом цвете, интегрирован в файл формата *.doc и представлен в виде, доступном для редактирования, а также иметь отсылки в тексте. Если диаграмма недоступна для редактирования, то необходимо сопроводить её таблицей данных. Графический материал должен сопровождаться надписями на русском языке. Авторам рекомендуется избегать интеграции в текст статьи большого количества таблиц, рисунков и диаграмм.

Согласно требованиям ВАК России, к статье обязательно прилагаются: аннотация (не более 5 предложений на русском и английском языках), список ключевых слов (5–8 на русском и английском языках), сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью, официальное место работы, занимаемая должность, учёная степень, звание (аббревиатуры расшифровывать), адрес места работы (или домашний адрес) с указанием почтового индекса, телефон и адрес электронной почты). Сведения об авторе предоставляются на русском и английском языках.

Данные о получении грантов на соответствующие исследовательские проекты приводятся в сноске на первой странице. Авторские комментарии и примечания возможны как в тексте статьи, так и в подстрочных сносках.

Невыполнение любого из указанных требований является поводом для отказа в приёме материала.

Принятие статьи к рассмотрению не означает гарантии её публикации.

Все статьи, поступившие в редакцию и отвечающие настоящим требованиям, рецензируются. Редакция журнала направляет копии рецензий в Министерство науки и высшего образования Российской Федерации при поступлении в редакцию журнала соответствующего запроса. Редакция оставляет за собой право редактировать текст публикации (изменять название, сокращать объём, представлять числовые данные в графической форме и пр.).

Перепечатка материалов допускается только при наличии ссылки на журнал «Гражданин. Выборы. Власть».

Электронный вариант статьи необходимо направлять посредством электронной формы отправки статей на странице издания в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» или по электронному адресу gvv@tcoit.ru с пометкой «статья в журнал».

Направление автором текста статьи в редакцию означает его добровольное согласие и безвозмездное предоставление редакции права на использование его произведения и любой его части в печатной и электронных версиях (в том числе, включение в различные базы данных, информационные системы и системы научного цитирования), а также согласие на обработку персональных данных автора и прочие работы с привлечением третьих лиц в целях популяризации произведения. Редакция рассматривает факт получения статьи как передачу авторами исключительных прав на их использование в соответствии указанными выше условиями.

Плата за публикацию с авторов не взимается, гонорары не выплачиваются.

Журнал распространяется по подписке и по списку рассылки.

Журнал выходит раз в три месяца.

**ГРАЖДАНИН
ВЫБОРЫ
ВЛАСТЬ**

**НАУЧНО-АНАЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ**

**№ 1(11)
2019**

ЯНВАРЬ–МАРТ

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций.
Свидетельство ПИ № ФС77-66246 от 1 июля 2016 года

Подписано в печать 12.03.2019.
Формат 70x100 1/16.
Печать офсетная.
Печ. л. 13.
Тираж 500 экз. Заказ № 0245

Отпечатано в ООО «Диамант-принт»
394036, г. Воронеж, ул. Трудовая, д. 50, кв. 10